ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1955

Ответственный редактор
доктор филологических наук
проф. В. И. БОРКОВСКИЙ

Р. И. АВАНЕСОВ и В. И. БОРКОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Не все местные разновидности общенародного языка древнерусской народности восстанавливаются при помощи научного исследования в одинаковой степени. Среди них древний новгородский диалект является одним из наиболее известных историку русского языка.

Новгород издавна славился своей высокой культурой, совершенством искусства, в особенности архитектуры, богатой и многообразной письменностью. Даже та часть новгородской письменности, которая сохранилась до наших дней и которая составляет небольшую долю былых богатств, представляет собой огромную ценность и принадлежит к числу национальных сокровищ великого русского народа.

Сохранившиеся новгородские письменные памятники относятся ко времени, начиная с конца XI в. Среди них имеются датированные Минеи за 1095—1097 гг.[1], новгородские грамоты XIII—XIV вв.[2], новгородские летописи, в том числе древнейший Синодальный список 1-й Новгородской летописи, новгородские писцовые книги и многие другие памятники.

Новгородские письменные памятники уже давно являются предметом исследования историков русского языка. Достаточно назвать работу П. А. Лавровского «О языке северных русских летописей», вышедшую еще в 1852 г. Новгородские Минеи были изучены самим издателем — академиком И. В. Ягичем[3], а затем и другими исследователями[4]; Синодальный список 1-й Новго-

[1] См. И. В. Ягич. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописям Московской Синодальной типографии 1095—1097 гг. (Памятники древнерусского языка). СПб., 1886.

[2] См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века (Исследования по русскому языку, т. 1). СПб., 1885—1895.

[3] См. названное сочинение И. В. Ягича.

[4] См. работы: В. Л. Комарович. Язык служебной октябрьской Минеи 1096 года. Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925; М. И. Корнеева-Петрулан. Язык служебной Минеи

родской летописи — Б. М. Ляпуновым и Е. С. Истриной[1], новгородские грамоты — А. А. Шахматовым, В. И. Борковским[2]. Много внимания уделяет анализу новгородских памятников академик В. В. Виноградов в своем известном исследовании «Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии»[3].

Историк русского языка имеет возможность делать наблюдения над развитием новгородского диалекта на протяжении чуть ли не тысячелетия: как установлено исследователями-лингвистами, имевшиеся диалектные особенности ярко отражаются уже в древнейших памятниках (с XI в.) и позволяют представить место новгородского диалекта среди других диалектов (выделяемых более или менее четко, а частью лишь предполагаемых) в составе языка древнерусской народности как одну из его местных разновидностей. По памятникам последующей эпохи феодальной раздробленности можно судить как о многих общерусских (общевосточнославянских) изменениях, так и о дальнейшем развитии и углублении диалектных черт, позволивших выделить диалект новгородской земли среди территориально смежных диалектов — псковского и полоцко-смоленского. В процессе образования великорусской народности, в языковом отношении наметившемся уже в XIII в. и интенсивно протекавшем в XIV и XV вв., роль новгородского диалекта была весьма своеобразна и сложна.

Колыбелью великорусской народности и ее языка была Ростово-Суздальская земля, и если говорить точнее, то с начала XIV в. — Москва, находившаяся на ее юго-западной окраине. Ростово-Суздальская земля имела сложное по происхождению и не вполне однородное в диалектном отношении население: западная ее часть по верхней Волге, примерно до впадения в нее р. Мологи, была заселена с давних пор восточными кривичами, которые появились здесь, видимо, до того, как в диалекте западных кривичей развились своеобразные смоленско-полоцкие явления. Однако северо-западная окраина Ростово-Суздальской земли уже тогда была занята новгородскими словенами. Остальная же ее часть — обширный восток — была населена иноязычными племенами — мерей и муромой — и лишь постепенно осваивалась славянами — теми же восточными кривичами и частью (на севере) новгородскими словенами. В эпоху

1095 г. Под ред. Н. Н. Дурново. РФВ, т. 75, 76, 78 за 1916 и 1917 гг.; С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. Изв. 2-го Отд. РАН, т. XXIX, 1924.

[1] См. Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи, вып. I. СПб., 1900; Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Изв. ОРЯС, т. XXIV и XXVI за 1919 и 1921 гг. (отд. отт. — Пг., 1923).

[2] См. названное сочинение А. А. Шахматова, а также В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. «Изв. Крым. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX, Симферополь, 1940, стр. 78—151; «Ученые записки Ярославского пед. ин-та», вып. IV, Ярославль, 1944, стр. 3—61. Его же. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949.

[3] См. В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. Изв. ОРЯС, т. XXIV, кн. 1 и 2 за 1919 г. (отд. отт. — Пг., 1923).

феодальной раздробленности, в XII и первой половине XIII в., Ростово-Суздальская земля с ее славянским населением значительно распространилась в восточном и северном направлениях: на восток — до устья рек Унжи и Оки (до Нижнего Новгорода), на север — по Шексне, Костроме и Унже.

Таким образом, уже на самых ранних этапах развития языка великорусской народности новгородский диалект имел определенное значение, хотя и не решающее: ростово-суздальский диалект образовался на базе диалекта восточных кривичей с участием цокающего диалекта новгородских словен Верхнего Поволжья (на север от Волги). Этим, можно думать, объясняется то, что основная часть ростово-суздальских говоров (кроме тех, которые имели иноязычный, восточнофинский субстрат) не знает и, видимо, не знала цоканья, в то время как говоры северной окраины Ростово-Суздальской земли (как и говоры Новгородской земли) были издавна цокающими и в значительной мере сохранили цоканье до последнего времени.

Чрезвычайно своеобразно было место новгородского диалекта в начальный период формирования языка великорусской народности, когда еще не полностью утратилось древнерусское (общевосточнославянское) единство, но когда уже наметились новые языковые, территориальные, экономические и культурные общности, наиболее явственно на юго-западе (украинская) и северо-востоке (великорусская).

Новгород, носитель древнейших традиций, восходящих к киевской эпохе, не примыкает сразу к ростово-суздальскому ядру великорусской народности, хотя связи с ростово-суздальским востоком были значительны, а от восточнославянского юга и юго-запада он уже весьма обособился.

В это время на севере Новгород, наряду с городами Ростово-Суздальской земли (Владимиром, Ростовом, а затем Москвой), является крупнейшим экономическим и культурным центром. Новгородский диалект этого периода развивается и крепнет. С одной стороны, в нем появляются новые диалектные черты, обособляющие его от других диалектов в большей степени, чем это имело место раньше; с другой стороны, он все шире становится средством развития культуры и литературы. Богатая новгородская письменность XIII—XIV вв. так широко отражает живые черты языка Новгорода, что позволяет говорить о новгородском диалекте как языковой основе новгородской письменности и литературы. Налицо как будто все условия, при которых местный диалект постепенно может развиться в самостоятельный язык.

Однако дальнейшая история Новгородской земли не только не способствовала этому, но повела языковое развитие по совершенно иному пути. Взаимоотношения с Ростово-Суздальской Русью рано привели Новгород ко все растущей зависимости от последней — зависимости, приведшей к присоединению Новгорода к Русскому государству (1478).

Репрессии центральной власти, «вывод» во внутренние области новгородского населения, главным образом землевладельцев и купцов, производившийся в широких размерах (например, в 1489 г. из Новгорода было выведено

более 7000 человек), а также заселение Новгорода выходцами из центральных областей, — все это не могло не затормозить самостоятельного развития новгородского диалекта. Новгородский диалект (северо-запад Руси) и раньше никогда не был полностью обособлен от ростово-суздальского диалекта (северо-восток Руси). Теперь же начинается эпоха их совместного развития в составе языка великорусской народности.

Новгородская культура — изобразительное искусство, архитектура, письменность и литература, имеющие богатые и древние традиции, — вносит свою долю, и притом весьма значительную, в развитие соответствующих областей культуры великорусской народности.

Что касается отражения новгородского диалекта в письменности, то естественно, что его специфические черты в эпоху после присоединения Новгорода к Москве выступают более тускло. В связи с государственной централизацией для XVI в. оказывается характерной унификация приказного делового языка, сохраняющего свой «московский» (в основе «ростово-суздальский») характер на разных территориях Русского государства. Особенно это сказывается в письменности Новгородской земли в силу отмеченных выше специфических условий ее истории. Характерно, что с этого времени новгородский диалект лучше прослеживается в письменности Двинского и Вологодского севера[1], чем в самом Новгороде и окружающих его землях. Современная диалектология также свидетельствует об этом.

Огромное количество написанных на пергамене грамот XII—XIV вв., в частности новгородских, позволяло предполагать, что грамотность в древней Руси была широко распространена, что к письму прибегали в быту не только для написания частных актов (духовных, данных, вкладных, купчих, меновных, раздельных и т. д.), но и в других целях.

Вплоть до последнего времени такое предположение оставалось лишь предположением.

Доказательства были получены в 1951 г. в результате исключительно успешных раскопок в Новгороде, произведенных возглавленной проф. А. В. Арциховским экспедицией[2]. Найденные при раскопках десять грамот на бересте и предметы домашнего обихода с надписями на них явились ярким свидетельством широкого распространения грамотности уже в древней Руси.

---

[1] См., например: Л. Л. Васильев. Вологодское евангелие XVI в. РФВ, т. 57, 1907.

[2] Итогам экспедиции посвящены следующие три статьи А. В. Арциховского, а также книга А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова: А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12. Его же. Археологические открытия в Новгороде. «Вестник Академии Наук СССР», 1951, № 12. Его же. Раскопки 1951 г. в Новгороде. «Советская археология», 1953, XVIII. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., Изд-во АН СССР, 1953.

Откликнулись на находку берестяных грамот и языковеды: В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности. «Вопросы языкознания», 1952, № 3. Ф. Ф. Кузьмин. Новгородская берестяная грамота, № 9. Там же.

В 1952 г. в результате раскопок, которые были произведены археологической экспедицией, также возглавлявшейся А. В. Арциховским, было обнаружено значительно большее количество грамот на бересте — 73 грамоты[1].

Огромное значение Новгорода в истории восточных славян как в древнейшую эпоху образования древнерусской народности, так и в последующую эпоху образования великорусской народности определяет тот исключительный интерес, который проявляют самые широкие круги советской общественности к открытию А. В. Арциховским новгородских берестяных грамот.

Трудно переоценить историческое и общекультурное значение найденных берестяных грамот, представляющих по своему содержанию записи частных лиц, частные письма.

Авторы берестяных грамот — «простые люди», мужчины и женщины.

Берестяные грамоты драгоценны для историка языка тем, что они отражают живой разговорный язык народа, чего нельзя сказать в такой же мере о традиционной письменности не только церковно-культовой (а таких памятников сохранилось больше всего), но и о деловой и юридической, так как в последней немалое место занимают традиционные юридические формулы и канцелярские штампы.

Берестяные грамоты драгоценны для историка языка также тем, что, сохранившись в древнем культурном слое, в течение веков не тронутом человеком, они не оставляют сомнения в своем новгородском происхождении: перед нами непосредственное свидетельство о живом общенародном языке древнего Новгорода разных эпох. Этим они отличаются от значительной части других письменных памятников, обычно трудно поддающихся точной локализации.

Однако для историка языка важно не только место написания памятника, но и его время. Между тем нельзя считать окончательным то приурочение отдельных памятников к той или другой эпохе, которое сделано первыми исследователями и издателями берестяных грамот — А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым.

Конечно, нахождение памятника на той или иной глубине, в определенном по своему характеру культурном слое весьма важно для установления времени написания памятника. Но это не может быть единственным и само по себе решающим критерием. Более веские данные могла бы дать палеография. Однако простое сопоставление начертаний берестяных грамот с начертаниями пергаменных (а для более поздней эпохи и бумажных) рукописей

---

[1] См. А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде. «Вестник Академии Наук СССР», 1952, № 12; с тем же заглавием — статья А. В. Арциховского в «Вопросах истории» 1953, № 1, стр. 114. — См. отклик языковеда на эти статьи: В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4.

В дальнейшем при ссылке на мнения А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского имеются в виду их работы, указанные здесь, а также в предыдущей сноске.

не может быть в достаточной мере показательно, ибо многое в начертаниях определяется материалом, на котором написана грамота, орудием письма и способом нанесения письмен. Между тем пергаменные (и бумажные) рукописи по этим признакам значительно отличаются от берестяных грамот. Поэтому сходные начертания в том и другом круге источников не могут обязательно свидетельствовать об их синхронности.

Следует иметь в виду также, что берестяные грамоты, как правило, написаны не писцами-профессионалами, а представителями широких кругов населения, которые к письму прибегали лишь от случая к случаю и писали каждый раз понемногу. Нельзя ли предположить, что в этих условиях эволюция начертаний протекает медленнее, чем в практике писцов-профессионалов, и что, следовательно, тождественные или сходные начертания в берестяных грамотах могут относиться к более позднему времени, чем в пергаменных (бумажных)?

Важное свидетельство могло бы дать изучение относительной хронологии развития начертаний в самой берестяной письменности более ранней и более поздней. Однако разработка палеографии берестяных памятников только еще начата, да и количество известных памятников слишком еще невелико, чтобы получить надежные выводы. Кроме того, пока отсутствуют датированные берестяные документы.

Перед исследователем имеется еще один путь определения времени написания берестяных грамот — путь лингвистический. В одних случаях палеографические данные могут помочь отнести факты языка к определенной эпохе. В других случаях, напротив, языковые данные могут помочь правильной палеографической интерпретации в смысле приурочения написаний того или иного памятника к определенной эпохе. При значительном своеобразии палеографии берестяных грамот и ее неразработанности этот второй путь представляется вполне закономерным: наука об истории русского языка обладает некоторым фондом надежных сведений о таких языковых явлениях, которые не могут быть отнесены ко времени ранее или позднее определенной эпохи. Так, например, историк русского языка едва ли согласится отнести написание **ѕамерьѕьли** (грамота № 69), отражающее определенные фонетические явления, к очень ранней поре — до XIII в.

Лингвистический анализ берестяных грамот позволяет в ряде случаев (но далеко не во всех) внести поправку в чтение отдельных мест грамот, отклонить или принять толкование, предложенное археологами и историками. И здесь большое значение имеет уже установленная на основании изучения памятников на пергамене хронология ряда языковых явлений, в первую очередь — в области фонетики.

Историк русского языка не может принять чтение **иѕби** в грамоте № 9 (письмо от Гостяты к Василью), предложенное М. Н. Тихомировым, как **и ѕби**, и сопоставить, по предложению М. Н. Тихомирова, выражение **иѕбивъроукы** со словом **събить** «согнать, прогнать».

Как известно, первые примеры перехода глухих согласных в звонкие были отмечены исследователями в памятнике 1219 года — Житии Нифонта.

Даже и в том случае, если грамоту № 9 отнести к XII в. (возможно, к ее первой половине[1]), а не к XI в., как предполагают историки и археологи[2], то поправка в хронологии ассимилятивного озвончения [с] явилась бы весьма значительной. Вносить такую поправку на основании спорного толкования одного случая, при этом в грамоте, последовательно сохраняющей ъ и ь в слабом положении, нам представляется неправомерным.

Бесспорно, только совместные усилия историков, археологов, палеографов и языковедов могут обеспечить всестороннее изучение берестяных грамот, в частности — извлечение из них всего того, что они могут дать для истории русского языка и истории русского народа, позволят с бо́льшим основанием отнести каждую из берестяных грамот к определенному периоду времени.

На данном этапе изучения берестяных грамот у лиц, исследовавших эти грамоты, нет полного единодушия ни в определении хронологии грамот, ни в толковании ряда мест в грамотах, ни в лингвистическом анализе отдельных форм. По некоторым вопросам, — но не по основным, главным, — различных мнений придерживаются и авторы данной книги.

* * *

В труде А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)» помещены снимки и прориси всех 10 грамот.

В статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г., приведены снимки и прориси только 15 (из 73) грамот.

Таким образом, в настоящее время наука располагает данными о 25 грамотах, поскольку остальные еще не вошли в научный обиход.

Несомненная ценность находки берестяных грамот для истории русского языка побудила Институт языкознания АН СССР посвятить коллективный труд этим 25 грамотам, не ожидая, когда станут доступным для изучения остальные 58 грамот[3].

Палеографическое описание новгородских берестяных грамот сделано Л. П. Жуковской, фонетические особенности исследованы Р. И. Аванесовым, морфология — П. С. Кузнецовым, синтаксические явления — В. И. Борковским, лексика — Н. Б. Бахилиной; ею же составлен и указатель; тексты грамот и комментарии подготовлены Л. П. Жуковской.

---

[1] Таково мнение Р. И. Аванесова (см. главу «Фонетика», стр. 81). Л. П. Жуковская (см. главу «Палеография», стр. 54) считает, что на основании начертаний букв грамоту № 9 можно отнести и к XI в. и к первой половине XII в.

[2] К XI в., при этом к первой его половине, отнес грамоту № 9 и В. И. Борковский в статье «Драгоценные памятники древнерусской письменности», стр. 133.

[3] Предлагаемое исследование было подготовлено к печати в конце 1953 г., в связи с этим публикации последующего времени (как самих грамот, так и исследований о них) здесь не учтены.

Палеографический анализ берестяных грамот позволил выяснить особенности письма на бересте.

Ценный материал дали берестяные грамоты для подтверждения имеющихся сведений по хронологии фонетических и морфологических явлений, о чем говорится ниже в соответствующих главах, для выяснения истории отдельных звуков и форм в новгородском диалекте.

В ряде случаев на основании берестяных грамот исследователь смог решить вопрос, была ли распространена та или иная грамматическая форма в живом русском языке (см., в частности, выводы об аористе).

Заслуживает внимания синтаксическая сторона берестяных грамот. Содержание приведенных ниже грамот резко отличается от содержания официальных грамот и говорит о событиях, непосредственно относящихся к автору письма и живо его волнующих. Грамоты почти свободны от литературной традиции (определенная традиция — трафаретная формула начала грамоты-письма в грамотах № 3, 4, 6, 9, 17, 23, 27, 43, 49, 53, 69), а потому наиболее полно (по сравнению с другими памятниками) свидетельствуют о синтаксических конструкциях, характерных для живого общенародного языка.

В соответствующей главе этот важный вопрос получил освещение, хотя и не полное, поскольку общий объем грамот незначителен, а всестороннее изучение синтаксиса требует большого материала.

Исследование лексики грамот расширило имеющиеся сведения о словарном составе древнерусского языка, преимущественно в области выражения обыденных, житейских понятий и обозначения соответствующих предметов.

Поскольку для дальнейшего изложения весьма важным является выяснение вопроса о хронологии берестяных грамот, необходимо остановиться во «Введении» на тех поправках к установленной А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым датировке грамот, которые позволяет сделать палеографический и лингвистический анализ (преимущественно фонетический).

Поправки предложены в главах, написанных Л. П. Жуковской («Палеография»), Р. И. Аванесовым («Фонетика») и П. С. Кузнецовым («Морфология»).

Палеографическая и стратиграфическая датировка грамот, по М. Н. Тихомирову (палеографическая датировка лишь в отношении первых десяти грамот) и А. В. Арциховскому (стратиграфическая датировка всех грамот), следующая[1]:

№ 1 — по А. В. Арциховскому — XIV в., возможно — начало XV в.; по М. Н. Тихомирову — первая четверть XV в.

№ 2 — по А. В. Арциховскому — XIV в.; по М. Н. Тихомирову — конец XIV — начало XV в.

№ 3 — по А. В. Арциховскому — XIV в.; по М. Н. Тихомирову — XIV в.; «вернее» — первая его половина.

---

[1] О первых десяти грамотах приводим выводы, сделанные в книге А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова; о других грамотах — в статьях А. В. Арциховского.

№ 4 — по А. В. Арциховскому — XIV в.; по М. Н. Тихомирову — первая четверть XIV в.

№ 5 — по А. В. Арциховскому — конец XIII в. или, «в крайнем случае», — начало XIV в.; по М. Н. Тихомирову — первая половина XIV в.

№ 6 — XIII в. (мнения обоих ученых совпадают).

№ 7 — XII в. (мнения обоих ученых совпадают).

№ 8 — по А. В. Арциховскому — XII в.; по М. Н. Тихомирову — «примерно» XII в.

№ 9 — XI в. (мнения обоих ученых совпадают).

№ 10 [1] — по А. В. Арциховскому — XIV в. или, «самое позднее», — начало XV в.; по М. Н. Тихомирову — XV в.

Следует отметить, что в своих общих замечаниях, предшествующих рассмотрению грамот (каждой в отдельности), М. Н. Тихомиров дает для ранних грамот более широкие хронологические границы и относит к периоду XI—XII вв. грамоты № 7, 8, 9. Что касается грамот № 1, 3, 4, 5, М. Н. Тихомиров не уточняет датировку в пределах века — «первая четверть», «начало», «первая половина»; грамота же № 2, которая была определена при ее детальном рассмотрении как написанная на грани двух веков (конец XIV — начало XV в.), здесь, в общих замечаниях, отнесена к XIV в.

Датировка остальных грамот следующая (по А. В. Арциховскому): № 17 — XV в.; № 21 — XV в.; № 23 — XV в.; № 24 — XV в.; № 25 — XV в.; № 27 — XV в.; № 40 — XIV в.; № 41 — XIV в.; № 43 — XIV в.; № 46 — XIV в.; № 49 — XIV в.; № 53 — XIV в. (в статье в «Вопросах истории» — XIII—XIV вв.); № 54 — XIII в.; № 69 — XII в.; № 78 — XII в.

Абсолютное большинство грамот правильно отнесено к тому или иному веку. Однако в числе грамот, датировка которых требует уточнения, оказались те, которые представляют наибольший интерес и для историка и для лингвиста — все древнейшие (XI—XII вв.) из найденных экспедициями грамот: № 7, 8, 9, 69, 78.

Остановимся на грамотах, датировка которых, данная археологами и историками, требует в той или иной степени уточнения.

Не приводим здесь доказательств в пользу предлагаемой датировки, так как они имеются в соответствующих главах настоящей работы [2].

№ 1. Грамота должна быть отнесена ко времени не ранее середины XV в.

№ 2. Палеографический анализ не позволяет отнести грамоту определенно к XIV или к XV в. Правильнее дать широкую дату: XIV—XV вв.

№ 3. На основании палеографических особенностей грамоту можно отнести к XIV в., но не к началу его; лингвистические черты грамоты также указывают на то, что грамота, видимо, относится ко второй половине XIV в.

[1] Надпись на ободке сосуда из бересты.

[2] Когда датировка грамоты указывается не только на основании палеографического анализа, но и на основании лингвистического анализа (часто грамота не содержит показательного языкового материала), это отмечается в каждом отдельном случае.

№ 4. Вторая половина (может быть, середина) XIV в.

№ 5. XIV в.

№ 7. По начертаниям букв грамоту можно отнести и к XII в. и к началу XIII в., но по языковым данным — скорее к XIII в.

№ 8. Начертания ряда букв позволяют определить датировку: вторая половина XII — начало XIII в.; лингвистические особенности указывают скорее на XIII в.

№ 9. По палеографическим данным грамота может быть отнесена и к XI в. и к первой половине XII в.; по языковым — к XII в., возможно, к первой половине.

№ 17. Конец XIV—XV в.

№ 40. Конец XIV—начало XV в.

№ 41. Середина или вторая половина XV в.

№ 43. XIV в. (но не начало).

№ 49. Вторая половина XIV в.

№ 53. XIV в., повидимому, вторая половина.

№ 54. XIII — начало XIV в.

№ 69. Палеографические данные позволяют отнести грамоту к XI — началу XII в., но языковые черты свидетельствуют о том, что грамота относится даже не к XII, а к XIII в., поэтому правильнее датировать ее XII—XIII в.

№ 78. Палеографические особенности позволяют отнести грамоту к XII в., но лингвистические данные говорят в пользу более позднего времени — XIII в.

Как видно из предыдущего изложения, анализ языковых особенностей грамот № 3, 7, 8, 9 позволяет только более точно определить их датировку и не вносит существенных поправок в выводы, сделанные на основе палеографического анализа.

Что касается грамот № 69 и 78, то здесь, при решении вопроса о датировке, приходится исходить или из палеографического анализа, или из лингвистического анализа, так как расхождения в датировке весьма значительны.

Поскольку в случаях расхождений показания языка являются главными, решающими (и для лингвиста и при данных обстоятельствах для палеографа), — грамоты № 69 и 78 должны быть отнесены к XIII в.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ПАЛЕОГРАФИЯ

Написания посредством вдавливания или процарапывания (в более редких случаях) на бересте существенным образом отличаются как от написаний чернилами и красками на пергамене, бумаге, бересте и другом материале, так и от написаний способом вырезывания и вырубания на деревянных предметах или выдалбливания и высекания на каменных и других твердых материалах. При этом палеографические отличия таких памятников зависят от материала, на котором делаются те или иные написания, и от орудия и, следовательно, способа, которым производилось письмо.

В чернильных написаниях знаки, как правило, наносились свободно скользящим пером (также тростинкой, кистью). Поверхность материала при этом должна была обладать каким-то минимумом отшлифованности. Поэтому независимо от материала, на который наносились знаки, линии букв (рисунков и т. п.) имели свои особенности, зависевшие от орудия и способа нанесения начертаний.

Первая и главная особенность чернильных написаний состоит в том, что они, так сказать, «поверхностны», и материал, на котором производится написание, не подвергается заметной деформации под нажимом орудия письма.

Второй их особенностью является то, что таким написаниям свойственны сочетания толстых и тонких линий и более или менее закономерное чередование их (закономерность возникает сначала как следствие определенных сходных приемов в начертаниях букв, а затем узаконивается определенными требованиями каллиграфии).

Третья особенность — наличие сравнительно хорошо выполненных округлостей и всякого рода дугообразных начертаний.

При нанесении знаков ножом (если только в этих случаях производится вырезывание или вырубание линий, а не процарапывание) толстые и тонкие

линии имеют совершенно иную последовательность чередования. Каждая линия в этих случаях более толста в своей основной части и тонка в конце и начале (за исключением тех случаев, когда «писец» имел специальную декоративную цель). Это объясняется способом нанесения линии: два последовательных нажима лезвием в направлении внутрь и несколько наискось навстречу друг другу. Материал при этом подвергается деформации и часть его удаляется (в случае начертания выпуклых букв техника иная, но материал также деформируется и выкрашивается). Особенностью знаков, нанесенных путем вырезывания, является также и то, что в них преобладают прямые направления линий; овалы и дуги при этом либо отсутствуют совсем[1], либо являются таковыми лишь условно, так как по существу представляют собою различного вида треугольники, четырехугольники и многоугольники.

При процарапывании, высекании и выдалбливании знаков на твердом материале (сухая штукатурка, камень, дерево и т. п.) материал выкрашивается, а при царапании на мягком (например, сырая штукатурка) частично продавливается и как бы раздвигается. Особенности начертания букв в этих случаях более близки к буквам вырезываемым, чем к написанным пером.

Написания на бересте имеют свои специфические особенности. Лишь в отдельных случаях на берестяных грамотах можно отметить надрезы и процарапывания (в этих случаях на границе линии можно рассмотреть как бы завихрения крошечных отслоившихся кусочков бересты). Преобладают берестяные грамоты[2], написанные простым надавливанием тонкого, но не слишком острого предмета. Береста в этих случаях деформируется — прогибается (вдавливается), но не выкрашивается. При такого рода письме наблюдается известное сопротивление материала (бересты) «резцу», которым производится написание, что вызывает необходимость затрачивать большее усилие при движении «резца», чем при движении пера или другого предмета, наносящего знаки по поверхности. Это приводит к неточным начертаниям: на берестяных грамотах появляются отдельные мачты букв, выходящие за уровень строки в верхнее или нижнее междустрочное поле, менее точно сопрягаются дуги, соприкасаются прямые линии (так, перекладины букв соприкасаются с мачтами не всегда в намеченной точке; имеются различия даже в пределах одной и той же грамоты, причем различия эти не связаны с определенной хронологией текста). Это обстоятельство в значительной степени осложняет датировку берестяных грамот.

---

[1] Ср., например, глаголическую букву ⰿ в надписи № 3 на деревянной крышке кадки, найденной А. В. Арциховским во время новгородской экспедиции 1951 года.

[2] В дальнейшем термин «берестяные грамоты» употребляется без пояснения в каждом случае — «написанные путем вдавливания букв на бересте», так как здесь не рассматриваются берестяные грамоты, написанные чернилами (во время археологической экспедиции 1952 г. найдена одна чернильная грамота, но пока не прочтена).

Написания на бересте, как правило, не имеют различающихся между собой толстых и тонких линий, поскольку толщина линии зависит не от силы нажима, а от ширины надавливающей поверхности орудия письма. В грамотах, написанных плоским «резцом» типа острия ножа, имеющего плоскую и острую сторону, а не типа шила (острие круглое), широкие (толстые) и узкие (тонкие) линии букв сосуществуют, но они не противопоставлены каллиграфически. Этим написания путем продавливания на бересте отличаются от написаний чернилами на любом материале, в том числе и на бересте.

Однако написания на бересте посредством надавливания на нее могут иметь овалы и дуги, и их тем больше, чем эластичнее была береста в момент нанесения на нее знаков. Если береста не эластична, пересушена, а также если наносимые линии слишком глубоки, различного рода дуги и сопряжения производятся с бо́льшим трудом и потому менее точно.

Все эти обстоятельства, связанные со спецификой начертаний на бересте, необходимо иметь в виду исследователю палеографии берестяных грамот, найденных во время археологических раскопок 1951 и последующих годов в Новгороде.

Своеобразие начертаний на бересте посредством продавливания знаков требует создания особого раздела палеографии. Со временем, когда будут найдены новые берестяные рукописи — рукописи датированные, относящиеся к разным векам и написанные в разных местностях, будет создана палеография берестяных грамот — научная дисциплина, которая позволит определять время и место написания того или иного недатированного документа, начертанного на бересте указанным путем.

В настоящее время, когда производится лишь первоначальное собирание и накопление материала и научная общественность только еще знакомится с ним, не может быть подлинно научного обобщения материала. Предлагаемые выводы, естественно, заключают в себе много эмпирического.

Ввиду всего изложенного наше описание палеографии берестяных грамот имеет лишь предварительный характер и преследует две задачи: 1) проверить стратиграфическую датировку грамот по данным палеографии и 2) выявить специфику буквенных начертаний, нанесенных на бересту путем продавливания (в применении по возможности к каждой из рассматриваемых грамот) с целью собрать материал не столько для предварительного обобщения, которое делается ниже, сколько для использования этих данных при изучении палеографии берестяных грамот в дальнейшем (можно полагать, что подобные находки должны в будущем иметь место в различных районах древнейшего расселения восточных славян).

Первая задача — установление времени написания той или иной берестяной грамоты — решается на основании изучения начертаний букв грамоты и сравнения этих данных прежде всего с данными палеографии памятников, написанных чернилами.

Между тем и те и другие обладают существенными различиями, в силу которых тождество написаний не может свидетельствовать о тождестве эпохи. Отличия между начертаниями на бересте, полученными путем выдавливания, и письмом чернилами заключаются не только в том, что они произведены разным способом и в большинстве случаев на разном материале, но и в некоторых других отношениях.

Известно, что пергамен в древности стоил дорого. Вследствие этого число лиц, писавших на пергамене, было невелико. Наоборот, цена бересты была ничтожно мала, если только она продавалась лицами, специально подготавливавшими ее для письма[1]. Писать на бересте мог любой грамотный и изучающий грамоту. Надо полагать, что всякий, умевший писать на пергамене чернилами, для своих записей и частной переписки мог использовать бересту и писать на ней либо путем продавливания линий, либо чернилами. Производя частную запись на бересте, пишущий не мог непосредственно следовать образцу какого-то оригинала, как это могло иметь место, например, при переписывании канонических книг. Человек грамотный должен был применять приемы, усвоенные им еще в период обучения грамоте, или вводить иные начертания букв, которые он мог видеть в разное время и в различных местах.

Письмо канонических памятников является наиболее традиционным. При датировке по палеографическим данным рукописей неканонического содержания следует иметь в виду, что в этих памятниках палеографические новшества проявляются раньше всего. Определенные указания на это есть в труде В. Н. Щепкина. Он пишет: «Все эти нововведения достигают типичности только постепенно (ранее и полнее — в дипломатических памятниках, чем в литургических) и долго имеют при себе в качестве пережитков более старые варианты»[2]. «...почерки конца 11-го века, особенно почерки простые (разрядка моя. — *Л. Ж.*), очень похожи на почерки первой поло-

---

[1] Береста новгородских берестяных грамот, являющихся предметом нашего рассмотрения, довольно толста — верхний наружный слой ее снят не везде тщательно. Этим она значительно отличается от бересты, использовавшейся в XVIII в. для писания книг. Так, все берестяные книги XVIII в. из собрания Государственного исторического музея отличаются значительно более тщательной обработкой материала. Среди них есть такие, толщина листов которых составляет 1—2 слоя (sic!) бересты, а каждый слой прозрачен и на вид не толще листка папиросной бумаги (точнее это должны определить специалисты-лесоведы). Поражает также величина этих тончайших листов. Так, например, полемическое сочинение против старообрядцев XVIII в. (ГИМ, Бахр. 28) написано на тетрадях, сшитых из тонких листов бересты размером 32 × 22 см. Как правило, переплет, вернее наружный лист такой берестяной книги (на них также размещен текст), имеет значительно большую толщину (не менее пяти слоев). Повидимому, толщина бересты в дошедших до нас новгородских берестяных грамотах приближалась к толщине этих первых листов-обложек позднейших книг. Вырабатывались тонкие листки бересты путем расслаивания, но не соскабливания. Это не вызывает сомнения, хотя способ такого расслаивания неясен.

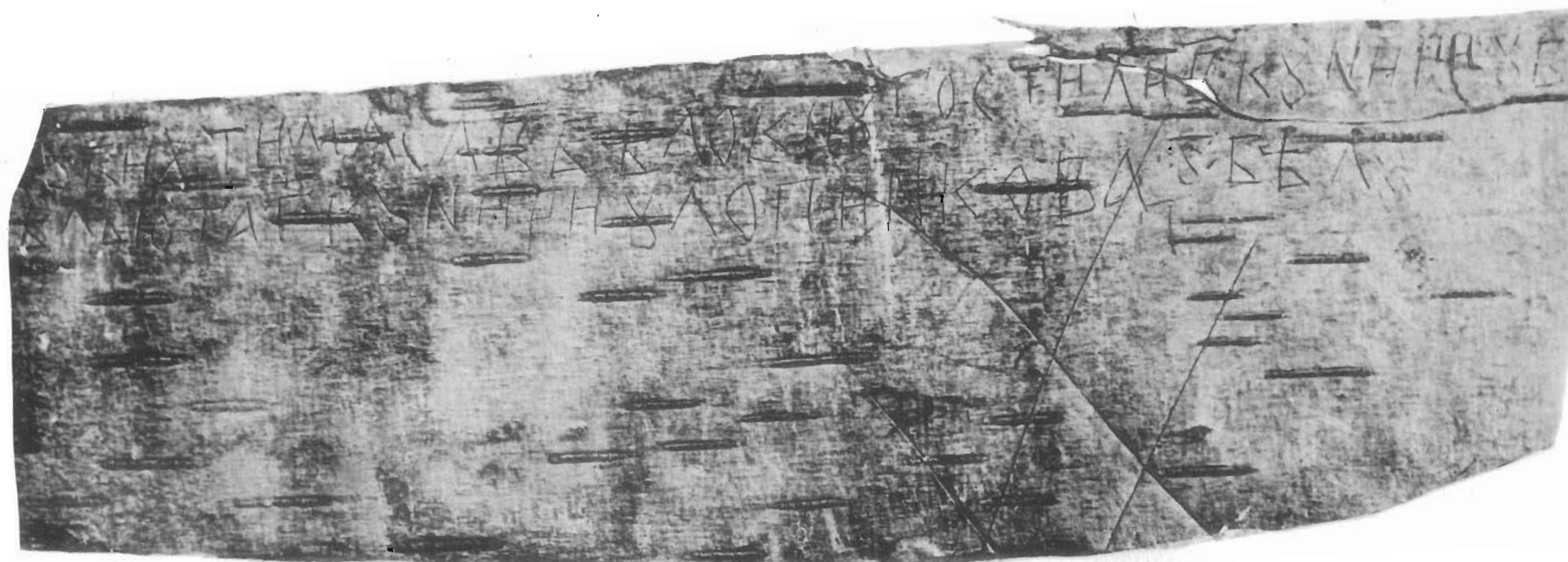
[2] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 104.

Грамота № 1

Грамота № 2 (лицевая сторона)

Грамота № 2 (оборотная сторона)

вины 12-го, а почерки второй половины 12-го века — на почерки начала 13-го века»[1].

Вследствие этого в датировке грамот, по данным палеографии[2] (при наличии сходных палеографических примет в той или иной грамоте и каноническом памятнике), ошибки могут быть допущены скорее в сторону преуменьшения относительной древности той или иной грамоты.

По сравнению со всеми до сих пор известными письменными памятниками и способами письма берестяным грамотам, таким образом, присущи следующие особенности: 1) несовпадение палеографических примет памятников одного и того же времени, написанных чернилами на пергамене или бересте и написанных посредством вдавливания на бересте, которое вызывается спецификой материала и способов письма; 2) различие круга лиц, писавших чернилами на пергамене (узкий круг писцов-профессионалов), и лиц, писавших вдавливанием на бересте (широкий круг лиц, относящихся к различным социальным группам); 3) неканоническое содержание берестяных грамот, что позволяло пишущим свободнее употреблять те или иные буквенные варианты и особенности начертания[3]. Вследствие этой специфики к датировке берестяных грамот нельзя полностью применять мерки, которые были выработаны для написаний чернилами и притом, — для древнейших эпох, — в основном на материале датированных памятников канонического содержания.

На необходимость осторожного подхода к датировке берестяных грамот указывает и специалист палеограф М. В. Щепкина. Она пишет: «. . .вряд ли в этих грамотах (т. е. берестяных. — *Л. Ж.*) можно давать решительную датировку, если она не подкрепляется указаниями на исторические события и лица. Если в пергаменных рукописях допускается при определении ошибка до полувека, то в берестяных грамотах, при их краткости и фрагментарности, при запаздывании типов их начертаний, колебания в определении времени их написания могут быть и больше. Поэтому вряд ли следует особенно уточнять даты без специальных на то показаний. Может быть, в силу этих соображений В. Н. Щепкин, несмотря на то, что дает анализ палеографический и лингвистический, относит новгородские „граффити“ суммарно к XI—XII вв., не пытаясь уточнить дату отдельных надписей»[4].

Поскольку в настоящей работе мы вынуждены датировку грамот производить по аналогичным приметам традиционной палеографии, в отдельных

---

[1] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 102.

[2] Следует отметить, что традиционность в отношении почерков, как правило, у писцов канонических книг сочетается с сохранением более старых норм графики и орфографии, употреблением устаревших грамматических форм и написаниями, не соответствующими новой фонетической системе говора. Поэтому в берестяных грамотах и новые явления в языке должны проявиться несколько ранее (но не значительно раньше), чем в других дошедших до нас документах древней письменности.

[3] Это будет полнее показано ниже, при анализе начертаний отдельных грамот.

[4] «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 160.

случаях вводятся поправки на основании данных языка той или иной грамоты. Это было возможно и целесообразно сделать, поскольку в настоящее время история русского языка располагает твердо установленными фактами, имеющими определенное историческое приурочение. Таким образом, факты языка при настоящем состоянии науки являются величиной известной, а факты берестяной палеографии — искомой. Поэтому мы и сочли возможным в ряде случаев при установлении даты той или иной грамоты опираться на данные языка писца.

Вторая задача, поставленная перед настоящей работой, — выявить специфику буквенных начертаний на бересте, — требует прежде всего представления большого количества фактического материала, относящегося к палеографии грамот. С этой целью ниже дается полное детальное описание всех типов начертаний букв, встречающихся в выбранных нами трех грамотах — № 17, 43, 78, заведомо относящихся к разным историческим периодам. Грамоты эти найдены в 1952 г. и еще не описаны со стороны их палеографии. Ввиду краткости текстов, фрагментарности их, а также в силу весьма ограниченного лексического состава даже в сравнительно больших грамотах, в текстах употребляются не все буквы и многие из них представлены единичными образцами. Поэтому выбраны грамоты, представляющие наибольший интерес по своим начертаниям и имеющие сравнительно большое число написаний каждой из букв. Буквенные начертания остальных грамот рассматриваются менее подробно и не все, при этом в первую очередь обращается внимание на начертания, характеризующие принадлежность грамоты к тому или иному времени, специально оговариваются специфические для той или иной грамоты начертания [1].

---

[1] При изучении начертаний букв берестяных грамот были использованы снимки с грамот № 1—8, 17, 21, 23, 24, 25, 27, 40, 41, 43, 46, 49, 53, 54, 69, 78, которые предоставил в распоряжение Института языкознания АН СССР Институт истории материальной культуры АН СССР. Грамота № 9 изучалась по снимку, приведенному в книге А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте» (М., Изд-во АН СССР, 1953).

Перед подготовкой данной работы к печати мы получили возможность детально рассмотреть подлинники грамот (все они хранятся в Отделе рукописей Государственного исторического музея). В настоящее время грамоты заключены между стеклами и окантованы. Текст грамот в большинстве случаев читается очень четко, буквы могут рассматриваться в разных положениях, в том числе и сбоку, а в некоторых случаях и с оборотной стороны. Это позволяет высказать ряд соображений о характере и способах начертания их. При рассмотрении грамот было отмечено, что снимки не всегда соответствуют подлиннику. Это несоответствие в основном вызывается тем обстоятельством, что береста несколько покоробилась, на ней имеются впадины, дающие на фотографии тени, которые и были при первом прочтении несколько раз ошибочно приняты нами за линии букв. Однако линии отдельных букв, проведенные на местах естественных поперечных темных полосок на бересте, иногда более отчетливо видны на снимке, чем в подлиннике (есть и обратные случаи).

При сравнении грамот и прорисей, в основном очень хорошо выполненных М. Н. Кисловым и приведенных во всех указанных выше публикациях берестяных грамот, выяснилось, что прорисями при изучении палеографии берестяных грамот следует пользоваться с осторожностью, поскольку они не всегда точно передают детали начертания той или иной

* * *

Береста рассмотренных нами грамот обработана сравнительно плохо. В большинстве грамот лишь очищена кора и приглажен наружный слой. Поэтому текст, как правило, расположен на внутренней стороне бересты, которая была более гладкой и в обработке не нуждалась. То обстоятельство, что внутренняя сторона была более темной, видимо, не смущало пишущих. В этом отношении исключение из числа рассмотренных грамот составляет грамота № 69 (подробнее об этом см. ниже), а также грамоты № 2 и 25, текст которых начат на внутренней стороне и продолжен на наружной; неясен этот вопрос в отношении грамоты № 4.

Рассмотренные нами грамоты указывают на отсутствие предварительной разлиновки бересты. Вследствие этого линия строки не всегда строго горизонтальна: в одних случаях более, в других — менее, в зависимости от твердости навыков писавшего.

Строки в грамотах идут обычно по горизонтальному направлению бересты. Это, очевидно, помогало пишущим лучше соблюдать линию строки.

Ввиду отсутствия разлиновки в берестяных грамотах, ниже, при описании их, применен термин «уровень строки». При этом «верхним уровнем» называется воображаемая линия, которая проходит через верхние точки букв **б, в, г, д, є, ж... п, т, с** и т. д., т. е. букв, не имевших в древних почерках частей, возвышавшихся над остальными буквами.

Под «нижним уровнем строки» подразумевается линия, проходящая через нижние точки букв, не имеющих частей, выходящих в нижнее межстрочное поле, т. е. букв **б, в, г, є, ж, и, к, л, н, о, п** и др.

«Межстрочным (или междустрочным) полем» ниже называются промежутки бересты, находящиеся между нижним уровнем одной из строк и верхним уровнем последующей строки. В применении к буквам той или иной строки (но не начальной и конечной строки в грамоте) употребляется определение «верхнее межстрочное пространство» или «нижнее межстрочное пространство».

Термин «сигнальная линия» употребляется ниже в общепринятом смысле.

ГРАМОТА № 78

«Грамота № 78 найдена на глубине 4,01 м, в слое XII века»[1]. Написана грамота на куске бересты, размером примерно 38,5 × 4 см (в узкой части — 2,3 см).

буквы и, конечно, не позволяют судить о последовательности и приемах написания букв Прориси оказывают услугу лишь при прочтении грамот.

[1] А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 118.

Линия строки сравнительно хорошо выдержана. Грамота написана четко, рукой, имеющей твердые навыки в письме.

В грамоте содержится следующий текст:

I. вьѕемиоутимоıщеодиноуна десѧтѣгривъноу

II. оувьицинашоуринаконѣписании: хомоут(ь)иво

III. женоголовеипопоноу.

Вызывает сомнение чтение А. В. Арциховским и М. Н. Кисловым буквы ь на конце слова хомоут-. Петли букв ъ, ѣ (другой буквы ь в грамоте № 78 нет) в этой грамоте замыкаются на уровне середины строки; петля же в предполагаемой букве ь II 35[1] доходит почти до верхней точки мачты. Главное же, что в самой грамоте просматривается линия правой мачты (она, повидимому, была принята указанными исследователями за прогиб бересты). Это позволяет читать здесь букву и. Правда, полной уверенности в том, что сохранившийся фрагмент относится к букве и, все же нет. То обстоятельство, что мачты буквы несколько наклонены вправо, не должно смущать, поскольку в грамоте не все мачты в буквах и строго вертикальны и параллельны, например, значительно наклонены вправо мачты в буквах II 7 (вторая), 13 (особенно вторая), 15 (обе) и др.

В тексте грамоты употреблены буквы а, в, г, д, е (везде после согласных), ж, ѕ, и, к, л м, н, о (узкое в начале и середине слова), п, р, с, т, оу (в начале и середине слова), ү, ц, ш, щ, ъ, ѣ, ѧ. В начале грамоты, подобно тому, как у надписи Самуила 993 г., у надписи на Тмутороканском камне 1068 г. и др., имеется знак в виде креста, по величине равный остальным буквам. Перекладина его справа оканчивается ограничивающей точкой, слева ограничительным штрихом, направленным вниз. Оканчивается грамота точкой, стоящей на средней линии высоты букв. Между словами и предложениями разделительных точек нет. Лишь перед словом хомоут- несколько ниже строки стоит знак, напоминающий современное двоеточие. Возможно, эти точки явились вследствие какого-то дефекта коры (иное объяснение см. ниже).

В ряде букв (см. ниже) хорошо выдерживается сигнальная линия на уровне средней линии высоты букв.

А. Буква а имеет треугольную петлю; спинка в верхней части значительно наклонена влево и не заходит выше петли; нижняя линия петли доходит до средней точки спинки. Писалась буква а в два приема, но с поворотом «пера» в двух точках: сначала левая линия головки сверху вниз, с поворотом в нижней точке на линии строки для последующего проведения нижней линии головки в направлении направо вверх. Второй штрих напоминает по конфигурации современное скорописное *г*: примерно от верхней трети уже

[1] Место в тексте грамот каждого приводимого здесь и ниже примера в дальнейшем указывается следующим образом: римской цифрой обозначается номер строки сверху, а арабской цифрой — порядковое место буквы в данной строке.

проведенной левой линии вверх направо проводится небольшая линия, повторяющая верхнюю часть уже проведенной левой линии; от нее с резким поворотом «пера» в верхней точке буквы пишется в направлении слева направо вниз спинка буквы.

Ƀ. Буква в имеет симметричные (в той мере, в какой это возможно на коре) петли, как правило, не замкнутые, так как колено в ней не соприкасается с мачтой. Но то обстоятельство, что в одних образцах верхняя петля несколько меньше (таковы I 1, III 9) в других — нижняя несколько меньше (I 30, II 2), говорит о том, что писец пытался выдержать симметрию и что его представления о графической норме не требовали от него написания одной из петель большего размера по сравнению с другой. Писалась буква в в несколько приемов (от двух до пяти). Так, буква в I 1 написана в два приема: мачта и линия, в виде зигзага, образующая петли; буква в I 30 — в три или четыре штриха (отчетливо видно, что верхняя горизонталь написана отдельно); в букве в III 9 заметен перерыв линии в месте соединения петель.

Г. В грамоте буква г встретилась дважды. Буква г III 5 имеет довольно длинную вертикальную черту, опускающуюся из крайней правой точки горизонтали почти до половины высоты буквы.

Д. Буква д целиком располагается на строке и имеет маленькую симметричную треугольную головку. Перекладина буквы расположена в нижней трети высоты буквы и пересекает две наклонные линии, образующие в своей верхней части головку. Концы перекладины соединяются особыми линиями с концами указанных двух наклонных линий. Вследствие этого буква д является как бы составленной из трех равносторонних треугольников: одного большого, расположенного вершиной вверх и образующего головку, и двух маленьких, расположенных вершиной вниз, на которые опирается этот треугольник. Писалась буква д в пять приемов, последовательность написания линий не вполне ясна. Буква д I 22 имеет очень маленькую головку, почти равную нижним треугольничкам. Подобное начертание буквы д не отмечено в тексте древних не-берестяных рукописей, но встречается в инициалах. М. В. Щепкина указала нам на наличие подобного начертания буквы д в инициалах Ростовского апостола 1220 г. (Рукопись ГИМ, Собрание синодальное, № 7).

Є. В грамоте представлено є только в середине слова после согласных. Буква є симметрична и не очень узка: по ширине (величине язычка) почти равна буквам н, и, з и подобным. Овал буквы є хорошо изогнут, но вверху и внизу у́же, чем язычок. Язычок горизонтален, выходит из середины овала; крайние кривые овала имеют ограничительные точки вверху и внизу, а язычок даже ограничительный штрих на конце.

Ж. Буква ж не вполне симметрична, однако все линии сходятся в середине вертикальной мачты. Это указывает на то, что рассматриваемая буква не далеко ушла от симметричных образцов. Писалась буква ж в пять приемов. Все концы линий оканчиваются ограничительными точками, даже мачта

имеет их внизу и вверху, причем особенностью нижних наклонных линий является то, что точки поставлены рядом с ними по сторонам; это делает букву более широкой в нижней части (возможно, что таково же происхождение точек слева от буквы ѵ).

Ꙁ. Верхняя линия буквы ꙁ небольшая, она строго горизонтальна. Слева от нее спускается вниз с небольшим наклоном внутрь довольно длинная черта, лишь немного не доходящая до излома, где начинается хвост. Хвост сильно изогнут в точке на нижнем уровне строки, нижняя часть его занимает все межстрочное пространство. В вертикальном направлении он располагается непосредственно под головкой, так что нижняя часть хвоста лежит на одной линии с его верхней точкой и левой точкой головки.

И. Перекладина в букве и располагается горизонтально и в середине высоты мачт (см. буквы I 6, 9, 16, 29; II 25, 26, 33; III 3, 11). Писалась перекладина слева направо; это видно из того, что в отдельных случаях она пересекает правую мачту. Исключение составляют буквы и II 4, 6, 12, в которых перекладина наклонна. В букве II 4 она идет от средней точки левой мачты направо вверх примерно к точке в верхней трети правой мачты; в буквах II 6, 12 перекладина имеет аналогичный наклон в противоположную сторону и потому эти буквы и напоминают очертанием букву н.

К. Буква к несимметрична и не образует колена. Состоит она из трех самостоятельных линий. Верхняя часть буквы больше нижней. Правая наклонная верхняя линия соединяется с мачтой в нижней трети ее. В верхней точке эта линия ограничена крупной точкой. От точки этой линии, находящейся на сигнальной линии (в грамоте № 78 ею является середина высоты букв, размещающихся на строке), в направлении направо вниз идет нижняя правая линия буквы к, которая оканчивается большим ограничительным штрихом, направленным направо вверх.

Л. Буква л симметрична, ограничительные штрихи отсутствуют.

М. Буква м состоит из двух симметричных треугольников, соединяющихся друг с другом на нижней линии строки, ограничительных штрихов лишена.

Н. Буква н напоминает *N* латинское, перекладина идет из крайней верхней точки левой мачты (в букве II 15 несколько ниже) к самой нижней точке правой мачты (I 18, 20; II 15) или к точке в нижней трети правой мачты (I 33; II 7, 13, 19, 24; III 16). Ограничительные точки поставлены на концах мачт не во всех случаях.

О. Во всех случаях употребляется буква о узкое, в том числе в начале слова I 14; III 4. Буква о симметрична, писалась в два приема: два полуовала, соединяющиеся вверху и внизу.

П. Буква п почти квадратна, пишется сравнительно точно, без ограничительных штрихов.

Р. Буква р имеет сравнительно суженную полукруглую головку, по величине примерно равную обычным буквам, размещающимся на строке. Мачта

прямая и длинная, занимает почти все межстрочное пространство. Пишется буква ρ в два приема: мачта и полуовал справа.

С. Буква с несимметрична: верхняя часть ее изогнута меньше нижней. Буква с I 23 почти не имеет изгиба сверху, а только ограничительный штрих. Внизу овальная линия как бы продолжена специально поставленной несколько правее и выше точкой.

Т. Перекладина обладает ограничительными штрихами, не спускающимися заметно вниз, но в равной степени заходящими вверх и вниз.

Оу. Встретилось только написание оу, в том числе и в середине слова после согласных: I 18, 33; II 10, 30; III 17. Первая часть буквы выведена как обычное о (см. выше); вторая часть ее, собственно у, пишется двумя чертами, из которых правая, бо́льшая, имеет очень сильный наклон справа вниз налево. Эта черта выходит из границы строки, но не доходит до верхнего уровня следующей строки. Левая линия почти вертикальная и с очень небольшим наклоном слева вниз направо. Обе линии соединяются несколько выше нижнего уровня строки.

Х. Буква х образуется пересечением двух линий. Первая линия, идущая справа вниз налево, — прямая; она имеет в верхней части справа хорошо заметную ограничительную точку и внизу выходит в межстрочное пространство. Вторая линия, идущая слева вниз направо, имеет *s*-образный изгиб; она не выхо́дит из строки. Пересекаются обе линии в средней точке высоты букв. Слева от буквы х стоят две точки, назначение которых, возможно, аналогично соответствующим точкам в буквах ж, с, т. е. они лишь увеличивают ширину буквы.

Ц. Буква ц похожа на позднее одностороннее ч. Она обладает длинным хвостиком, начинающимся на половине уровня высоты букв, и занимает все межстрочное пространство. Нижняя горизонталь проведена лишь немногим ниже средней линии высоты букв. Мачты буквы ц вверху расставлены шире, чем внизу.

Ш. Буква ш — широкая, но у́же, чем составленные две буквы и, и и подобные.

Щ. Буква щ отличается от ш меньшим размером мачт, поскольку горизонталь ее проведена выше нижней линии строки, примерно на $^1/_3$ высоты букв. Хвостик является прямым продолжением средней мачты и совсем немного заходит ниже уровня строки. Таким образом, буквы ц и щ располагаются почти полностью в строке.

Ъ. Буква ъ имеет симметричную треугольную петлю, что достигается благодаря сильному наклону мачты справа вниз налево. Правая линия петли доходит до середины мачты. Горизонтальная линия имеет слева ограничительный штрих. Головка буквы ъ I 31 несколько сужена.

Ѣ. Буква ѣ, так же как ъ, имела наклонную мачту и треугольную петлю. Мачта почти не выходит за верхнюю границу строки, и коромысло

буквы ѣ лежит поэтому ниже уровня строки. Правая линия треугольной петли соприкасается с мачтой в середине ее.

Ѧ. Буква ѧ имеет своеобразную форму. Головка ее велика, равна по высоте соответствующим частям букв д, ц, щ. Наклонные линии ее внизу не выходят ниже уровня строки. Перекладина в средней точке пересекается вертикальным штрихом, который несколько выходит в нижнее межстрочное пространство.

* * *

Сравнивая начертания букв грамоты № 78 с древними текстами, написанными чернилами, можно признать эту грамоту весьма ранней. Так, на относительную древность грамоты № 78 указывают следующие рассмотренные выше данные палеографического анализа: симметричное к, почти симметричное ж, имеющее большую верхнюю часть; в буквах ъ, ѣ симметричные петли, доходящие до середины мачты; буква и с перекладиной посередине; буква к с большой верхней частью; буква н с перекладиной, спускающейся ниже середины правой мачты (как в XII в.) и даже до самого низа ее (как в почерках XI в.).

Головка буквы р имеет вид полукруга, примыкающего к мачте. По величине головка несколько меньше остальных букв, и в этом отношении является переходной формой от первоначальной кириллицы. Ср. в связи с этим определение В. Н. Щепкина: «...первоначальная, до нас не дошедшая кириллица имела следующие особенности... 2. Буква р имела маленькую головку в виде полукруга, вверху прильнувшего к прямой спинке. Таково р в надписи Самуила 993 г. и на серебряных монетах Ярослава Мудрого (ум. 1054). Русские датированные рукописи этой черты уже не имеют...»[1]

Особый интерес представляют буквы д, ц, щ (см. букву д в надписи Самуила), которые в грамоте № 78 имеют малую верхнюю часть и хвостиками не выходят из строки либо выходят в самой незначительной степени. Эти начертания, с одной стороны, указывают на древность грамоты № 78. С другой стороны, наличие таких начертаний идет вразрез с положением В. Н. Щепкина, который, характеризуя особенности первоначальной кириллицы в письме чернилами, писал: «3. Буквы ц и щ стояли хвостиками на строке и, таким образом, подобно древнейшим д и р, имели верхнюю часть малого размера... Русские датированные рукописи 11-го века уже не знают этой черты. Но в югославянских рукописях она встречается и позднее 11-го века»[2].

Характерно для древнейших памятников, что писцы еще не устанавливают правила в написаниях о узкого и о широкого, не употребляют букву ѵ в середине слова.

---

[1] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 97.

[2] Там же.

В грамоте нет букв ѥ, ѩ, ю, а также буквы ч, которые имели характерные особенности в древнейших почерках. Это осложняет датировку грамоты № 78.

А. В. Арциховский относит грамоту № 78 к XII веку. Палеографические особенности букв грамоты не отрицают возможности такой датировки. Сравнение начертаний букв грамоты № 78 с буквами в сохранившихся текстах XI—XII вв., написанных чернилами, позволяет относить ее даже и к более раннему времени. Однако лингвистический анализ текста, сделанный Р. И. Аванесовым и П. С. Кузнецовым, предполагает иную датировку — XIII век[1]. Поскольку «на один из двух основных своих вопросов славяно-русская палеография отвечает не собственным методом, а помощью лингвистики . . .»[2], и это особенно важно в отношении берестяных грамот, среди которых пока еще нет датированных, постольку необходимо признать основательность датировки с помощью данных языка, прочно установленных на большом материале памятников, написанных чернилами.

Но, принимая датировку на основании языка грамоты, приходится ставить вопрос о несоответствии палеографических примет рукописей древнейшего периода, написанных чернилами, и берестяных грамот, о запаздывании начертаний в последних.

ГРАМОТА № 43

«Грамота № 43 найдена на глубине 2,68 м, в слое XIV века»[3]. Написана она на куске бересты размером 17 × 5,3 см.

Линия строки в грамоте волниста.

Текст грамоты:

I. (ѿ)борисла.коностасии.какоп
II. риде.сѧ.грамота.тако приш
III. лими.цоловѣкъ.нажерепцѣ
IV. ꙁанеми.ꙁдѣсе.дѣлъ.много.да
V. пришли.сороцицю.сороцицѣꙁа
VI. быле.

В грамоте употреблены следующие буквы: а, б, в, г, д, е (во всех случаях после согласного, но не *j*), ж, ꙁ, и, к, л, м, н, о, ѿ, п, р, с, т, ц, ш, ъ, ы, ю, ѣ, ѧ.

---

[1] Аналогично решается вопрос и о датировке грамоты № 69 (см. ниже).

[2] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 4.

[3] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 117.

Особенностью грамоты являются два случая переноса на согласный: **п/ридеся** I—II, **приш/ли** II—III.

Грамота изобилует разделительными знаками — точками. Почти каждое слово грамоты отделено от другого точкой. В конце грамоты также стоит точка. На прориси показаны ошибочно поставленные точки в словах **ко.ностасии** I, **г.рамота** II. Судя по снимку, этих точек в грамоте нет. В подлиннике имеются точки, но они совершенно поверхностны и этим отличаются от остальных, поставленных со специальной целью. Мачты букв грамоты в целом слегка наклонены влево в их верхней части (в отдельных случаях — вправо).

Почерк грамоты геометричный, прямоугольный, вытянутый вверх.

А. Буква **а** имеет очень узкую, длинную петлю, несколько более широкую в верхней части, чем в нижней. Правая сторона петли во всех случаях образована прямой линией, соединяющейся со спинкой в самой верхней точке высоты букв под острым углом. Форма буквы **а** в ее левой части во всех встретившихся в грамоте написаниях различна. В букве **а** II 13, 15, III 14, IV 2, 22, V 24 линия петли представляет собой длинную дугу; в букве **а** I 14, 19, II 9 она представляет прямую линию, изломанную внизу и повернутую направо вниз до нижней точки линии букв. В том и в другом случае левая черта петли наверху соединяется со спинкой небольшой горизонтальной линией. В букве **а** I 7 эта линия мала, и петля буквы предельно узка (в самой широкой части у́же 1 мм).

Общей особенностью всех начертаний буквы **а** в грамоте № 43 является очень узкая петля, примыкающая к почти вертикальной спинке, в самой верхней части ее. В рукописях, написанных чернилами, этот тип единичен. Из рассмотрения различных таблиц почерков выяснилось, что близко к этому типу начертание буквы **а** в Требнике Шереметева XIV в.[1], которое отличается лишь бо́льшим наклоном спинки.

Б. Буква **б** имеет вертикальную мачту. Петля буквы **б** правильная, не поднятая; она треугольна, образуется мачтой, нижней горизонтальной линией и дугой, соединяющей крайнюю точку этой линии со средней точкой мачты. От верхней горизонтали спускается справа небольшой ограничительный штрих.

В. Буква **в** имеет своеобразную форму. Верхняя петля ее образует узкий прямоугольник во всю длину мачты. Нижняя петля расположена справа от нее и примыкает к верхней примерно на середине высоты. Петля имеет справа вид резко изогнутой дуги, т. е. она почти квадратна. Такой тип буквы **в** отмечен Я. И. Трусевичем в Договорной грамоте Новгорода и Ганзы

---

[1] См. Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы из снимков рукописей X—XVIII веков русско- и юго-славянских, вып. 1 — 140 азбук и образцов рукописей X—XIV вв. СПб., 1905, л. XIII, № 135.

1375 г.[1] и во многих памятниках XIV в., написанных чернилами. В. Н. Щепкин отметил этот тип начертания буквы в Новгородских граффити[2].

Г. Буква г отличается значительной величиной правого ограничительного штриха горизонтальной линии, особенно в букве II 7.

Д. Буква д (как и в грамоте № 78) расположена всеми своими частями на строке; имеет маленькую, треугольную головку. Вместо ножек также треугольники, образовавшиеся следующим образом: перекладина в букве д располагается в нижней трети высоты буквы и пересекает наклонные линии, образующие вершину головки; они доходят до нижнего уровня и особыми линиями соединяются с концами перекладины. Можно полагать, что буква д писалась в такой последовательности: сначала отдельными штрихами проводились две наклонные линии, затем от крайней нижней точки левой наклонной линии велась линия вверх налево до уровня нижней трети высоты букв, оттуда резким поворотом «пера» проводилась вправо горизонтальная линия, а от нее — влево вниз — делался последний заключительный штрих (он не во всех буквах соприкасается с правой наклонной линией, образующей головку; это особенно заметно в начертаниях буквы IV 8, 21).

Є. Буква є в грамоте встречается только в положении после согласных (но не *j*). Верхняя часть овала буквы є не завершена. Нижняя часть по величине в четырех случаях равна язычку (в II 4, IV 4 несколько короче) и является слабо закрытой, почти горизонтальной. Язычок выходит из средней точки овала, он горизонтален. Таким образом, буква є представляет собой переходную форму, приближающуюся к є якорному.

Ж. Буква ж несимметрична. Правая часть ее представляет колено, как в букве к, с изгибом на средней линии высоты буквы; она не примыкает к мачте. Левая часть имеет изгиб почти в самой верхней точке; от изгиба вниз слегка налево идет основная, слегка вогнутая линия и вверх налево — небольшой штрих верхней линии. Подобное начертание буквы ж отмечено Я. И. Трусевичем в Поучении Ефрема Сирина (до 1288 г.)[3].

Ꙃ. Начертание буквы ꙃ своеобразно. Верхняя линия ее горизонтальна, слева от нее спускается небольшой ограничительный штрих. Правая линия головки прямая, наклонена справа вниз налево и даже заходит в нижнее межстрочное пространство. Таково начертание буквы ꙃ во всех трех случаях ее употребления в грамоте; это дает основание считать, что оно не случайно. В древних рукописях, написанных чернилами, такое начертание, повидимому, не встречается. На уровне нижней четверти высоты букв от этой линии, в направлении вправо вниз, отходит хвост, изогнутый слабо (IV 1) или сильно (IV 7), но в том и другом случае хвост располагается не под головкой, а значительно правее ее.

[1] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XI, № 108.

[2] В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti. — Древности. Труды имп. Московского археологического общества, т. XIX, вып. III, М., 1902, стр. 35.

[3] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. VII, № 67.

И. Буква и имеет перекладину горизонтальную, расположенную посередине уровня мачт, за исключением трех случаев, когда перекладина имеет небольшой наклон слева вниз направо (sic!): I 17, III 4, V 12.

К. Колено буквы к изогнуто в средней точке уровня букв; оно не примыкает к мачте, верхняя часть его прямая, нижняя — почти прямоугольная. Особенность представляет буква к I 18, в которой верхняя часть колена ошибочно проведена длиннее, чем это необходимо, поэтому в данном случае нижняя дужка выходит не из конечной точки верхней прямой линии колена, а несколько выше ее. Нижняя часть колена дугообразна, либо, в свою очередь, изогнута, как колено (II 16).

Л. Буква л представляется написанной как бы не в ту сторону. Она имеет слева прямую, высокую мачту, почти от верхней точки ее отходит вправо вниз наклонная линия.

М. Буква м отличается тем, что мачты ее нисколько не раздвинуты книзу и в верхних точках соединены с серединными линиями небольшими прямыми горизонтальными линиями. Перемычка буквы м представляет не овал, а острый угол; она доходит до нижнего уровня строки.

Н. Буква н изображается как латинское *N*, но перекладина ее не достигает конца ни одной из мачт. Исключение в букве н IV 17, в которой перекладина соприкасается с правой мачтой в нижней ее точке.

О. Буква о узка, состоит из двух полуовалов, более или менее точных, соединяющихся друг с другом в верхней и нижней точках. Исключение о V 16, в которой левый овал неточен, изогнут в нижней трети высоты буквы, вследствие чего буква о расширена внизу и угловата. Буква о III 6 сравнительно широка и несколько напоминает прямоугольник. Различная ширина букв о не связана с различением о широкого и о узкого (положения для о широкого в грамоте нет).

Ѡ[1]. Грамота первоначально начиналась предлогом *от*, представляющим обычную в таких случаях лигатуру ѿ. Позднее левая часть бересты обломилась, и на снимке запечатлен только правый полуовал ѡ. О высоте середины ее судить невозможно.

П. Буква п обычной формы, однако в буквах III 19, V 1 левая мачта несколько выходит вниз из линии строки.

Р. Буква р имеет прямоугольную (в отдельных случаях квадратную) головку, величиной несколько меньшую, чем обычные буквы, но головка

---

[1] Здесь и ниже в грамоте № 17 алфавитный порядок при рассмотрении некоторых букв сознательно нарушается, хотя разбирается начертание в с е х имеющихся в грамоте букв. Так, буквы є—ю, о узкое — о широкое (либо ѡ), ѧ—ꙗ рассматриваются непосредственно одна за другой, поскольку это позволяет сделать попутно определенные выводы в области употребления этих букв в той или иной грамоте. В дальнейших работах рассматриваются не все буквы, и алфавитный порядок букв вообще не соблюдается, так как на первый план выдвигаются, как правило, наиболее важные начертания.

буквы ρ II 19 почти равна соседней с ней букве и. В правой верхней части прямоугольный характер головки в некоторых образцах нарушается, отмечается некоторая округлость. Таковы: I 4, III 17, V 9, 17. Мачта занимает нижнее межстрочное пространство.

Буква ρ подобного типа отмечена Я. И. Трусевичем в Листе князя Подольского Александра Кориатовича Смотрицкому монастырю 1375 г.[1]; буква ρ с прямоугольной головкой меньшего размера отмечена им в Псковском апостоле 1307 г.[2] и Новгородском апостоле 1309—1312 гг.[3]

С. Буква с двух типов. В одном из них почти отсутствует загиб вправо в верхней точке полуовала, и в этом отношении начертание буквы с сходно с начертанием рассмотренной выше буквы є. Такова буква с в следующих случаях: I 6, 12, IV 10, V I5. В буквах с I 15, II 5 вверху овал изломан и имеет два поворота: первый — направо, второй — направо вниз; в букве с V 7 от верхней точки овала идет только один штрих сразу направо вниз. В том и другом случае полуовал сверху сравнительно велик и закрыт.

Т. Коромысло в букве т пишется с наклонами в ту или другую сторону, что указывает на некоторую небрежность почерка, но не на норму. Коромысло ограничивается штрихами, направленными вниз, с наклоном внутрь, к мачте.

Ц. Этимологические *ц* и *ч* обозначаются буквой ц, у которой хвостик является непосредственным продолжением правой мачты и выходит в межстрочное пространство, а горизонталь лежит на нижнем уровне строки.

Ш. Средняя мачта в букве ш выше боковых и несколько выходит за верхнюю линию строки; вверху мачты расставлены и отстоят друг от друга несколько дальше, чем внизу. Буква ш лишь немного шире одинарных букв (ц, и и др.), но в то же время ýже буквы м.

Ъ Буква ъ имеет слабо наклоненную вправо мачту, вследствие чего петля не находится под головкой, а располагается вправо от нее. Петля в одном случае почти квадратная (III 12), в другом — треугольная (IV 15). Головка буквы ъ кончается ограничительным штрихом, идущим вниз.

Ы. Буква ы в левой части имеет ъ. Правая мачта буквы ы короткая, не достигает нижнего уровня строки и перечеркнута в верхней трети высоты буквы (т. е. по середине мачты).

Ѣ. Коромысло буквы ѣ располагается на верхнем уровне строки; справа и слева у него расположены ограничительные штрихи, направленные вниз. Мачта, как и мачты других букв, выведена наклонно вправо или влево. Петля — разной формы: от простого треугольника (III 10) до напоминающей квадрат (IV 13), вследствие сильного изгиба дуги, соединяющей середину мачты с нижней горизонтальной линией.

---

[1] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XI, № 109.
[2] Там же, л. IX, № 87.
[3] Там же, № 88.

Ю. Буква ю имеет прямую соединительную линию в середине высоты буквы, причем эта линия пересекает левую половину овала (на прориси ошибочно показано, что она пересекает весь овал).

Ѧ. Буква ѧ по величине равна другим буквам, и левая наклонная ее выходит ниже уровня строки, перекладина проходит примерно на средней линии высоты букв, третья, правая, ножка короче других (ошибочно, по-видимому).

На основании анализа начертаний букв грамоты № 43 можно отметить, что грамота занимает промежуточное положение между более ранними грамотами и более поздними, а в отдельных случаях представляет значительное своеобразие. Геометричный вытянутый почерк грамоты, начертания букв а, в, ж, е, р, ѣ позволяют датировать грамоту № 43 XIV веком и даже не началом его.

Стратиграфическая датировка проф. А. В. Арциховского и датировка грамоты на основании особенностей языка (см. ниже) подкрепляют датировку по начертаниям. Это позволяет сделать несколько замечаний, касающихся палеографии берестяных грамот (что особенно важно, поскольку до сих пор нет датированных рукописей на бересте, откуда могли бы быть извлечены собственные датирующие приметы берестяной палеографии).

Для почерка берестяных грамот XIV в. не является датирующей приметой начертание букв н, и, ѥ, как это имеет место в применении к почеркам памятников второй половины XIII—XIV в., писанных чернилами, поскольку есть грамоты XIV в., в которых перекладины в этих буквах пишутся как в «чернильных» почерках предшествующего периода.

Есть также грамоты XIV в., для которых не характерно набухание петель в буквах в, ь, ъ, ы, ѣ.

На грамоте № 43 можно также особенно отчетливо проследить, что, вследствие сопротивления материала, «резец», которым производилось надавливание, не всегда скользил в заданных направлениях; отсюда наклоны вправо и влево мачт букв, неточное проведение горизонталей (наклоненные в разные стороны перекладины в букве и, коромысла в букве ѣ, наклонная горизонталь в букве г и т. д.), а также вертикальных линий (например, разная высота мачт в букве н) и наклонных (например, в букве ѧ все три ножки имеют разную высоту). Вместе с тем буквы грамоты № 43 в основном соразмерны друг с другом по величине. Это указывает на то, что писец грамоты был человеком опытным в писании различных документов и, возможно, писал не только на бересте, но и чернилами на пергамене.

Таким образом, материал, на котором производилось выдавливание букв (т. е. береста), препятствовал соблюдению определенного направления линий. Они неточны и не вполне соответствуют линиям букв, которые наносились чернилами, и не вполне последовательно повторяют их типы.

Это обстоятельство в значительной степени затрудняет датировку берестяных грамот по начертаниям.

ГРАМОТА № 17

«Грамота найдена на глубине 1,81 м в слое XV века»[1]. Написана она на куске коры размером 19,5 × 5 см.

Линия строки в грамоте несколько волниста.

Текст грамоты:

I. поклон(ъ)ѿми---л(ѣ)косподину·своѥму

II. тимофию.ѕемлѧготованадо.вьсѣмѧна

III. пришлиѳсподинецлвкъ.спроста.амъıн

IV. ѥсминѥмъıматьрживеѕьтеѡнѥгосло

V. ка <.

После слога ми в I строке в прориси указаны буквы уа. В грамоте и на фотографии эти буквы отсутствуют. Кусочек коры с этими буквами, очевидно, отпал еще до того, как грамота была сфотографирована.

Непосредственно перед буквой л кусочек (меньший) коры, повидимому, отсутствовал с момента нахождения грамоты: его нет и в прориси. А. В. Арциховский восстанавливает в этом месте букву и[2]. Однако это чтение вызывает сомнение, поскольку сохранившаяся часть буквы — небольшой горизонтальный штрих, оканчивающийся точечным, но все же вертикальным нажимом, не может быть элементом буквы и. Здесь по начертаниям возможно скорее предположить букву е или ѥ, а также букву і. Подобными же штрихами завершаются рожки начальной буквы с в слове спроста (III 20).

Отсутствует на снимке буква е в начале IV строки, на прориси она есть. Причина та же — выщербился кусочек коры.

А. В. Арциховский и М. Н. Кислов читают букву ѣ в I строке как букву і после буквы л перед словом к осподину (в конце слова, которое прочитано ими как Міхаілъ; ср. начертание буквы ѣ II 26).

На прориси не указана буква (может быть, не одна), стоящая на поле между III и IV строками над словом не сминѥмъ. Эта буква (буквы?) не прочитана и нами. За буквой ı имеется другая буква (ц ?), также не указанная на прориси. Впрочем не ясна и сама буква и.

В тексте грамоты употреблены буквы: а, б, в, г, д, е, ѥ, ж, ѕ, и, ı, к, л, м, н, о, ѳ, ѡ, п, р, с, т, у, ф, ц, ш, ъ, ъı, ь, ѣ, ю, ѧ. Из них буква е употреблена для обозначения звука *е* в положении после согласных, кроме *ј*; буква ѥ употреблена для обозначения звука *е* с предшествующим ему интервокальным согласным *ј*. Буква ı с перечеркиванием посередине употреблена в начале слова ıмать (IV) после буквы ъ, оканчивающей предыдущее слово.

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 115.

[2] См. там же прорись грамоты (стр. 121) и восстановленный для прочтения текст (стр. 115).

Буква ₒ узкое употреблена для обозначения звука *о* в середине или на конце слова после согласного, в том числе один раз и после предлога к, примыкающего к слову осподину (I). Буква ʘ широкое с точкой внутри употреблена один раз в слове ʘсподине, в положении начала слова (III 7); других случаев с начальным ₒ в грамоте нет. Буква ү употреблена дважды в положении после согласного. Слов, начинающихся звуком *у*, как и слов, имеющих звук *у* в положении после гласного, в грамоте нет. Буква ц употреблена в слове цʌвѣ (III). Других слов, имеющих в своем составе звуки *ц* или *ч*, в грамоте нет. Буква ѧ употреблена дважды и оба раза обозначает звук *а* в положении после мягких согласных, кроме *j*. Слов, в которых звук *а* был бы в положении после интервокального *j*, в грамоте нет.

Особенностью грамоты является наличие переноса на согласный: мы н/е смиємь (III—IV).

Титло в грамоте не употреблено, хотя есть случай написания слова в сокращении: цʌкѣ (III).

Разделительные знаки — точки — стоят несколько раз между отдельными словами и только один раз, повидимому ошибочно, в середине слова: надо.бь (II). В конце грамоты стоит значок типа <; он сильно раскрыт, по величине меньше обычных букв.

Грамота написана предметом с острым плоским концом (типа ножа), а не острым круглым (типа шила), как некоторые другие грамоты. Вертикальные линии букв, как правило, проведены острой тонкой стороной, горизонтальные и наклонные линии — в большинстве случаев плоской стороной. Вертикальные линии глубоки и тонки (темные линии на снимке), горизонтальные более поверхностны и широки (менее темные линии на снимке). Противопоставление их особенно отчетливо можно видеть на начертаниях букв: ѣ II 23, IV 16; ѣ II 26; н II 2; ʒ II 8; є II 9; т II 15; ʌ III 26; п III 9 и др.

Сигнальная линия в начертаниях букв не соблюдается.

А. Буква ʌ имеет четыреугольную головку и пишется в четыре приема. Два штриха образуют острый угол внизу, из них левый в некоторых буквах имеет овальную форму. От него сверху проводится короткая горизонтальная линия, от которой отходит в направлении направо вниз наклонная мачта. Эта мачта вверху строго ограничена горизонтальным штрихом и не заходит за него. Нижняя линия головки упирается в мачту (в некоторых буквах она не доходит до мачты) в верхней трети высоты буквы (II 18, 20, 30, III 27, IV 10, V 2) или почти в самом верху в месте соединения горизонтали с мачтой (III 26). Таким образом, петля в букве ʌ вверху шире, чем внизу.

Б. Замкнутая нижняя часть буквы б, так же как и в буквах ѣ, ь, ъ, ы, образуется мачтой, перпендикулярной к ней прямой нижней горизонталью и дугой, соединяющей точку в середине (реже — в нижней трети) мачты с правым концом горизонтали. Верхняя горизонталь

Грамота № 3

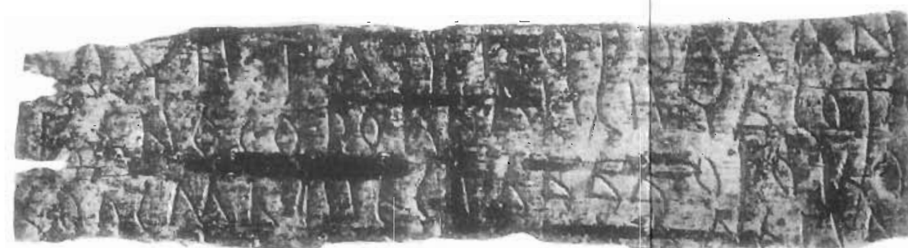
Грамота № 4

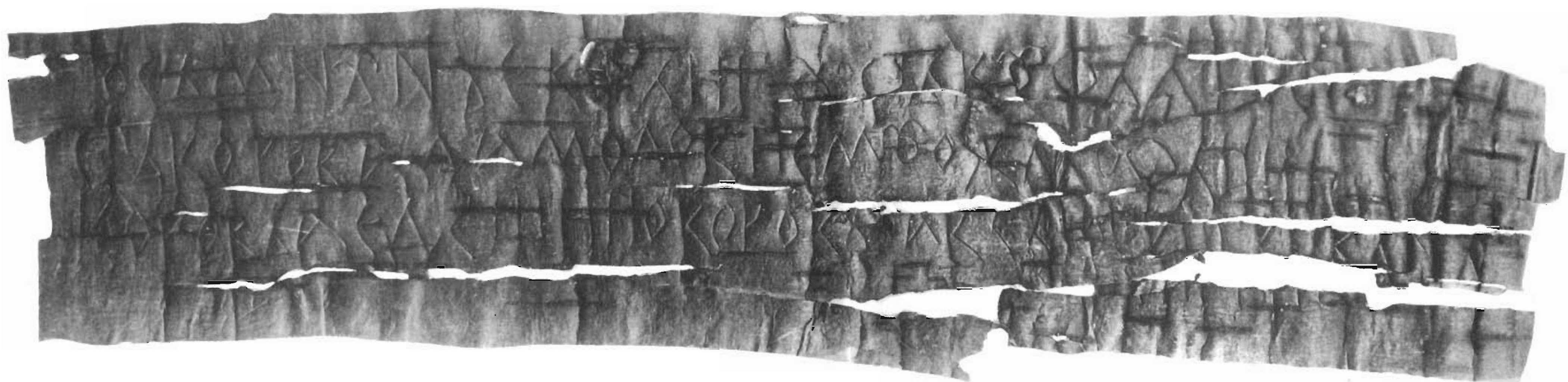
Грамота № 5

Грамота № 6

Грамота № 7

Грамота № 8

Грамота № 9

буквы начинается в верхней части мачты (II 23) или в самом конце ее (IV 16); она перпендикулярна к последней и заканчивается точечным вертикальным штрихом справа.

Б. Верхняя петля представляет прямоугольный треугольник, повернутый вершиной вниз; одна его сторона образована мачтой (лишь в букве **в** IV 21 она несколько меньше мачты). В нижней трети к нему примыкает дуга, соединяющая его с правым концом нижней горизонтали. Таким образом, часть стороны верхнего треугольника, нижняя горизонталь и дуга, соединяющая их, образуют нижнюю петлю.

Г. Горизонталь буквы **г** оканчивается справа небольшим ограничительным вертикальным штрихом, почти точкой.

Д. Буква писалась в пять приемов и могла иметь сверху еще шестой ограничительный штрих, как в букве **д** II 21. Верхняя часть ее составляла равносторонний треугольник; нижние штрихи («ножки») имеют наклон внутрь и не выходят ниже уровня остальных букв в строке (кроме **ʒ**, **р**, **ү**, **ф**, **ц**). В букве **д** II 21 ножки образованы треугольничками (подобно букве **д** в грамоте № 78).

Є. После согласных пишется **є** узкое, открытое сверху, слегка наклонное влево. Язычок его горизонтален и выходит из середины овала, пересекая его в одном случае (II 9).

Ѥ. Правая часть буквы **ѥ** точно повторяет букву **є**. Левая часть — мачта буквы **ѥ** — соединяется с правой частью горизонтальной линией в самой верхней своей части. (Так же и в букве **ю**, см. ниже.) Указанная горизонталь буквы **ѥ** велика, равна горизонталям в буквах **п**, **г**, **б**, **к**, **т**. Благодаря этому буква **ѥ** имеет двойную ширину.

Ж. Буква **ж** (IV 14) несимметрична. Левая часть ее представляет почти вертикальную и лишь слегка изогнутую влево (выпуклую) линию, ограниченную штрихом, направленным влево, в самой верхней точке ее. Правая часть представляет собой как бы букву **к** с изгибом колена в середине высоты буквы (см. ниже). Все три части буквы **ж** не соединены между собой (правая и левая не примыкают к центральной мачте).

Ʒ. Верхняя линия буквы **ʒ** представляет собой строгую горизонталь, ограниченную слева точечным штрихом. Справа налево вниз от нее идет прямая линия до нижнего уровня остальных букв. От этой большой головки вправо, а затем вниз отходит крючок. Он располагается в пространстве между строками и заканчивается далеко вправо, по сравнению с самой правой точкой головки.

И. Перекладина в букве **и** горизонтальна и расположена выше середины высоты буквы, но ниже верхней трети (лишь один раз **и** IV 4 — в верхней трети).

І. **І** десятеричное представляет собой прямую мачту. В верхней трети ее имеется перечеркивание (если только эта линия не является дефектом коры). Точек над мачтой нет.

К. Правое изогнутое колено буквы к не примыкает к левой мачте; изгибается оно в середине высоты буквы, верхняя часть его прямая, нижняя — овальная. Справа верхняя часть колена ограничена штрихом.

Л. Буква л состоит из двух в равной степени наклоненных прямых линий, соединенных вверху небольшим горизонтальным штрихом.

М. Буква м самая широкая. В грамоте она двух типов. В пяти случаях мачты и овал буквы м соединяются вверху горизонтальными линиями, в двух случаях они соединяются непосредственно под острым углом (II 10, IV 9). Овал писался в два приема, что хорошо видно по м III 28. Разрыв в нижней точке его отчетливо виден в букве I 9. Нижняя точка овала находится на уровне нижней трети высоты буквы. Мачты буквы м внизу ограничительных штрихов лишены. Расположены мачты наклонно, более широко расставлены внизу.

Н. Буква н пишется как латинское *N* с перекладиной, идущей из крайней верхней точки левой мачты к точке в нижней трети (иногда нижней четверти) правой мачты. Мачты расположены параллельно.

О. Как указывалось, в грамоте различаются о узкое и о широкое. **О** узкое обычно у́же в верхней части и в этих случаях писалось в один прием: сначала сверху вниз с поворотом «пера» в нижней точке овала и движением его снизу вверх.

Ѳ. Буква ѳ широкое с точкой (III 7) имеет форму, близкую к треугольнику, так как правая половина овала внизу значительно расширена. Написано о широкое в два приема.

Ѡ. Буква ѡ употреблена в предлоге *от*. Надстрочное т над ней не видно, так как сверху над буквой срезана полоска бересты. Середина в букве ѡ расширена, так как имеет горизонтальную перемычку в верхней части; она сравнительно высока: высота ее доходит до $^3/_4$ высоты буквы. Петли ѡ умеренно разведены.

П. Буква п не вполне геометрична, вследствие неточного написания ее мачт: в буквах I 1, III 1 мачты внизу разведены, в букве п III 9, наоборот, сдвинуты; поперечная верхняя черта не всегда строго горизонтальна.

Р. Головка буквы р в грамоте № 17 разной величины и формы. В буквах р III 2, III 22 головка большая, равная по размеру обычным буквам строки; мачта наклонена справа вниз налево и спускается в промежуток между строками. Буква р IV 13 имеет особую форму. Головка у нее маленькая, мачта прямая и не выходит за границу строки. По форме головка в букве р четырехугольная с значительным расширением книзу (III 2, IV 13) или треугольная (III 22).

С. Буква с прямая или слегка наклонена вверху направо; в большинстве написаний обладает крупными ограничительными штрихами, сужена в верхней части. Писалась в три приема: полуовал и два ограничительных штриха. Особенно красива стильная буква с III 8.

Т. Перекладина в букве т снабжена ограничительными штрихами справа и слева.

У. Буква у пишется своеобразно и напоминает современную букву «к» без нижней половины ее мачты. Писалась она в два-три приема. Сначала проводилась перпендикулярно к строке левая часть буквы — прямая мачта. К нижней точке мачты справа, под углом 45—60°, проводилась линия, образующая правую часть буквы у. Сверху справа она начиналась небольшим крючком. Из нижней части мачты с поворотом «пера» вправо и последующим изгибом вниз писался довольно длинный крючок, занимающий все межстрочное пространство (в последней букве первой строки крючок доходит даже до середины высоты букв второй строки). Такое у отмечено в Требнике Шереметева XIV в.[1] Оно встречается еще в берестяной грамоте № 27 (из числа рассматриваемых нами).

Ф. Буква ф пишется в два приема: круг, величиной несколько ниже обычных букв, пересекаемый вертикальным диаметром; последний вверху немного выходит из уровня строки, внизу достигает букв следующей строки.

Х. Судить о начертании буквы х в грамоте по прориси невозможно, так как прорись не всегда точно передает даже форму букв грамоты; приемы же, употреблявшиеся при написании той или иной буквы, прорись совсем не передает.

Ц. Единственная в грамоте буква ц употреблена в слове «человек», сокращенном без титла: цлвкъ. На основании сходных начертаний этой буквы в других грамотах можно полагать, что в данном случае написана все же буква ц, а не одностороннее ч. Писалась эта буква тремя чертами: две вертикальные параллельны, горизонтальная линия проходит примерно по нижней линии остальных букв. Хвостик буквы является непосредственным продолжением правой мачты; он выходит из строки в межстрочное пространство, но не достигает верхнего уровня следующей строки.

Ш. Буква ш писалась в четыре приема. Три мачты ее равны по высоте и параллельны и соединяются с нижней горизонталью под прямым углом. По ширине ш несколько шире остальных букв, но двойной ширины их не достигает.

Ъ. Мачта наклонена справа вниз налево очень мало; вследствие этого петля буквы ъ располагается не под головкой, а вправо от нее. Середина мачты соединяется с правой частью нижней горизонтальной линии дужкой. Верхняя горизонталь буквы оканчивается слева горизонтальным штрихом.

ЪI. Единственная встретившаяся в грамоте буква ъı (III 29) узка, не шире обычных узких букв. Левая часть буквы представляет обычный ъ. Правая мачта тесно примыкает к нему в нижней его точке.

Ь. В отличие от ъ и ъı мачта буквы ь перпендикулярна к строке. В верхней части мачта имеет ограничительный горизонтальный штрих. Буква ь

---

[1] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XIII, № 135.

пишется в три приема. Петля ее, как и в буквах ъ, ы, ь, ѣ, представляет треугольник, образованный пересечением мачты, нижней горизонтали и дуги, соединяющей среднюю точку мачты с правым концом горизонтали.

Ѣ. Мачта буквы ѣ прямая, очень мало выступает из строки. Коромысло лежит несколько ниже линии верхнего края остальных букв. Петля такого же типа, как в буквах ъ, ь и др., и достигает по высоте середины мачты; в букве ѣ II 26 петля несколько расширена, так что правая часть коромысла равна лишь половине ширины петли.

Ю. Линия, соединяющая мачту и овал буквы ю, горизонтальна и соединяет самые верхние точки мачты и овала. Буква ю несколько шире обычных букв, но у́же букв м, ж.

Ѧ. Поперечина в букве ѧ горизонтальна, проходит по середине высоты буквы; из середины ее спускается вертикально средняя ножка, равная по длине боковым. Правая и левая боковые линии в верхней точке сходятся под острым углом в букве ѧ II 12 и соединяются небольшой горизонталью в букве ѧ II 28.

Начертание букв к, ю с высокой прямой перекладиной, буква а со сравнительно мало наклонной спинкой, несимметричная ж, наличие написания буквы р, полностью умещенной в строке, буква м с овалом, не достигающим нижнего уровня строки, наконец, что очень важно, особое манерное начертание буквы у — все это позволяет отнести грамоту № 17 к концу XIV—XV в. Не специфичны для грамот XV в. начертания букв в, к, и, н — они напоминают образцы более ранние.

Запаздывание некоторых типов начертаний букв в берестяных грамотах связано, очевидно, с материалом и приемами письма.

ГРАМОТА № 1

«Документ найден на глубине 2,4 м, между пятым и шестым строительными ярусами, непосредственно на мостовой»[1]. Запись сделана на плохо сохранившемся куске бересты, размером 37,5 × 12,4 см (в широкой части).

Линии строк в грамоте не выдержаны точно, строки волнисты. Это объясняется не недостаточными навыками писца, а тем, что строки грамоты слишком длинны и составляли первоначально не менее 40 см.

Береста грамоты покоробилась, усохла после нахождения и потому стала короче (в работе М. Н. Тихомирова ширина ее определяется в 38 см[2], в настоящее время — не более 37,5 см).

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г.). М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 16.

[2] Там же.

Текст грамоты[1]:

I. ---остер---еюіѳомѣшлоі---оѕема.трицатьітрибл
II. (а)слут(и)---оѕемаідару---кѣасменокаселашло
III. ---ѕемаід-- вⷣъіполотьас---инасела.шлоіпоѕема
IV. ідару.м.вⷣъ[2].і---(и)к---ина.селашлоі---маідару.к.вⷣъішестьвⷣъ
V. асвасильѥкас---(ъ)ас---руньскогосела---(.к.)вⷣъдаруасовсѣѥвасел
VI. ашло.к.вⷣъдаруашадрин(а)селашло.к.вⷣъдар---ипокаселаіпоѕемаіда
VII. рушло.м.вⷣъбезълкусошвинаселашло[поѕе][3]---ару.к.вⷣъвⷣъу[4]гаѳанокасела
VIII. шлоіпоѕе(маід)ару.л.вⷣъбездвоаѕкабиниꙋхъ---лашлоіпоѕемаідару.л.вⷣъ
IX. поⷥⷷма[5]ідарушестьдесꙗт(ъ)вⷣъіполоть[6]ахарнꙗновасе
X. ---мохокаселашлодару(.к.)блъасменовастан---кву
XI. ---каѳомѣ.д.(в)[7]ацисолодуа---каде(ць).в҃.ка
XII. ---цирж---(р)ужиногошло---
XIII. ---ка---побѣлкѣ.

Текст грамоты № 1 очень подробно и убедительно проанализирован М. Н. Тихомировым. Поэтому ниже рассматриваются лишь буквы, прочтение которых М. Н. Тихомировым вызывает возражение.

М. Н. Тихомиров пишет: «Разделительными знаками являются точка и значок, похожий на крестик»[8]. Этот «крестик», с нашей точки зрения, является буквой і десятеричным. Десятеричное і широко распространено в памятниках XIV в., например, в Галичском евангелии 1357 г. эту букву широко употребляет первый писец (причем он даже перечеркивает ее посередине, как это имеет место в рассматриваемых новгородских берестяных грамотах); употребляют эту букву, но более ограниченно, второй, третий и четвертый писцы того же памятника.

Написание буквы і десятеричного встречается в надписях, где оно также с перечеркиванием, которое, повидимому, производилось с целью выделить эту букву из других.

Так, В. Н. Щепкин приводит надпись 1239 г., в которой трижды употреблена буква і (в значении *j*, *jь*, *i*).

---

1 Слова и части слов, читаемые предположительно, заключены в скобки.

2 Здесь точки от какой-то буквы, обозначающей число.

3 Слово, заключенное в квадратные скобки, зачеркнуто писцом как написанное ошибочно; повидимому, с Ошвина села шел только дар, но не позем.

4 Написание буквы у в грамоте вне сомнения, но смысловое значение ее неясно.

5 Слог зе был пропущен ошибочно и надписан сверху.

6 Слог ло повторен ошибочно.

7 На месте буквы в проходит трещина, образовавшаяся при распрямлении грамоты; вследствие этого начертание буквы не вполне ясно.

8 А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 18.

м҃ца iюлѧ ѕд

нь прьста:ил

осѧ рабъ бжиi

ʒен'ькиi чъ

рн'ьриʒьць[1]

Употребление i десятеричного отмечено проф. В. Н. Щепкиным в надписях XI—XII вв. на стенах Софийского собора в Новгороде: iсъ — I 1, дцii — I 2, нсаi — V 27 и др.[2]

В тексте грамоты № 1 буква i десятеричное употреблена только в значении союза *и* (см. ниже, в разделе «Приложения»). Но в грамоте № 3 эта же буква стоит после буквы ь в слове федосьi (см. ниже), а в грамоте № 17 в начале слова: несмниємъ iмать (III—IV). Без этого союза *и* текст грамоты № 1 приобретает не свойственный русскому языку (и особенно древнейшему периоду его развития) отрывистый характер. Кроме того, в пользу предложенного чтения говорит еще то обстоятельство, что значок i в качестве знака препинания не встречается в рукописях, написанных чернилами.

В V строке М. Н. Тихомиров прочел букву ъ вместо ь в слове: ...ру̑ньского. Полагаем, что в данном случае имеет место написание буквы ь с ограничивающим штрихом над мачтой. Этот штрих был, повидимому, принят за верхнюю горизонталь буквы ъ. Между тем в других написаниях ъ (бесспорных) горизонталь буквы ъ значительно длиннее этого штриха и по большей части, в свою очередь, имеет слева ограничивающий штрих. Аналогичные ограничительные штрихи в букве ь встречаются и в других случаях; ср. букву ь в слове полоть (IX).

В конце VII строки М. Н. Тихомиров предполагает название села — Рафаново[3]. С нашей точки зрения, в этом месте написана буква г: в грамоте отчетливо видны горизонталь, отходящая вправо от мачты, и ограничительный штрих справа на ней.

В тексте грамоты употреблен прием вынесения буквы над строкой и сокращенного написания слова. Таково слово бѣ҇ль, встретившееся в грамоте 16 раз. Надстрочный знак — дужка — над выносной буквой имеется только в одном случае — в III строке, в остальных случаях не ставится. В грамоте представлено также одно написание этого слова без титла, с сокращением, но с буквой л в строке: блъ (X). В конце грамоты употребленное в дат. падеже ед. ч. это слово не сокращено: по бѣлкѣ (XIII).

Несколько букв употреблено в числовом значении: в, д, к, л, м. Во всех случаях над этими буквами титло не ставится, они выделяются из текста лишь постановкой точек с обеих сторон.

---

[1] В. Н. Щепкин. Описание надгробий Российского исторического музея, собрание 2-е. М., 1913, стр. 1.

[2] См. В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti, стр. 36.

[3] См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 20.

В грамоте употреблена буква ѳ, а не ф; буква ѧ в значении *'а* (т. е. *а* после мягкого согласного) и вместо буквы ꙗ (т. е. *ја*); буква ѥ употребляется правильно (*је*); употребляются только ү (но не ѹ) и о узкое.

Почерк грамоты характеризуется своеобразной стилизацией. Буквы грамоты или прямые, или же мачты их наклонены влево (sic!). Следствием этого является своеобразное написание некоторых букв, имеющих обычно в своей левой части прямую наклонную линию. Эти буквы производят впечатление как бы «перевернутых», т. е. левая сторона их из наклонной делается прямой, а правая — слишком наклонной; таковы буквы д, л, ѧ, иногда м. Такого же типа начертание буквы а, у которой левая сторона головки почти прямая, а спинка слишком наклонная. В. Н. Щепкин отмечает в Новгородских граффити аналогичное начертание буквы л. Он пишет: «Л: как в резном письме древнейшей эпохи, буква имеет иногда обратную последовательность частей: вместо линии, наклонной вправо, опирающейся на вертикальную, находим: вертикальную линию и линию, наклонную влево (I 25, VII 35, VIII 40)»[1].

Характерен также дугообразный вид некоторых верхних горизонталей в буквах п, т, б, ъ, з. Буквы д, р, м, л, ѧ в верхней точке не имеют углов, но наклонные в них соединяются небольшими горизонтальными линиями.

Буква є в большинстве случаев написана как греческий ε. Такой начерк должен был представлять известную трудность при написании на бересте. Наряду с ним имеется несколько написаний, которые скорее можно признать написаниями старого типа, однако полной уверенности в сосуществовании их наряду с новыми ε нет.

Буква ѥ во всех случаях во второй части имеет ε, перекладина с язычком не совпадает. Подобное начертание буквы ε отмечено в «чернильных» рукописях только с XV в. Особенно часто встречается оно в рукописях с середины XV в.

Буква з также особая, не отмеченная в других рассматриваемых грамотах: хвост ее пересекается в своей с р е д н е й части правой наклонной линией, идущей от головки, левая часть хвоста почти параллельная головке и располагается выше нижнего уровня строки (см. снимок). Буква в, как в грамотах № 43, 23, 53, но встречается и с почти симметричными замкнутыми петлями, например в VIII 27.

Буква ж писалась в пять приемов, причем верхние и нижние наклонные в ней не пересекались в одной точке. Точно судить о ее написании трудно, так как береста в этом месте растрескалась.

Буква и имеет горизонтальную перекладину, расположенную выше середины, в некоторых буквах она как бы направлена слева вниз направо (sic!), что связано, повидимому, с общим типом почерка, его наклоном влево. Перекладина в букве и косая и соединяет крайние точки мачт.

Коромысло буквы ѣ расположено несколько ниже верхнего уровня строки. Буква д имеет длинные ножки и маленькую головку (короче других букв

---

[1] В. Н. Щ е п к и н. Новгородские надписи Graffiti, стр. 36.

строки); ножки ʌ VI 8 изображены в виде двух треугольников, как в грамотах № 78, 43 и некоторых других. Буква ѵ имеет прямую вертикальную короткую левую линию, а правую в виде дужки; части ее не соединяются между собой; аналогично написание буквы ѵ в берестяной грамоте № 5. Начертание буквы а сходно с соответствующим начертанием в грамоте № 43. Буква р размещается полностью в строке и имеет четырехугольную головку, расширенную книзу. Петли в буквах ъ, ь, ѣ, в узки и своеобразно вытянуты в направлении вниз направо (см., например, написания в VII строке), но отмечены и набухшие, например, ѣ в XIII строке. Хвост в букве ц является непосредственным продолжением правой мачты. Мачты буквы н книзу несколько расставлены.

Начертание буквы є как греческого ε при прочих приметах букв конца XIV—XV в., общий характер почерка — полуустав с наклоном — заставляет отнести грамоту № 1 не ранее чем к середине XV в., поскольку трудно представить, чтобы подобное начертание появилось на бересте еще до того, как оно получило широкое распространение в чернильных написаниях.

ГРАМОТА № 2

«Документ найден на глубине 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, возле мостовой»[1]. Грамота имеет размер 25,5 × 7,2 (в широкой части 8,5) см. Основной текст грамоты размещен на наружной стороне коры и продолжен на внутренней — две строки. Текст грамоты сохранился полностью. Неясно лишь чтение первой буквы: м или а с какой-то предшествующей буквой, имеющей мачту. Однако в грамоте не отмечены ни а, ни м с горизонтальным штрихом вверху, какой имеется в этой букве.

Текст грамоты:

I. (л̄ᵐ)ѣкȣ(к)вьсѣларосомȣѵ̄а.ȣфомѣ.г.
II. кȣницимики.в̄.кȣницифомѣсохȣ
III. даль.дарȣкȣницю.вѣльжказа.д̄.кȣн
IV. ицан[2].гȣгморонаволокикȣница.ȣмжтеци
V. .в̄.кȣницимѣлькютокъїхо.в̄.кȣницивоѕем
VI. ȣта.в̄.кȣници.ȣфилина.в̄.кȣници.ȣнамѣст
VII. а.в̄.вѣли.ȣжидили.кȣница.коликомоѳс
VIII. тро(к)ѣ[3]кȣница

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 21.

[2] Ошибочно написанная буква а не зачеркнута.

[3] Перед буквой ѣ по бересте проходит естественная трещина, на которой ничего не было написано.

На обороте:

I. ȣвиѵтимаса.в҃.бѣлоки.ȣгостили.в҃.кȣници.ȣв

II. ѳѣльюта.г҃.кȣницȣлэпинкова.ѕ҃.бѣло.

На месте конечной буквы грамоты выщерблен кусочек бересты; повидимому, первоначально там была написана буква о: бѣло (о вместо ъ; см. фонетику грамот).

Ниже в грамоте проведены четыре пересекающиеся линии (две пары параллельных линий). М. Н. Тихомиров предполагает, что пересекающиеся линии проведены, «как будто в знак того, что далее не должно следовать никакого текста (так же, как это делается в позднейших деловых бумагах, где зачеркивается белое место во избежание его заполнения)»[1].

Если бы это предположение было правильным, то к нанесению этих линий пишущий должен был бы подойти очень осторожно, чтобы впоследствии не могло возникнуть двоякого толкования. Между тем две внутренние из этих линий перечеркивают расположенные выше их слова (правая — в обеих строках, левая — во второй строке). Вследствие этого могло создаться впечатление, что запись, произведенная на обороте, уже не имеет юридической силы. Поэтому скорее можно предположить, что линии проведены кем-то неграмотным, в знак того, что он «руку приложил». Возможны и иные толкования.

В грамоте № 2 употреблены буквы в, г, д, ѕ (обращена вправо) в числовом значении; они выделены точками с обеих сторон. Особенностью написания букв этой грамоты в числовом значении является то, что они пишутся под титлом (прямая линия с ограничительными точками или штрихами, более заметными справа).

В других грамотах, из числа рассмотренных нами, это не отмечено. Например, в грамоте № 1 буквы в числовом значении выделяются точками с обеих сторон, но титла не имеют.

Линия букв в грамоте выдержана не строго, части букв не всегда соразмерны, буквы более крупные и менее крупные пишутся рядом.

В грамоте есть лишь следы нормированного правописания, сложившегося к середине XIV в.: слово Островѣ начинается с широкого О с точкой; в положении после согласных пишется неширокое о. Положение для буквы к имеется лишь в одном месте I 5, где оно и написано (хотя читается не вполне отчетливо). Однако вместо оѵ или ѵ последовательно написана буква ȣ, и сочетание *ja* передано буквой ѧ (III 19).

Буква ȣ писалась в четыре приема: два полуовала и прямые усики, выходящие из верхней точки соединения полуовалов. Нижняя часть этой буквы круглее, чем обычная буква о, и приближается к ѳ с точкой. Буква н имеет очень древние очертания: наклонная соединяет конечные точки мачт. Пере-

[1] А. А. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 21.

кладина в букве н — горизонтальная, в отдельных случаях слегка приподнимающаяся в направлении к правой мачте, расположена посередине или несколько выше. Буква а имеет треугольную головку, т. е. такую же форму, как и в грамоте № 78.

Буква ц с хвостиком, являющимся продолжением левой (sic!) мачты; хвостик длинный, начинается выше нижнего уровня строки и занимает почти все межстрочное пространство. И. А. Шляпкин отметил подобное начертание буквы ц для одного памятника XIV в.[1] (не указав, однако, какого именно). В своде азбук Я. И. Трусевича «перевернутого» ц не отмечено. Таково же начертание буквы ц в берестяных грамотах № 25, 69. «Перевернутые» начертания букв л, д, ѧ отмечены в грамоте № 1 и изредка в некоторых других (см. ниже).

Буква ѧ отличается особым начертанием, редким в берестяных грамотах, отмеченным, однако, в грамотах № 5, 41 и 53: под шатром стоит конусообразная чаша. Подобное начертание буквы ѧ отмечено В. Н. Щепкиным в Новгородских граффити; он же указывает, что этот тип встречается в мелком почерке Остромирова евангелия и надписи царя Самуила 993 г.[2] Однако в надписи Самуила начертание буквы ѧ не аналогично начертанию ее в грамоте № 2.

Коромысло буквы ѣ лежит ниже верхнего уровня строки, мачта несколько поднимается над уровнем строки. Петли в буквах ѣ, ꙑ, ь небольшие, треугольные. Буква р имеет почти прямую мачту, занимающую нижнее межстрочное пространство; головка ее треугольная, узкая вверху. Мачта буквы ъ, входящей в состав буквы ꙑ, сильно наклонена вправо и соединена с правой мачтой перекладиной.

Ножки буквы д прямые, но в букве д III 5 левая ножка — прямая, а правая в виде треугольничка (т. е. как в грамотах № 78, 43 и др.). Буква ꙁ с небольшим округлым хвостиком, расположенным под головкой. Начертание буквы ж неясно. Буква к имеет колено в виде уголочка, не примыкающее к мачте.

Неустойчив тип начертания буквы в: петли незавершенные, не достигающие мачты, но при этом в одних случаях они почти равны (например, I 6, V 28, VII 20 и др.), в других случаях нижняя петля широка, равна двум верхним, поставленным в ряд (IV 14), в третьих — верхняя петля длинная, равна двум нижним. Этот тип по начертанию близок к начертанию буквы в в грамотах № 23, 43, 53 (таково в V 16); есть и переходные типы.

Почерк грамоты не позволяет точно датировать ее, ввиду обилия вариантов у отдельных букв и отсутствия примет, позволяющих отнести ее определенно к XIV или к XV в. Поэтому правильнее для этой грамоты дать широкую дату: XIV—XV вв.

---

[1] См. И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 62.

[2] См. В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti, стр. 38—39.

ГРАМОТА № 3

«Документ найден на глубине 2,5 м, между пятым и шестым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и от построек»[1]. Размер грамоты 37 × 2,8 (в узкой правой части 1,3) см.

Текст грамоты:

I. поклонъѿгрикшикъѥсифу·приславъѲонаньꙗ.мол---

II. ꙗзъѥмуѿвѣчалънереклъмиѥсифъваритипереваръıнинакогоıѡн(ъ)при

III. слалъкъфедосьı варитъıпивъсѣдишь(набеꙁатьщинѣневаришьжито)[2]

IV. т---

Текст грамоты не кончается на III строке. Далее следовало продолжение ее, причем IV строка начиналась буквой т, либо лигатурой ѿ. Установить это точно нельзя, так как сохранилась только верхняя часть буквы т.

М. Н. Тихомиров в грамоте № 3, как и в грамоте № 1, ошибочно рассматривает знак ı перечеркнутое как знак препинания, а не ı десятеричное. Он пишет: «Здесь стоит значок, похожий на перечеркнутую букву і (см. далее после слова федось); вероятно, это разделительный знак, так как везде в документе пишется и. Передаем его значком +»[3].

Данная грамота относится к числу немногих, писцы которых употребляли букву ꙗ. В соответствии с графическими нормами, утвердившимися в XIV в., в начале слова написано ѡ (ѿ, ѿвѣчалъ, ıѡнъ) и Ѳ с точкой (Ѳонаньꙗ). Буква ү употреблена в сохранившемся тексте только в середине слова — всегда ү, но не оү (на начало слова нет примеров). В начале слова употреблены є и ѥ, причем эта буква є по начертанию не отличается от той же буквы в положении после согласного. Однако утверждать, что писец различал ѥ и є, нельзя, поскольку возможно предположение, что непосредственно перед этой буквой написана не буква и, а буква і. В таком случае читать следует мі ѥсифъ. Возможность двоякого толкования связана с тем, что перекладина предполагаемой буквы и и язычок є (либо штрих, перечеркивающий букву і, и перекладина буквы ѥ) совпадают с естественной черной полосой на бересте и потому не читаются.

В грамоте употреблена буква ѡ с невысокой серединой и мало разведенными петлями. Буква ч представлена в виде симметричной несколько конусообразной чаши на короткой ножке. Коромысло буквы ѣ лежит на верхнем уровне строки, мачта невысокая. В состав буквы ъı входит буква ъ.

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 26.

[2] Конец текста III строки не полностью читается, однако нет оснований не присоединиться к М. Н. Кислову в чтении сохранившихся частей букв. См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 27.

[3] Там же, стр. 26.

Буква и имеет горизонтальную перекладину посередине, буква н — наклонную, не доходящую до конца правой мачты.

Перекладина в букве к горизонтальна, но не совпадает с язычком: язычок, тоже горизонтальный, расположен выше. Перекладина в букве ю горизонтальна и расположена посередине.

Своеобразием почерка данной грамоты являются вытянутые петли в буквах ъ, ѣ, ъı, ь. При этом мачта в букве ъ вертикальна в нижней части и сильно изогнута вправо в верхней части. Правая сторона петли буквы ъ построена симметрично. Это начертание ъ особенно отчетливо видно на буквах I 29, II 13, 20, III 24.

Буквы л, д (также ю) имеют вверху небольшие горизонтальные линии, соединяющие наклонные. Перемычка в букве м не непосредственно соединяется с мачтами, а спускается с выступов, заходя при этом ниже уровня строки[1]. Характерно, что буква р лишена горизонтального штриха сверху, хотя головка ее в верхней части в ряде случаев острая (встречается и закругленная).

Буква д писалась в три приема: скоба, верхний горизонтальный штрих и слегка наклоненная влево мачта.

Буква ү (I 21) в одном случае напоминает ү в Духовной Климента Новгородца[2], но при этом хвост ее более длинный и загнут вправо; в другом случае (II 6) буква ү напоминает ц, так как мачты ее прямы и почти параллельны, и она отличается от ц лишь тем, что правая мачта несет на себе небольшой горизонтальный штрих, идущий вправо от нее.

Буква к имеет удлиненную верхнюю петлю и округлую равностороннюю нижнюю. Колено буквы к в некоторых образцах ступенчатое, в нижней части полукруглое, не смыкается с мачтой.

Мачты, наклонные и свободные горизонтали в ряде случаев оканчиваются ограничительными точками или штрихами.

Несмотря на сравнительно поздний тип начертания буквы ѡ с сокращенной серединой, грамоту № 3 по сложившемуся правописанию (употреблению дублетных букв, вытянутым петлям букв ъ, ь, ъı, ѣ) можно отнести к XIV в., но едва ли к началу его.

ГРАМОТА № 4

«Документ найден на глубине 2,8 м, между седьмым и восьмым строительными ярусами, у наружной стены жилого сруба»[3]. Текст грамоты помещен на

---

[1] Аналогичное написание буквы м отмечено В. Н. Щепкиным в новгородских надписях (см. в приведенной в его работе таблице VIII пример № 37).

[2] См. М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

[3] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 29.

куске бересты размером 11,7 (вверху, внизу — 7) × 6,2 см, при этом трудно установить, какая сторона бересты — внутренняя или наружная — использована для письма. Береста была хорошо обработана с той и другой стороны; по цвету (более светлая та часть, на которой нанесен текст) и по величине черных прожилок (трещин) можно предполагать, что текст написан с лицевой стороны. Но по изгибу бересты, который заметен даже теперь, после распрямления ее под стеклом, можно думать, что использована внутренняя сторона.

Текст грамоты:

I. ѿмикитѣ.коцертоу.цтоксмь.
II. руцилъ[1].оупетра.нагородищѣ.н---
III. юрги.былъ.выдалъ.содвора---
IV. неоувѣдалсѧ.аме.не.выдал(ъ)---
V. (к)лъ.ксижелезногои.п(о)---
VI. рубль.взѧвъ.атъин---
VII. надръ[2]исправигосп---
VIII. козми.сапозѣ.

В написаниях грамоты есть элементы складывающегося нормированного правописания: четко различается употребление букв є и к; буква ѧ употреблена только после согласных (случаев употребления ѧ после гласных нет); начинается грамота предлогом *от:* ѿ. Однако буква оу употреблена один раз в середине слова: ко цертоу (I) при четырех написаниях согласно норме (два раза оу в начале слова и два раза у в середине слова).

Линии, нанесённые на грамоте, имеют большую глубину, особенно вертикальные.

Почерк грамоты заметно стилизован. Буквы значительно удлинены по сравнению с их шириной (однако встречаются отдельные необычно широкие образцы, например, п, т в слове петра на II строке). Писец в ряде случаев избегал написания дуг[3]. Так, буквы є, с представляют прямые линии, слегка закругленные лишь в самой верхней и нижней частях. Хвост буквы з сильно изогнут в верхней части, а затем направлен вертикально вниз. Буква д имеет длинные прямые ножки (в отдельных образцах направленные слегка внутрь), занимающие почти все межстрочное пространство. Хвост букв ц, щ длинный и прямой и занимает все межстрочное пространство. Писец не стремился также давать большие горизонтальные линии и связующие горизонтальные

---

[1] Нет полной уверенности, что здесь не ь.
[2] ъ или ь.
[3] Это определяется отнюдь не качеством материала, так как в иных случаях (ср. ниже написание буквы а) писец давал прекрасно изогнутые дуги.

штрихи; ср. буквы л, д, р, которые в ряде случаев сверху как бы «не закрыты». В грамоте несколько своеобразных написаний.

Буква л выводится тремя штрихами: перекладины нет, пишутся две наклонные, из которых правая изогнута внутрь, третья линия — ножка — отходит от правой наклонной и направлена параллельно левой внутрь буквы.

Буква а в отдельных образцах походит на современную рукописную букву *а* (особенно IV 7), но чаще пишется а, как в грамотах № 5, 49: скоба и наклонная спинка.

Перемычка буквы м сильно провисает, как в Договорной грамоте смоленского князя Ивана Александровича (до 1359 г.)[1], Евангелии XIV в. из быв. собрания Черткова[2]. Перемычка спускается с уступов, не соединяясь непосредственно с мачтами.

Буква д в ряде случаев лишена шатра, так как мачты ее расположены почти параллельно (см., например, II 19, IV 6 и др.); наряду с таким д встречается д обычного типа с шатровым верхом (VII 2), а также смешанные типы.

Буква у имеет две почти параллельные мачты и в этом отношении сходна с буквой у в грамоте № 3.

Буква є очень узкая, с маленьким горизонтальным язычком, расположенным посередине (он немного больше лишь в букве к I 18).

Грамота имеет ѡ с высокой (но еще не вполне равной с боковыми сторонами) серединой, букву р с округлым (sic!) верхом, букву к разных типов (но преобладает тип с удлиненной верхней петлей и небольшой нижней). Буква ѣ имеет высокую мачту и коромысло на верхнем уровне строки.

Перекладина в букве н горизонтальная, расположена посередине; так же в буквах к, ю. В букве н перекладина косая; она значительно занижена, так как соединяет точку в верхней трети левой мачты с нижней точкой правой мачты.

Хвостик буквы ц прямой, является продолжением правой мачты. Буква ж не вполне симметрична: верхняя часть ее меньше нижней; писалась в три приема: два колена и мачта.

Петли в буквах ь, ъ, ы, ѣ треугольные, средней величины, несимметричные; мачты в них вертикальные и лишь в букве ъ слегка наклонены вправо.

Грамота относится ко второй половине (может быть, к середине) XIV в.

ГРАМОТА № 5

«Документ найден на глубине 3 м, между восьмым и девятым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и построек»[3]. Текст написан на куске бересты размером 22 × 5,5 см. Начало грамоты оборвано.

[1] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XIII, № 131.

[2] Там же, л. X, № 103, левый образец.

[3] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 32.

Строки грамоты несколько волнисты, но буквы и части их соразмерны.

Текст грамоты:

I. ----(ү)---дав---(є)си
II. ѳа.къматѳѣю.постои.
III. ӡанашєгосироту.мо
IV. лви.дворянинупаклу.нє
V. тровубрату.дать.грамо
VI. тѣ.нєдасть.нанєго.

Имеющиеся в грамоте написания не позволяют с определенностью судить о том, было ли знакомо писцу нормированное правописание, складывавшееся в конце XIII — начале XIV в. Однако употребление во всех случаях в положении в середине слова буквы ү (а не оү) свидетельствует скорее в пользу этого.

Буква л пишется в два приема: скоба и наклонная спинка. Буква р со слегка изогнутой спинкой и с округлой, несколько вытянутой головкой, расширенной книзу, в некоторых случаях острой в верхней части (например, V 2, 7, 16). Буква ѣ имеет прямую мачту; коромысло ее лежит на верхнем уровне строки. Буква ү пишется, как в Духовной Климента Новгородца, и в одном случае — в виде двух дужек (V 5), изогнутых влево (как в грамоте № 1). Головка буквы д повернута в обратную сторону, как в грамотах № 1, 9 (но д VI 5 обычное, с острым верхом). Петли буквы в не замкнуты, верхняя выше и у́же нижней. Перекладина в букве н косая, не доходит до концов мачт. В букве и перекладина горизонтальная, расположена посередине. Буква ж, как в грамотах № 2, 41, 53, имеет вид конусообразной чаши, покрытой шатром. Из островерхих букв только м обладает небольшими соединительными горизонталями на линии верхнего уровня строки. Многие мачты букв и свободные горизонтали несут на себе ограничительные штрихи. Буквы ь, ѣ, в, даже ъ, имеют строго вертикальные мачты.

Начертания букв р, ѣ, ү и общий тип почерка позволяют датировать грамоту XIV в.

ГРАМОТА № 6

«Документ найден на глубине 3,15 м, между девятым и десятым строительным ярусами, возле мостовой»[1]. Сохранившийся кусочек бересты имеет размер 13 × 2,2 см.

Береста грамоты сильно деформировалась.

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 35

Текст грамоты:

I. покло̀но[illegible]ѳилипак(о)[1]г---

II. ---(м)ноюпро---

В грамоте употреблена буква ѳ (неправильно в слове ѳилипа). Буква ѡ имеет низкую середину. Начертание буквы н редкое [в] берестяных грамотах: косая перекладина значительно не доходит до концов обеих мачт. Поскольку это явление отмечено лишь в одной букве, оно может быть случайным. Перекладины в буквах и, ю горизонтальные, расположены посередине.

Буква о узкая, писалась в два полуовала. Буква л имеет верх в виде уголка (т. е. без горизонтального покрытия). Колено буквы к изогнуто слабо, оно далеко отстоит от мачты. Мачты букв и свободные перекладины (например, в букве ѳ) имеют ограничительные штрихи (почти точки) по краям.

Датировать данный отрывок на основании начертаний букв более или менее точно невозможно, ввиду отсутствия необходимого минимума палеографических показателей. Однако также нет противопоказаний к тому, чтобы присоединиться к стратиграфической датировке А. В. Арциховского. Он пишет: «Место находки грамоты № 6 — пласт 16, квадрат 47, глубина 3,15 м, между девятым и десятым строительными ярусами, возле мостовой. Стеклянных браслетов на этом уровне еще больше, что позволяет уже решительно говорить о XIII в.»[2]

Если так, то можно отметить то обстоятельство, что в берестяных грамотах XIII в. (вероятнее в конце века) уже могли быть написания буквы н с косой перекладиной, соединяющей верхнюю треть левой и нижнюю треть правой мачты.

ГРАМОТА № 7

«Документ найден на глубине 4,3 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, внутри жилого сруба»[3]. Текст написан на внутренней стороне бересты размером 12 × 3 (в узкой левой части 2,5) см. Береста грамоты более светлая и менее желтая (коричневая), чем в других берестяных грамотах, вследствие чего при рассмотрении снимка создается ошибочное впечатление, будто бы текст написан на наружной стороне бересты. Вся грамота испещрена в разных местах мелкими точечными проколами (в ряде случаев они сквозные), происхождение которых неясно. Строки расположены по поперечному направлению бересты. Края письма обрезаны. О величине отрезанных кусков судить трудно, поскольку слева перед формой повелительного наклонения сочита, вероятно, стояло обращение, к двум или несколь-

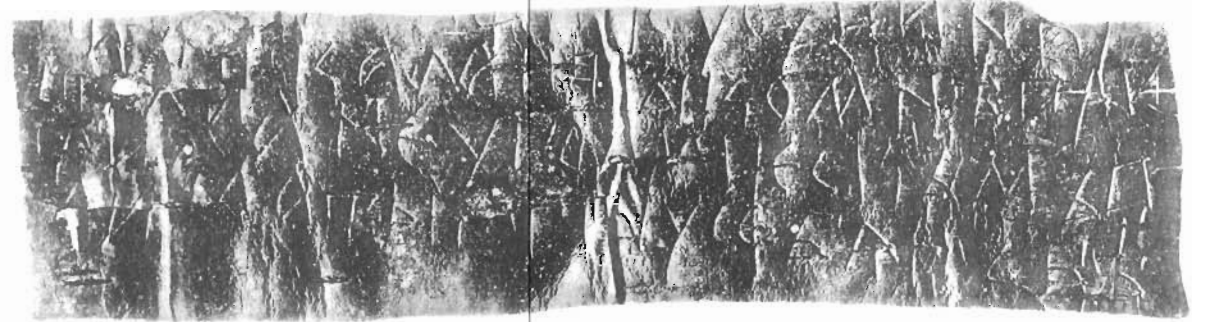
[1] Над буквой о видны штрихи, которые делают ее похожей на букву ꙋ.

[2] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 61.

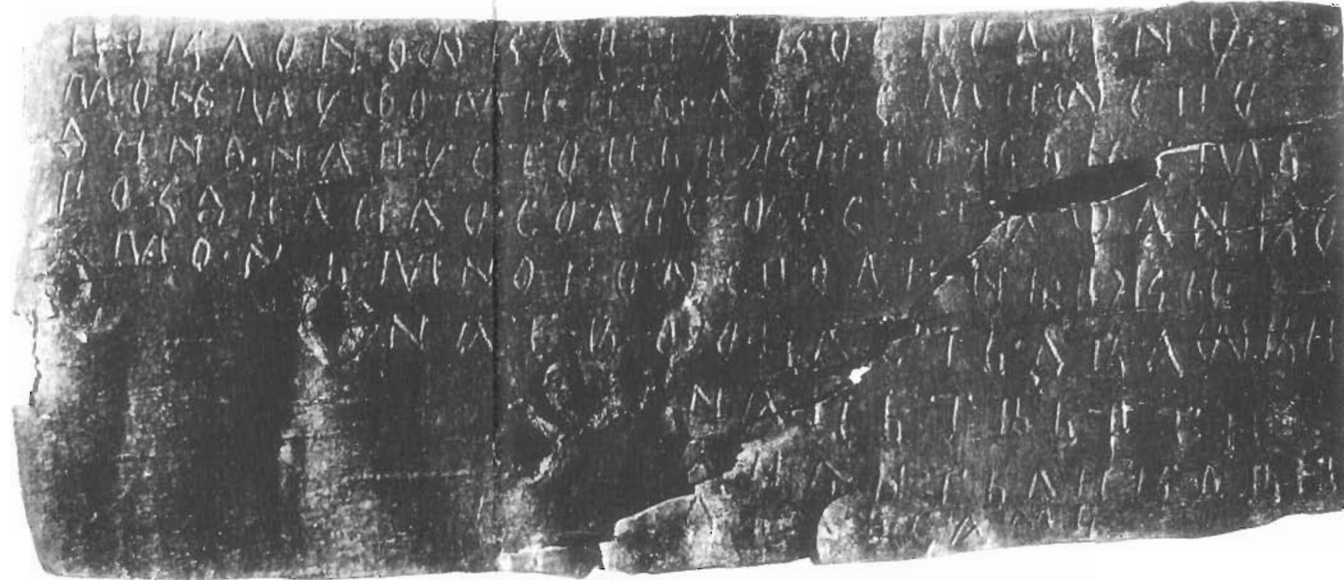
[3] Там же, стр. 36.

Грамота № 17

Грамота № 21

Грамота № 23

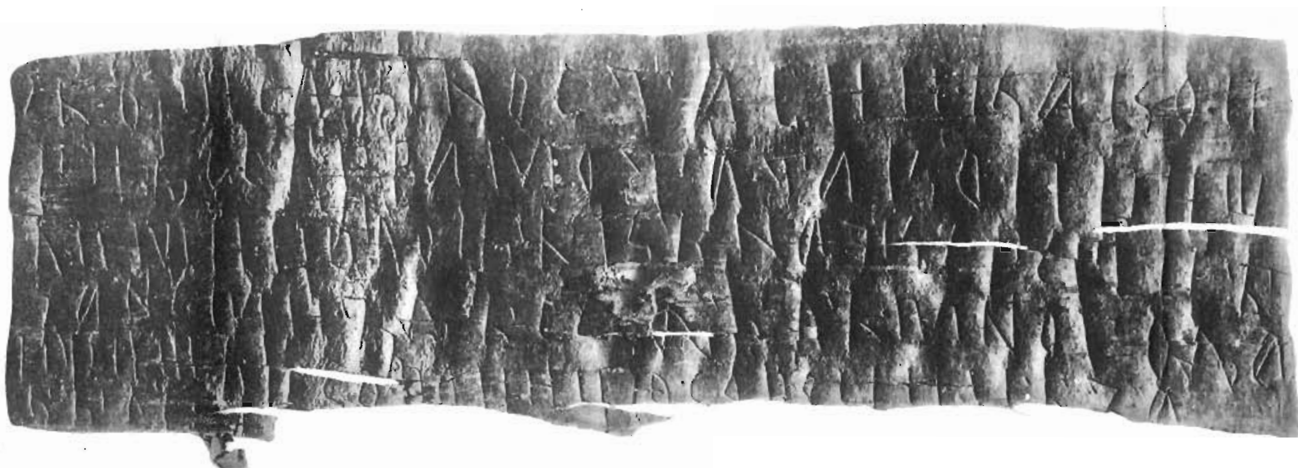
Грамота № 24

Грамота № 41

Грамота № 40

Грамота № 43

Грамота № 27

Грамота № 25

ким лицам. Нижние строки оторваны, сохранилась лишь небольшая часть IV строки.

Текст грамоты:

I. (с)очитаоуˇкороман---

II. (к)ьносорокелисичьсоро---

III. коосмьшестьбьбороко---

IV. ---неп(а)---

Вызывает возражение предложенное А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым чтение слова соуˇкьно[1] в начале II строки сохранившегося текста. Во-первых, потому, что непосредственно перед буквой, которая ими прочитана как к, на самой левой границе грамоты имеются два штриха: один вертикальный — внизу, он, безусловно, относится к какой-то букве; другой горизонтальный — наверху (последний, впрочем, можно признать и за точечный прокол, каких много на грамоте). И в том и в другом случае читать букву ˇ(оуˇ) здесь невозможно, так как нижний вертикальный штрих, выдающийся вправо по сравнению с верхней частью буквы, не может относиться к букве ˇ. Скорее на этом месте была буква с более широкой нижней частью, заходящей вправо. Исходя из начертаний рассматриваемой грамоты, можно предполагать даже одну из букв п, и, н, поскольку мачты в них несколько шире расставлены книзу и, кроме того, слегка наклонены в верхней части влево, а следовательно, в нижней — вправо. Во-вторых, вызывает возражение прочтение первой буквы II строки как к в предполагаемом слове соуˇкьно. На верхнем уровне строки между мачтой и коленом предполагаемой буквы к в грамоте заметна горизонтальная линия, что может указывать на букву в. Эта линия, правда, очень слабая, однако такие же слабые горизонтальные линии имеют место далее в той же строке (ср., например, буквы и в слове лисичь; из них в первой перекладина почти совсем не просматривается, а лишь угадывается по общему значению слова и другим деталям начертанной буквы). Указанная линия несколько изогнута вниз в средней части. Аналогичные прогибы имеют верхние горизонтальные линии у других букв рассматриваемой грамоты; ср. т I 5, III 10; в III 12, 14; п IV 2-я от конца. Нижняя петля буквы в не просматривается в грамоте вообще, вследствие наличия внизу разрыва коры и слишком слабо начертанной нижней боковой части петли (по предложенному ранее чтению — колена буквы к).

Вызывает возражение также прочтение буквы ь на конце слова сороке II 10. В прориси в этом месте стоит буква е[2], что и соответствует знаку, видимому на грамоте. Но форма буквы е здесь особая, с опущенным язычком; такое же е в этой грамоте и на IV строке (3-я буква от конца). Эта форма буквы е редка в памятниках, однако она отмечена, например, в Минее 1097 г.

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 37.

[2] См. там же снимок, помещенный между стр. 36 и 37.

за октябрь[1]. Читать эту букву как ѣ невозможно, поскольку все буквы ѣ в рассматриваемой грамоте имеют хотя и наклоненную вправо верхнюю часть мачты, но внизу они соединяются с горизонтальной линией петли под острым углом (см. II 2, 16, III 11), а не дугой, как это представлено в рассматриваемой букве є II 10. (В букве ѣ III 13 мачта несколько дугообразна, но и она соединяется с нижней горизонталью под острым углом.)

На конце III строки в грамоте имеется дырочка, кора вокруг которой несколько выщерблена. От буквы, стоящей здесь, сохранились лишь правая часть овала и вверху фрагмент левой части. Предложенное в этом случае А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым чтение буквы о не вызывает возражений.

В грамоте преобладают сравнительно старые типы начертаний: наклоненные вправо мачты в буквах ѣ, ь; сильно наклоненная влево спинка буквы д, треугольной формы головка с острым верхом (как в рассмотренной выше грамоте № 78); буква ч симметрична и напоминает хорошо очерченную чашу на высокой подставке (чаша писалась в два приема — сверху вниз направо и сверху вниз налево, что можно заключить по ошибочно проведенной правой линии в букве ч I 3).

Но буква р уже не древнего типа, а с петлей, образованной отдельной самостоятельной линией, примыкающей к мачте в верхней точке ее; петля имеет различную величину (от маленькой III 16 до большой I 10, равной по величине остальным буквам, с промежуточными типами II 7, 19); мачта большая, она заходит не только в нижнее межстрочное поле, но, пересекая его, даже и на следующую строку.

Буквы и, н представлены в сравнительно древней форме, но это не является вполне показательным для начертаний на бересте.

В грамоте нет противопоставления о узкого и о широкого.

По начертаниям можно отнести грамоту и к XII в. и к началу XIII в., но по языковым данным скорее к XIII в. (см. ниже).

Следует отметить, что острие, которым наносились знаки, имело более тонкую и более толстую (плоскую?) стороны; это видно из того, что в грамоте отмечены более толстые и более тонкие линии. Толстые преобладают в направлении справа вниз налево, тонкие — слева вниз направо. Различная ширина линий зависела, повидимому, от того, какой стороной «резца» наносились линии.

ГРАМОТА № 8

«Документ найден на глубине 4,42 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами непосредственно на мостовой»[2]. Написана грамота на

---

[1] См. соответствующий знак в указ. выше работе Я. И. Трусевича, вып. 1, л. 1, № 7.

[2] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 38.

куске бересты размером 27,5 × 6 см. Строки в грамоте расположены по горизонтальному направлению коры. Береста сильно потрескалась в поперечном направлении и местами покоробилась в вертикальном направлении; по трещинам береста частично расслоилась и раздвинулась.

Текст грамоты:

I. (г)осьмн8н(8с)к(р)ъиг8чьк8чьм(тиє)

II. стькоровадамоловиєм8ожалочьши

III. корокьлєдєшипокоров8а[вьѯи(т)ригрикьн(ѣ)]

Грамота написана менее умелой рукой, чем большинство остальных, но буквы выписаны весьма старательно. Линия строк не выдержана, буквы не соразмерны друг с другом, характерно чередование букв большого и малого размера, особенно мала буква о и велика буква ч. Не все мачты букв проведены прямо; так, например, изогнуты мачты в букве ш (конец II строки).

В начале грамоты есть следы мачты какой-то буквы. Можно предположить, что это — буква г, но против этого предположения говорит то обстоятельство, что следующая буква — о написана слишком близко к этому г, а это является необычным как для других рукописей, так и для данной грамоты (несоразмерность предполагаемой буквы г — высокой — и буквы о — низкой, небольшой, — обычна для букв этой грамоты).

В чтении конца грамоты скорее можно присоединиться к мнению М. Н. Кислова[1] и читать перед словом гривьн- слово три, поскольку перед буквой и, которую М. Н. Тихомиров читает как число 8, стоит четко различимая буква р. Перед нею видна мачта какой-то буквы, которая скорее всего принадлежит букве т. Это особенно правомерно, если предположить, что стоящая на конце грамоты буква — ѣ, а не ь. Утверждать это определенно нельзя, поскольку как раз на месте предполагаемого коромысла в букве ѣ береста дала большую трещину. Точное чтение установить здесь поэтому невозможно.

На конце слова осьмн8н написан какой-то неясный знак. Повидимому, прав М. Н. Тихомиров[2], предполагая, что здесь налицо недописанная буква 8.

Не вызывает возражений и предложенное М. Н. Тихомировым чтение слова скръи. Буква с в нем не возбуждает больших сомнений, поскольку в грамоте буква є имеет язычок с ограничительным штрихом на конце (см., например, букву є в слове єдєши III 8, 10), на конце же предполагаемого язычка в букве с I 10 такого штриха нет. Возможно также и прочтение

[1] А. И. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 39.

[2] См. там же.

буквы р в слове скрѣи. Начертание буквы р в этой грамоте характеризуется тем, что мачта ее стоит на строке, а головка очень мала и имеет форму прямоугольного треугольника (прямой угол образуется мачтой и верхней горизонтальной линией). По выщербинам в бересте можно предполагать, что начертание буквы р в слове скръи было таково: мачта на уровне строки; верхняя линия, относящаяся к головке, горизонтальна (то и другое совпадает с начертаниями буквы р в остальных случаях); к ней присоединен полукруг, левая часть которого соединяется с мачтой в ее верхней точке.

Нет оснований полагать, что в конце I строки была буква ѥ; скорее это была буква є. Перед ней можно предположить буквы ти, поскольку в грамоте в этом месте на отдельных ленточках разорвавшейся коры видны три мачты, из них первая значительно отстоит от двух других. Однако настаивать на этом чтении было бы ошибкой с нашей стороны.

В ряде случаев начертание верхней части буквы ь неясно, так как кора деформирована и обладала природными поперечными почерневшими и огрубевшими трещинами. Эти случаи считаем необходимым оговорить: ь (ъ?) I 18, II 3, III 6, 23.

Писец грамоты не различает йотированные и нейотированные варианты букв; см. написание ємȣ (вместо ѥмȣ) II 18, єдєши (вместо ѣдєши или ѥдєши) III 8; во всех трех случаях написание буквы є одинаково. В грамоте не употреблена буква ꙗ, но сочетание *ja* обозначено буквой ѧ: чьѧ I 23. Наряду с вытянутым о, отмеченным М. Н. Тихомировым[1], в грамоте представлено ѳ с точкой внутри, хотя и не широкое: по коровȣ III 14, 18. Однако в грамоте нет противопоставления в употреблении букв о широкого и о узкого, хотя тот и другой тип буквы писцу был знаком.

Особенностью почерка грамоты является буква ч в виде чаши с сильно закругленными краями. Буква ж писалась в пять приемов; ее большая головка, как в древних типах, но не вполне симметрична. Отсутствие симметрии, возможно, связано с общим неумением писца соблюдать соразмерность как частей букв, так и букв по отношению друг к другу. Своеобразна буква ȣ (только так: букв оу или у в грамоте нет). Она имеет разные начертания — с круглой петлей (I 16, 20, II 20) и треугольной (I 7, III 20); повидимому, сюда же следовало бы отнести и недописанную букву на конце слова осьминȣн-; при этом во всех случаях усики направлены не вверх, а загнуты вниз в виде полукружий. Верхи мачт в буквах ъ и ь сильно наклонены вправо, как в древних образцах, вследствие чего петли в них почти симметричны и представляют собой равносторонние треугольники.

Буква а в грамоте двух типов: с треугольной заостренной кверху головкой, как в грамоте № 78, и с четырехугольной, как в грамоте № 17. Буква н

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 38.

с большой наклонной перекладиной, соединяющей верхнюю точку левой мачты с нижней точкой правой мачты. Буква и старого типа, с горизонтальной перекладиной посередине. Буква в узка; верхняя петля ее меньше, чем нижняя, однако та и другая образуют вполне замкнутые прямоугольные треугольники. Своеобразно начертание буквы д. Она имеет ножки в виде больших росчерков, направленных книзу внутрь, с широко расходящимися крыльями вверху от перекладины (до середины высоты букв!), при этом головка буквы д большая, равная по величине другим буквам (см. снимок). В месте пересечения верхних боковых линий с перекладиной и ножками образуются небольшие треугольники (такие же, как в грамотах № 78, 43). Однако начертание буквы д остается совершенно своеобразным благодаря заходящим вверх продолжениям ножек.

Как специфическую особенность берестяных грамот, в отличие от текстов, написанных чернилами, следует отметить букву р с маленькой головкой и мачтой, не выходящей в межстрочное пространство. Такое р характерно для надписей на вещах, на камне и, как указала нам М. В. Щепкина, для иконописи, но не для «чернильных» памятников.

Начертания букв ч, ж, ъ, ь и отсутствие определенным образом сложившейся нормы в употреблении дублетных букв позволяют отнести данную грамоту ко второй половине XII—началу XIII в.

ГРАМОТА № 9

«Документ найден на глубине 4,56 м, между шестнадцатым и семнадцатым строительными ярусами, возле мостовой»[1]. Грамота довольно велика, размер ее 24 (25,5 внизу) × 8,5 см.

Текст грамоты написан уверенной рукой. Буквы и части их соразмерны.

Линия строки слегка прогибается, так же, как, под влиянием времени, изогнут и лист бересты.

Текст грамоты:

I. +Ѿгостѧтыкъвасильвиѥжемиотьцьдаѧ
II. лъиродисъдаѧлиатоꙁанимьанынѣво
III. дѧновоуюженоуамънѣневъдастьничь
IV. тожеиꙁбивъроукыпоустилъжемѧаиноу
V. юпоѧлъдоѥдидобрѣсътворѧ

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 40.

В грамоте представлены старые нормы употребления вариантов буквенных написаний: всегда ѹ (не ѵ), ѥ для обозначения *je*, ꙗ для обозначения *ja* и *'a* после мягкого (смягченного) согласного.

Грамота характеризуется архаическими начертаниями букв.

Буква ѣ полностью расположена в строке, коромысло ее лежит ниже верхнего уровня строки. Буква ѡ имеет высокую середину, петли ее не разведены и тесно соприкасаются. Буква ж не вполне симметрична, отсутствие полной симметрии, возможно, объясняется сопротивлением материала орудию письма; левая часть ее представляет колено, правая — дужку. Буква ч в виде чаши с умеренно загнутыми краями. Она достаточно симметрична, хотя и написана в несколько приемов. В состав буквы ꙑ в левую часть входит ъ, соединенный с правой мачтой горизонтальной перекладиной. Петля в буквах ъ, ꙑ почти симметрична, что достигается значительным наклоном мачты вправо. В буквах ѣ, ь полной симметрии петель нет. Петли в букве в не замкнуты, но намечены как равные по величине. Буква ѵ имеет коническую чашу (как позднее ч), равную по величине обычным буквам, размещающимся в строке. Справа вверху в ней имеется отворот, идущий вниз. Перекладины в буквах и, ю, ѥ расположены, как в древнейших типах письма, — в середине и горизонтально. В букве н перекладина косая, она соединяет крайние точки мачт, либо несколько отступает от них. Отсутствие единообразия и в этом случае определяется, очевидно, свойством материала, на котором производилось письмо. Мачты букв б, ѣ, ъ, ꙑ, ь наклонны; мачта в букве ѥ очень мала[1].

Другие особенности начертаний грамоты не содержат характерных признаков древности. Так, буква р обладает острой головкой, а не округленной вверху; спинка ее не во всех написаниях прямая; спинка буквы и петля писались в два приема. Буква д имеет большую шатровую верхнюю часть; есть написания как бы «перевернутые», что особенно четко видно в букве д V 10. Колено буквы к небольшое, оно не присоединяется к мачте. Хвостик в букве ꙁ длинный, но расположен под головкой и, по сравнению с нею, вправо почти не выдается. Хвост в букве ц является непосредственным продолжением правой мачты. Язычок в букве є горизонтален и выступает за верхний и нижний концы полуовала. Буквы, в верхних частях которых должны соединяться две наклонные, — ꙗ, а, д, л, м — имеют вверху соединительные горизонтальные штрихи (буква а имеет форму, как в грамоте № 17). Некоторые мачты (в том числе в букве ь), а также все свободные горизонтали имеют ограничительные штрихи. Все это, вместе взятое, создает впечатление стильного почерка.

На основании начертаний букв грамоту № 9 можно отнести и к XI в. и к первой половине XII в.

[1] Подобное написание буквы ѥ не отмечено в других памятниках: ни в указанной выше работе Я. И. Трусевича, ни в учебнике В. Н. Щепкина, ни в «Славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского (Л., 1928), ни в «Русской палеографии» И. А. Шляпкина.

ГРАМОТА № 21

«Грамота № 21 найдена на глубине 1,98 м, в слое XV века»[1]. Написана она на куске тонкой бересты размером 13,5 × 4 см. Все буквы начертаны с большой силой, вследствие этого с обратной стороны бересты отчетливо видны контуры букв. Линия строки выдержана очень плохо, строки лесенкой идут налево вниз, однако буквы соразмерны по величине. Начало грамоты не сохранилось; в тексте не употреблены разделительные точки, слова написаны слитно, как и в других грамотах.

Текст грамоты:

I. ---ц---ꙋоӡцин---
II. (и)въıткалаитъıкомнѣпри
III. шланенеꙋгодицескъıмъп
IV. рислатьитъıꙋсебанӡвѣ
V. ли

В грамоте употребляется только буква ꙋ (не оꙋ) как в начале[2], так и в середине слова; она имеет большую симметричную верхнюю часть, пишется в два приема. Первая часть буквы ъı представляет собой ъ. Перекладина буквы и идет вверх слева направо (как в современном печатном «и») — таково и в I строке, последняя буква и II строки, а также III 3, 11, IV 2, V 2; наряду с ними и с прямой перекладиной, как в современной букве «*н*», в случаях II 9, IV 8, 16.

Буква н пишется с косой перекладиной разной степени наклона. Коромысло буквы ѣ лежит ниже верхнего уровня строки, но мачта высокая, значительно выше уровня строки. Буква р имеет маленькую (1/2 размера обычных букв строки) треугольную головку, сильно наклоненную вправо мачту, выходящую в нижнее межстрочное пространство. Буква ӡ широка, правая боковая линия ее книзу сильно наклонена влево и доходит до нижнего уровня строки, где от нее идет направо (в I строке даже слегка вверх) длинный хвост, который в своей конечной части слегка изгибается вниз. Хвост буквы ц является продолжением правой мачты и занимает все межстрочное пространство. Буква в имеет большую верхнюю петлю в виде прямоугольного треугольника, одной из сторон которого служит мачта буквы (целиком); нижняя петля маленькая и широкая в виде небольшого треугольничка. Подобное начертание буквы к известно многим памятникам середины и второй половины XV в.[3] Колено буквы к не примыкает к мачте.

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 115.

[2] Однако можно полагать, что слово ꙋгодице и предыдущее отрицание не рассматривались писцом как одно слово. В таком случае ꙋ оказывается не в положении начала слова.

[3] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 2, л. XXIII и сл.

Верхняя часть его сильно наклонена, в средней точке эта линия под острым углом переходит в горизонталь (в букве к II 5 она наклонена). Нижняя часть делает уступ под прямым углом, вследствие чего она представляет почти квадрат.

Буква є прямая, широкая, со сравнительно большим язычком. Петли букв ѣ, ъ, ь, ъı, в почти треугольны. Своеобразно начертание буквы ʌ. Она пишется в два приема: 1) сильно изогнутая в нижней части дуга в виде длинной скобы и 2) наклонная боковая линия. Концы скобы в ряде случаев пересекают спинку.

Буквы написаны с минимальным числом штрихов и отрывов руки. Однако буквы ѣ, в, т, г, ъ, ʒ имеют на концах своих горизонтальных линий штрихи, идущие книзу. Другие линии лишены и ограничительных точек, и штрихов.

Эта особенность почерка (ср., например, начертание буквы ʌ — два движения рукой), а также неточное сопряжение линий некоторых букв и общий наклон букв вправо свидетельствуют о беглости почерка, свойственной полууставу, и о том, что писец употреблял определенные сложившиеся приемы начертания букв. Однако он не был писцом-профессионалом и к тому же грамоту писал, повидимому, очень поспешно.

Палеографические данные и данные лингвистические (см. ниже) позволяют отнести грамоту № 21 к XV в.

ГРАМОТА № 23

«Грамота № 23 найдена на глубине 1,92 м, в слое XV века»[1]. Размер грамоты 17,5 × 7,5 (в узкой правой части 7) см. Написана грамота некрупным уверенным почерком; пишущий пользовался предметом, с острием, имевшим и более широкую и более тонкую стороны.

Текст грамоты:

I. поклонєѾкарпа.косподину.
II. моюму.фоми.бъıлоюсмишспо
III. дин(ко).напустопьржи.рожьнсмь
IV. роʒдилило.сольксои[2].съгафанко
V. мо.ньмногошсподинь.ржи.
VI. натвою.цасть.двашви
VII. на цьтвьрти.

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.

[2] Начертание буквы и не вполне ясно, так как мачты ее слишком раздвинуты и перекладина не просматривается отчетливо.

VIII. апрнтьлнкьви

IX. дьльсамь.

Букву на конце слова ѡсподинь (II—III строки) можно читать как ѥ и как ь. Эта буква в грамоте лишена нижней горизонтали, которая хорошо видна во всех остальных буквах ь данной грамоты. Петля ее не вполне замкнута в нижней правой точке. Написана эта буква в два приема: полуовал с открытой верхней частью и идущая из его средней точки линия, делающая колено с резким изменением направления вниз. Эта линия по типу написания напоминает язычок в букве ѥ. Поскольку буква ѥ в данной грамоте не употреблена, а написание правой половины в букве ю не совпадает с начертанием рассматриваемой буквы, утверждать определенно, что эта буква ѥ — нельзя.

В грамоте отмечена буква ѡ с высокой серединой и слабо разведенными петлями, что может характеризовать либо XI, либо XV в. Других примет, специфичных для XV в., в написании букв грамоты нет, если не считать п, которое характеризует беглый почерк и несколько напоминает поздние полууставные образцы.

Начертания остальных букв не являются специфическими для XV в.

Буква ю пишется с прямой перекладиной, идущей от средней точки мачты; язычок буквы идет примерно от середины овала и направлен несколько вниз; перекладина и язычок пишутся в два отдельных приема. Перекладина буквы и расположена в середине, она горизонтальная. Буква н различных типов, но написания с высокой косой перекладиной отсутствуют. Буква в пишется так же, как в грамоте № 43. Петли букв ь, ъ, ы, р квадратные. Буква р имеет короткую мачту, лишь слегка выходящую из уровня строки, и небольшую квадратную головку. Написаниям чернилами такой тип не свойственен. Буквы ц и д своими ножками лишь немного выходят из уровня строки. Начертание буквы к варьируется и напоминает соответствующие начертания грамоты № 43. Начертание буквы ж аналогично начертанию ее в грамотах № 17, 43. Средние наклонные линии в букве м сходятся под острым углом и достигают нижнего уровня строки. Буква д имеет большую головку в виде равностороннего треугольника и маленькие ножки, слегка заходящие в межстрочное пространство.

Таким образом, совокупность палеографических примет не позволяет датировать грамоту № 23 ранее, чем XV в. По стратиграфическим данным она также отнесена к XV в.

ГРАМОТА № 24

«Грамота № 24 найдена на глубине 2,14 м, в слое XV века»[1]. Написана она на небольшом кусочке бересты размером $20 \times 1,5$ (в узкой части 1) см.

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.

Текст грамоты:

I. ---(цол)овѣком(ъ)грамот[1]куприн

II. шли.таино

В тексте грамоты очень небольшое число букв, сохранившихся полностью. Из них можно отметить написание буквы и с косой перекладиной, идущей от нижней точки левой мачты к верхней точке правой мачты; букву н с косой перекладиной обратного направления; букву ѣ с большим коромыслом, расположенным ниже верхнего уровня строки; петля в букве ѣ приближается к квадрату; букву в с узкой длинной верхней петлей, по высоте равной мачте, и с нижней петлей, очень широкой, невысокой, в правой части почти квадратной; букву р, которая имеет головку треугольную или в виде трапеции и мачту, выходящую в межстрочное пространство. Своеобразно начертание буквы к: колено в ней имеет форму дуги и не смыкается с мачтой; верхняя часть колена наклонная и очень большая, доходящая почти до нижнего уровня строки; нижняя часть колена направлена по нижнему уровню строки. Буква а имеет треугольную головку, более узкую в левой нижней части. Буква у написана так, что образует уголок с правой линией, имеющей отворот в верхней части.

Данные начертаний позволяют отнести грамоту к XV в., как это устанавливается и стратиграфическим анализом.

ГРАМОТА № 25

«Грамота № 25 найдена на глубине 1,85 м, в слое XV века»[2]. Размер грамоты 19 × 3,8 см. Написана грамота на внутренней стороне бересты мелким уверенным почерком, продолжен текст (одна строка) на обороте. Верх и низ лицевой и оборотной сторон грамоты не совпадают.

Текст грамоты:

I. ухоктобѣсвасил(ь)ѥмъсожелуткобымъитыухополо

II. жинасудѣ.анаменесешлинатомъ.цтоесиконьпоѕн

III. алъунѣмцинанухоѥсиѕаменедаленнѣмцинессеб[3]е

IV. поводъсложи(л-акс---ым---у)житыг(ли---)

---

[1] Между буквами т и к зачеркнута поверхностными штрихами написанная ошибочно буква, повидимому о.

[2] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.

[3] Буква эта не в, как указывает прорись, а к, имеющая ограничительный штрих, размером больше обычного. Обычное к в данной грамоте пишется с прямоугольным треугольником в верхней части и нижней петлей, образованной дугой, соединяющей среднюю точку гипотенузы этого треугольника с правой конечной точкой нижней горизонтали.

На обороте:

I. напередърубл(ан)аперед(ъ)---наменесен(ен)---

Характерно для орфографии грамоты употребление буквы ү повсюду, т. е. и в начале слова.

Грамота написана беглым почерком.

Из особенностей начертаний букв необходимо отметить следующие.

Встречается буква є (как на месте є после согласных, так и в сочетаниях *je*), которая иногда пишется с высоко поднятым вверх язычком (II 15, 17, 30), в большинстве случаев с язычком, идущим параллельно направлению строки (I 22, II 13, III 22, 24, 28, 36, 39, 41, а также на обороте грамоты). Язычок соединяется с овалом в нижней трети его. Употребляется также буква ѥ (обозначает *je*) I 16, III 16. Язычок и перекладина в ней составляют одну прямую линию, идущую от середины мачты. Буква м с большими горизонтальными уступами вверху (напоминает два п) и с перемычкой овальной формы, доходящей до нижнего уровня строки. Буква ү несколько манерна, имеет изгиб внизу в правой верхней точке и напоминает ү в Духовной Климента Новгородца[1]. Мачта буквы ѣ выше уровня строки, коромысло лежит на уровне строки и даже слегка ниже. Хвостик в букве ц является продолжением левой (sic!) мачты, напоминая тем самым перевернутое ц, отмеченное в грамотах № 2, 69. Мачты букв ъ, ь, ы, ѣ наклонены вправо, у ъ — более, чем в остальных буквах. Мачта буквы а почти не имеет наклона, петля ее узкая, в нижней части сильно отодвинута влево, по начертанию напоминает а в грамоте № 17. Верхняя и нижняя части буквы ж отличаются по начертанию: верхние наклонные примыкают к мачте в средней точке ее, нижние соединяются с верхними примерно в средней точке этих линий. Подобное начертание буквы ж не известно 260 рукописям, рассмотренным Я. И. Трусевичем[2]. Буква р имеет большую узкую головку в виде трапеции. Головка буквы ꙁ маленькая, но наклонная линия, идущая справа налево, очень длинная, заходит даже в межстрочное пространство; хвост небольшой, почти прямой, соединяется с наклонной линией в средней точке ее.

Буква д пишется, как в грамотах № 78, 43 и др., т. е. имеет внизу ножки в виде треугольничков. В составе буквы ы находится в первой ее части буква ъ.

Мачты букв, как правило, ограничительных штрихов лишены, но буквы с горизонталями в верхней части имеют очень четкие штрихи — таковы буквы г, ꙁ, т, ѣ; в буквах ү, к, х обладают такими штрихами правые наклонные линии (штрихи в них почти вертикальные).

Начертание отдельных букв, в частности букв є, ѣ, ж, ү, и общий тип почерка — полуустав — позволяют датировать грамоту XV в.

---

[1] М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Указ. работа, стр. 26.

[2] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа.

ГРАМОТА № 27

«Грамота № 27 найдена на глубине 2,1 м, в слое XV века»[1]. Она написана на куске бересты размером 16,2 × 2,5 см. Конец грамоты оборван.

Текст грамоты:

I. поклоноѿфалеѧкоксифу(н)[2]ослал---
II. ѧꙁоктови.берестонаписаковъı
III. шлнꙁа---

Буквы грамоты сравнительно невысоки и широки. В орфографии и графике грамоты № 27 можно отметить много общего с грамотой № 23, но впечатление от характера почерка иное (в грамоте № 23 буквы очень вытянуты, по сравнению с буквами рассматриваемой грамоты).

Буква ѿ в грамоте пишется с высокой серединой, петли узки и умеренно разведены. В грамоте представлено своеобразное манерное написание буквы у, напоминающее букву к без нижней половины мачты, как в грамоте № 17 и Требнике Шереметева (XIV в.)[3].

Буква в имеет сравнительно узкую длинную верхнюю петлю и большую широкую треугольную нижнюю. Особенно эффектна выписанная более тщательно, в пять приемов, буква в II 22. Подобное в отмечено в договорной грамоте Новгорода с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем 1304 г.[4] Буква в II 24 написана в два приема и поэтому менее интересна.

Буква к — не стильная, ее прямая перекладина сравнительно высока (в верхней трети мачты), язычок прямой и расположен ниже перекладины. Сочетание *ja* обозначается буквой ѧ. Перекладина в букве н косая,´приподнятая; в букве и также приподнята и наклонена вниз в левой части. Столь поздний тип букв н, и является специфической чертой для данной грамоты. (Выше нам неоднократно приходилось указывать на то, что начерки букв н, и в берестяных грамотах сильно запаздывают по сравнению с текстами, написанными чернилами.)

В левой части буквы ъı пишется ъ. Буква ꙁ пишется с прямой головкой, хвост ее идет сначала параллельно головке, а затем резко изломан вниз.

Спинка буквы л сильно наклонена; буква писалась в два приема: сильно изогнутая скоба и спинка (аналогичное написание в грамоте № 21). Петли в буквах ъı и б треугольные, мачты прямые, вследствие этого петля в букве ъı (буква ъ в грамоте не употреблена) расположена в противоположную сторону от головки и совсем не заходит под нее.

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.

[2] Буква н не ясна.

[3] См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XIII, № 135.

[4] См. там же, л. VIII, № 83.

Буква к имеет изломанное колено, не примыкающее к мачте; в верхней части буква к более узка.

Своеобразно начертание буквы ф во втором случае (в слове ксифꙋ): написана буква, в левой части напоминающая ф (но овал здесь не замкнут), а в правой — ѳ. Скорее всего это все-таки ф.

В конце I строки проведена косая черта и за ней поставлена точка. Не является ли она видоизменением паерка?

По начертаниям букв (ѡ, н, и) грамота может быть датирована не ранее, чем XV в.

ГРАМОТА № 40

«Грамота № 40 найдена на глубине 2,59 см, в слое XIV века»[1]. Написана на кусочке бересты размером 12 × 5,3 см. С наружной стороны береста не была обработана и сильно расслоилась.

Текст написан острым царапающим предметом; береста в местах начертания букв не столько продавлена, сколько процарапана. Строки имеют наклон вниз, буквы крупные.

Текст грамоты:

I. ---(ть)к
II. неигвоѯдꙋ.
III. астожтьвопо
IV. ткл҃ѣтѣктоп
V. ридетьѯверостомъ

Своеобразно начертание буквы в в грамоте: прямоугольник, к которому справа приставлен небольшой треугольничек. Такого типа в не отмечено в сборнике Трусевича, но сходные образцы приводятся. Таковы: один из типов в в Листе кн. Александра Кориатовича 1375 г.[2], полоцкой грамоте 1407 г.[3], в правой грамоте Галицкого старосты Петраша 1421 г.[4], жалованной грамоте Черниговского князя Свидригайла (Болеслава) 1424 г.[5] Отличие буквы в в указанных грамотах состоит в том, что левая часть ее представляет большой прямоугольник, суженный книзу, в берестяной же грамоте № 40 этот прямоугольник почти точен. Буква ꙋ несколько манерна — она подобна букве ꙋ в Духовной грамоте Климента Новгородца XIII в.[6] Коромысло

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.
[2] Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 1, л. XI, № 109, правый образец.
[3] Там же, л. XXI, № 145, левый образец.
[4] Там же, л. XXII, № 152, средний образец.
[5] Там же, № 155, правый образец.
[6] См. М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Указ. работа, стр. 26.

буквы ѣ лежит на верхнем уровне строки. Петли в буквах в, ѣ, ъ, ь, как и правая петля в букве в, треугольны. Буква д сравнительно узкая и длинная, с одинарными ножками. У буквы з большой правильно закругленный хвост, частично расположенный под головкой. Буквы т, з, в имеют ограничительные штрихи у верхних горизонталей. Мачты в буквах в, ь, ъ, ѣ вертикальные. Буква а писалась тремя линиями: левая дугообразная линия, прямая наклонная спинка и соединяющая их прямая линия, которая соприкасается со спинкой в верхней четверти ее. Перекладина в букве и — наклонная; в том и другом случае она не доходит до концов мачт. В букве н горизонтальная, расположена посередине мачт. Колено буквы к почти соединено с мачтой в середине ее.

Грамота может быть датирована концом XIV—началом XV в.

ГРАМОТА № 41

«Грамота № 41 найдена на глубине 2,73 м, в слое XIV века»[1]. Сохранившаяся часть грамоты написана на толстом куске бересты, размером 29 × 3 (в узкой части 2) см. Написана она острым предметом: часть букв не вдавлена, а процарапана.

Линия строки в грамоте хорошо выдержана, почерк слегка наклонный. Написана грамота уверенной рукой. Приемы в начертаниях букв требовали от писца минимума движений и отрывов резца.

Текст грамоты:

I. тєдаитє(намъволнохᵒди---)
II. кꙋнахъꙁємлювамъѿцистимъ .авамъкла
III. наѥмсѧ.

Грамота характеризуется сравнительно поздними начертаниями букв.

Перекладина в букве є проходит по линии верхнего уровня строки, соединяя крайние верхние точки мачты и овала. Сверху над буквой ѿ стоит надстрочный знак — две точки. Язычок в букве є, как и в букве є, имеет направление несколько вверх. Буква є широкая, с большим язычком, но не наклонная, как это обычно для є якорного. Перекладина в букве и наклонна, соединяет середину или нижнюю треть левой мачты с самой верхней точкой правой мачты. Перекладина в букве н наклонна, соединяет верхнюю точку левой мачты с серединой или нижней третью правой мачты. Перекладина в букве ю имеет очень небольшой уклон направо вверх и соединяет верхнюю треть мачты с точкой в верхней четверти овала. Буква в имеет узкую длин-

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 116.

ную верхнюю петлю в виде треугольника, одной из сторон которого служит сама мачта, и широкую нижнюю петлю в виде равностороннего треугольника (правая наклонная его, правда, несколько изогнута). В начале слова употреблено круглое ѻ с точкой, имеющее сверху надстрочный знак — две точки. Буква ѧ имеет такую же форму, как в грамотах № 2, 5, 53: конусообразная чаша под шатром; дно чаши достигает нижнего уровня строки, а подстава, являясь продолжением линии, идущей от правой наклонной, заходит в межстрочное пространство.

Своеобразно начертание буквы м: она как бы составлена из современного скорописного «п» и буквы «л». Писалась буква м в пять приемов: левая мачта, небольшая горизонтальная линия наверху, сильно изогнутая дуга, доходящая в своей нижней части до нижнего уровня строки, затем две сходящиеся линии (как у буквы л в той же грамоте), образующие в верхней части острый угол.

Буква ц большая, хвостик ее является продолжением правой мачты и целиком располагается в межстрочном пространстве. Буква а пишется так же, как и в грамоте № 21, — она очень широко раздвинута в нижней части. Мачта буквы ъ, как и другие мачты, сильно наклонена вправо; петля буквы располагается под головкой.

Своеобразие начертаний букв заключается также в том, что все горизонтальные линии (см. буквы т, м, к, ъ), находящиеся на верхнем уровне строки, имеют небольшой подъем направо вверх, а мачты букв имеют наклон в правую сторону. То и другое создает впечатление беглости почерка.

Поздние типы буквенных начертаний, общий тип почерка грамоты, характеризуемый как беглый наклонный полуустав, позволяют отнести грамоту № 41 к середине XV в. или ко второй половине его.

ГРАМОТА № 46

«Грамота № 46 найдена на глубине 2,83 м, в слое XIV века... Это типичная школьная шутка»[1]. Она написана на толстом, ныне расслоившемся куске бересты размером 15,5 (в нижней части 20,5) × 5 см. Строки грамоты имеют направление направо вверх, но буквы нанесены старательно с сильным надавливанием, так что очертания букв просматриваются на лицевой стороне этой довольно толстой бересты. Поскольку содержанием грамоты является загадка-шутка, буквы расположены в ней одна под другой в две строки.

Текст грамоты:

I. нвжпсндмкꙁа---

II. еѣжиаеѵааахоена

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 117.

Кусок бересты, на котором были расположены дальнейшие буквы, оторван. На основании соотношения ее частей можно думать, что в нижней строке недостает 4—5 букв, в верхней — 8—9.

Буквы грамоты имеют небольшой наклон влево. Особенностью начертания отличается буква д, представляющая собой как бы перевернутую головку. Буква ж сравнительно симметрична, левое и правое колено ее не смыкаются с мачтой. Не замкнуты петли в букве к. Буква и пишется с горизонтальной перекладиной посередине. Буква н имеет наклонную перекладину, расположенную в верхней части мачт (I 1) или в нижней (I 6, где перекладина идет даже не от верхней точки левой мачты). Округлое колено буквы к не примыкает к мачте, середина его расположена несколько выше середины букв. Коромысло буквы ѣ находится несколько ниже верхнего уровня строки, мачта занимает все межстрочное пространство. Буква ѵ отличается тем, что линии, образующие ее, не заходят за нижний уровень букв. Специфично начертание буквы ѵ — двумя кривыми линиями, вместо правой наклонной — дуга. Буква л имеет сильно наклоненную спинку и узкую, острую книзу головку; писалась она в три приема. Буква є неширокая, с горизонтально направленным язычком. Хвост буквы ꙁ небольшой, слабо изогнутый, направлен направо вниз от нижнего уровня строки; головка прямая, с небольшим ограничительным штрихом. Концы мачт и наклонных линий в буквах п, н, и, ѧ, л (II 5) ограничиваются штрихами. Такие же штрихи имеют буквы с, є на концах дуг. Буква ѧ пишется с острой треугольной головкой, на которой сверху проведен небольшой ограничительный горизонтальный штрих, средняя ножка ее короче крайних и лишена ограничительного штриха.

Написания букв в грамоте противоречивы, что затрудняет датирование рукописи по начертанию букв (ср., например, при ранних типах букв и, ж, поздние н, к, вероятно, к). Налицо известная старательность писца: даже букву ѵ он разместил в строке! Крупный почерк и школьная правильность изобличают писца-учащегося.

Характерно также, что и в языке грамоты сосуществуют старые формы наряду с новыми (см. ниже) и что в тексте допущена ошибка с точки зрения норм орфографии того времени (нєвѣжѧ).

Учитывая стратиграфическую датировку А. В. Арциховского, можно датировать грамоту № 46 XIV в.

ГРАМОТА № 49

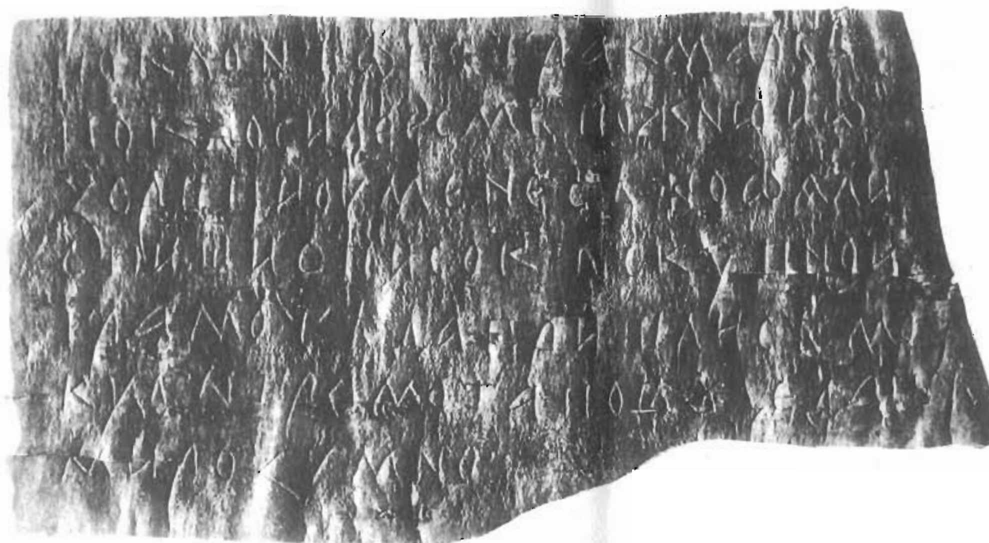
«Грамота № 49, найденная на глубине 2,62 м, в слое XIV века»[1], написана на куске бересты размером 25,7×2,5 см.

Линия строки в грамоте соблюдена безукоризненно, лучше, чем в других, рассматриваемых нами. Начертания букв гармоничны.

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 117.

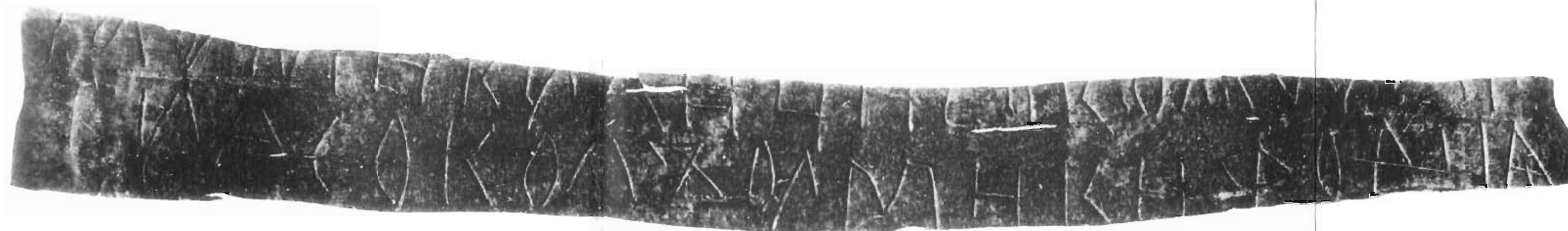
Грамота № 46

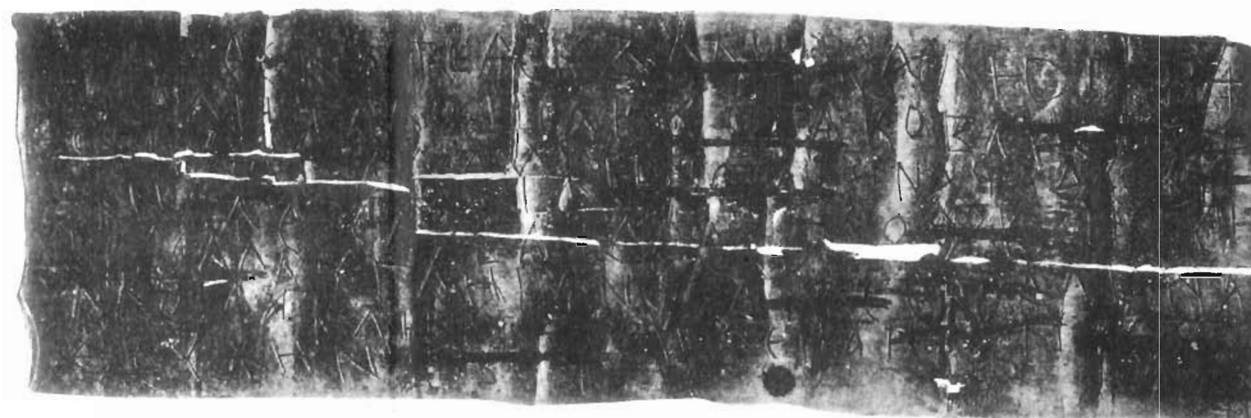
Грамота № 53

Грамота № 49

Грамота № 54

Грамота № 69

Грамота № 78

Текст грамоты:

I. поклонъ.ѿностасьикъгнꙋкъмоѥикъбъратьи.оумене
II. борисавживотѣнѣтъ.какъсегдⷭомноюпопецалꙋѥте
III. имоимидѣтми.

В грамоте есть следы нормированного правописания; так, в начале слова в грамоте употреблена буква оꙋ, в середине слова — ꙋ; сочетание *je* обозначается буквой ѥ; предлог *от* представлен в виде омеги с выносным т, аналогичное написание систематически встречается и в других берестяных грамотах. Особенностью данной грамоты является написание слова гдⷭо с выносной буквой с, которая прикрыта угловатой дужкой.

Буква ѡ имеет невысокую середину и умеренно разведенные округлые петли. Буква ж не симметрична, писалась в пять приемов; левая часть ее — в виде уголка, примыкающего к мачте почти в самой верхней точке ее; правая часть состоит из двух пересекающихся линий: верхняя начинается выше уровня строки и примыкает к мачте в средней точке ее, нижняя линия отходит от верхней примерно в ее середине, которая расположена лишь немного ниже верхнего уровня строки. Язычок в буквах ѥ и є направлен вправо вверх, почти параллельно верхней половине полуовала; линия, соединяющая мачту и овал, направлена из нижней трети мачты вверх и является касательной к верхней части полуовала. Так же расположена она и в букве ю Мачта в букве ѣ несколько наклонна, занимает почти все верхнее межстрочное пространство; коромысло лежит на линии верхнего уровня строки, петля треугольная. Косая перекладина буквы и соединяет верхнюю точку левой мачты с точкой в нижней четверти правой мачты. Буква ꙋ в грамоте двух видов: в виде симметричного уголка с хвостиком, расположенным ниже уровня строки и являющимся продолжением правой наклонной, и несколько манерное ꙋ̇, похожее на ꙋ в грамоте Климента Новгородца и берестяных грамотах № 3, 5, 25, 40, отличающееся от последнего только тем, что левая вертикальная черта здесь несколько наклонена влево. Буква а писалась, как в грамотах № 4, 5: узкая скоба и наклоненная спинка. Буква к в грамоте имеет два разнотипных приема написания: 1) в два приема, с тупым коленом, не примыкающим к мачте (I 3, 17, 28), 2) в три приема, со ступенчатым коленом, верхняя часть которого смыкается с мачтой, нижняя отходит от середины верхней (I 22, II 18, 20); мачта буквы к наклонена вправо. Петли буквы в в форме треугольников: верхняя — длинный прямоугольный, нижняя — широкий равносторонний. Буква д имеет треугольную головку, несколько меньшего размера, чем остальные буквы; особенностью начертания буквы д, по сравнению с другими берестяными грамотами, является то, что в грамоте № 49 она имеет более длинную перекладину, значительно выходящую за пределы головки в правой части. Буква о писалась в два приема, с соединением полуовалов вверху и внизу. Своеобразно начертание перекла-

дины в букве **т**: левая ограничительная черта ее сравнительно велика — она больше, чем правая. Буква **ц** имеет очень большой хвост, слегка изгибающийся вправо и являющийся продолжением правой мачты. Петля в букве **ь** I 35 треугольная и сравнительно большая; мачта в этой букве прямая. Буква **ь** I 15 гармонирует с остальными буквами: петля обычного размера (половина высоты мачты) и наклоненная вправо мачта.

Отличается от типа начертаний других букв буква **ѣ** II 1 с прямой мачтой и квадратной петлей, тогда как **ѣ** I 30, гармонируя с остальными буквами этого типа (**ѣ**, **ъ**, **ь**), имеет наклонную мачту и треугольную петлю. Буква **р** I 32 пишется с большой прямоугольной головкой (повидимому, на месте написанной ранее ошибочно буквы **в**) и прямой мачтой, в то время как **р** II 3 имеет треугольную, в верхней части острую, головку и наклонную мачту.

На основании четкого, хорошо выдержанного верхнего и нижнего уровня букв (линии строки), соразмерности букв и пропорциональности частей каждой из них, а также на основании нормированного правописания грамоты (употребление в соответствующих местах букв **оу** и **у**, **к** и **є**, лигатуры **ѿ**) и умелого употребления выносных букв можно полагать, что грамота написана писцом-профессионалом.

Указанные особенности письма, а также буквенные начертания позволяют отнести грамоту № 49 ко второй половине XIV в.

ГРАМОТА № 53

«Грамота № 53 найдена на глубине 2,96 м, в слое XIII—XIV веков»[1]. Написана она на куске бересты размером 12 (внизу 13,5)×7 см (справа 6 см). Линия строк хорошо выдержана, как в грамоте № 49.

Текст грамоты:

I. **поклонъѿпотракмарьѣ**
II. **пок[2]осилеесмьпожнюнѡ**
III. **ѕєрици.оуменесѣноѿмали**
IV. **спишисписокъскупнои**
V. **грамотѣдапришлисѣмо**
VI. **кудꙑграмотаповєдєдать**
VII. **мироѕумно**

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 117.
[2] Между буквами к и о остался след какой-то буквы, написанной ошибочно.

Почерк грамоты прямоугольный, вытянутый. Мачты подавляющего числа букв прямые, но есть и с наклоном вправо.

В грамоте отражено нормированное правописание, в XIV в. уже сложившееся: употребление в начале слова оу, ѡ (или о широкого), в середине — у, о узкого; особого типа є (см. ниже) для обозначения *je*, противостоящего букве є, обозначающей гласный *е* после согласных.

Буква ж в грамоте симметричная, с маленькой головкой. Буква и имеет наклонную перекладину, расположенную в нижней (sic!) половине буквы и в большинстве случаев идущую от нижней точки левой мачты к середине правой. Такова же перекладина в букве ю — наклонная, идет от нижней точки мачты к середине овала[1]. Буква н в большинстве случаев имеет косую перекладину, идущую от верхней точки левой мачты к нижней точке правой мачты, но есть и отклонения (н III 10, где перекладина идет к середине правой мачты).

Коромысло буквы ѣ расположено чуть ниже верхнего уровня строки, мачта высокая. Буква ѡ — с низкой серединой и умеренно разведенными петлями. Буква а — как в грамоте № 17. Буква в сходна с в грамот № 2, 23 и 43; верхняя петля ее равна по высоте другим буквам и представляет собой четырехугольник, суженный книзу; нижняя петля маленькая, округлая в правой части, она присоединяется к большой петле справа.

Вместо буквы ѥ (в значении *je*) пишется є очень узкое с длинным язычком, изгибающимся вверх и заходящим в верхнее межстрочное пространство. Такое є встречается в памятниках конца XIV в., написанных чернилами. Язычок узкого є идет несколько вверх; в нижней части буква немного шире, чем в верхней.

Буква ъ имеет квадратную петлю и почти прямую мачту, но в букве ы, где первая часть тоже ъ, петля треугольная. Буква ь пишется с треугольной петлей и слегка наклонной вправо мачтой.

Буква р представлена с изогнутой спинкой и треугольной петлей (вверху острая или округлая — VI 6). Хвост в букве з разных типов, направлен вниз и в сторону.

Буква у похожа на треугольник; хвост ее продолжает правую наклонную, но несколько изогнут вправо.

Начертание буквы ѧ, как в грамотах № 2, 5, 41: под шатром коническая чаша ч. Хвост буквы ц является продолжением правой мачты. Буква д имеет большую острую головку обычного типа. Острое колено буквы к не смыкается с мачтой.

Буквы ъ, т, г, з имеют ограничительные штрихи по концам горизонталей. Свободные мачты букв таких штрихов лишены.

По начертаниям букв грамота относится к XIV в., повидимому ко второй половине его.

---

[1] Подобные заниженные перекладины букв ю, и не отмечены ни в одной из 260 рукописей, рассмотренных Я. Трусевичем. См. Я. И. Трусевич. Указ. работа.

ГРАМОТА № 54

«Грамота № 54 найдена на глубине 3,25 м, в слое XIII в.»[1] Написана она на дугообразном куске бересты размером 27×3,3 (в узкой левой части 2) см, очень крупным почерком (мачты букв к, т, м достигают 1,5 см; расстояние между мачтами буквы м внизу — 1,7 см). Буквы нанесены уверенной рукой; строка слегка изгибается вниз в средней части, но буквы соразмерны.

Текст грамоты:

I. ---(т)а --- микулицисокол- - -

II. ---стуꙗсоколъол[2]микифорцꙗ

Буква р располагается в строке, имеет маленькую треугольную головку с острой верхушкой. Буква к симметрична, колено ее не смыкается с мачтой. Буква у узкая и длинная; левая часть ее меньше наклонена, чем правая. Хвост в букве ц является продолжением правой мачты; он слегка заходит в межстрочное пространство. Буквы л, м, ꙗ (II 4, но не II 21) имеют вверху маленькие горизонтальные линии, соединяющие правую и левую наклонные.

Перекладина в букве и слегка наклонена к правой мачте (sic!). Петля буквы ъ треугольна и почти симметрична, так как частично располагается под головкой. Буква о писалась в два приема: два полуовала, соединяющиеся в верхней и нижней точках. Грамота слишком мала, чтобы на основании встретившихся в ней буквенных начертаний можно было установить время происхождения ее. Имеющиеся данные не препятствуют отнесению ее к XIII в., к которому она приурочена, по данным стратиграфии, А. В. Арциховским, или к началу XIV в.

ГРАМОТА № 69

«Грамота № 69 найдена на глубине 3,53 м, в слое XII века»[3]. Размер грамоты 16,7×5,3 см. Грамота написана на лицевой (наружной) стороне бересты, которая была предварительно обработана — удален самый верхний наружный слой. Первоначально письмо было начато на внутренней стороне (что обычно для подавляющего большинства грамот), где написано: ѿтьр. На этом текст обрывается, возможно потому, что писец счел ошибочным написание слова терентии через ь в первом слоге. С лицевой стороны грамота начинается словами: ѿтереньтеꙗ...

Почерк грамоты сравнительно мелкий, но имеются отдельные более крупные буквы; линия строки выдержана удовлетворительно.

---

[1] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 118.

[2] В грамоте ошибочно повторяется слог ол — описка.

[3] А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 118.

Текст грамоты:

I. ѿтереньтеꙗкъмихалюпри
II. шьлитьлошакъсъꙗковьцемь [1]
III. поедутьдружинасавиначадь
IV. ꙗнаꙗрославлидобръꙁдоровъисгри
V. горемьоуглицанеꙁамерьꙁьлина
VI. ꙗрославли[2]ітъıдоуглецаитуплкъ
VII. дружина

В отдельных случаях рассмотрение начертаний букв грамоты по снимку и подлиннику дает расхождения, обусловленные тем, что кора во многих местах сморщилась, и тени от складок легко могут быть приняты за линии букв.

На сокращенном слове **плкъ** (VI) титла нет. В слове **добръ** (IV) пропущенная буква **б** вставлена после, она стоит несколько выше остальных букв.

В написаниях грамоты употребляется буква **ꙗ** для обозначения сочетания *ja*, буквы **ы** нет. В середине слова пишется **у**, в начале **оу** и **у**: **оуглицане**, но **до углеца**.

Особенностью начертаний отличается буква **р**, которая имеет сильно изогнутую спинку. Головка ее треугольная, по размеру немногим меньше остальных букв строки; хвост занимает нижнее межстрочное пространство и заходит вправо, располагаясь под головкой, а в букве **р** VI 2 даже значительно правее головки. Это написание выделяет данную грамоту из числа других, рассмотренных нами.

Начертание буквы **ц** с хвостом, являющимся продолжением левой (sic!) мачты, также выделяет эту грамоту из числа древних грамот, написанных чернилами, но такое начертание буквы **ц** находит параллель в других берестяных грамотах (№ 2, 25).

На древность грамоты указывает буква **ч**, с хорошо выписанной чашей, начертание которой на бересте должно было представлять известную трудность. Буква **ѡ** с высокой серединой, равной по высоте боковым дужкам (написана так два раза: в начале грамоты на лицевой и оборотной сторонах бересты). Буква **ж** почти симметричная, с большой головкой, но писалась, вероятно, в пять приемов (в точке, где все линии буквы **ж** сходятся, по бересте проходит трещина, — это мешает точнее определить характер написания буквы **ж**). Буквы **и**, **н**, **ю** — древнейшего типа. Эти приметы позволяют

---

[1] Нет оснований считать, что на конце слова стоит **ъ**. Горизонтальная черточка вверху над буквой менее глубока и не соединяется с мачтой (в других начертаниях **ъ** и **ы** этой грамоты черточка и мачта тесно соединены).

[2] **ı** десятеричное, как и в других грамотах, А. В. Арциховским принято ошибочно за разделительный знак. См. А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 118.

отнести грамоту даже к XI в., ср. в связи с этим замечание В. Н. Щепкина: «В 11-м веке омега почти без исключений имеет высокую середину...»[1] Далее замечания В. Н. Щепкина сводятся к тому, что более поздний тип букв не говорит непременно против XI в., но более ранний тип довольно решительно говорит в пользу XI в. или начала XII в.[2]

Однако языковые данные не позволяют отнести грамоту к XI в. (см. разделы «Фонетика» и «Морфология»).

Мачты букв ѣ, ь, ы сильно наклонены вправо. Спинка буквы а сильно наклонена влево; она имеет треугольную головку. Очень своеобразно начертание буквы к: представлено к ступенчатое, но особого типа — от середины мачты отходит нижняя часть колена в виде сильно изогнутой линии, которая писалась второй по порядку; к этой линии (но не к мачте) присоединялась верхняя часть — сравнительно прямая наклоненная линия. В букве к I 11 верхняя линия имеет в верхней своей части загиб влево, внутрь, к мачте (sic!). Буква ү симметрична, конусообразна и тем самым по начертаниям напоминает более позднее ч. Петли буквы в равновелики (в отдельных случаях есть написания с преобладающей верхней петлей, в других — нижней) и представляют собой прямоугольные треугольники. Буква о, по сравнению с буквой о в других грамотах, представляется более широкой. Буква д имеет начертание двух типов: как в грамотах № 78, 43 и как в грамоте № 17 (т. е. современный тип), однако головка ее во всех случаях острая; ножки буквы д в отдельных случаях выходят из уровня строки, в других размещаются в строке. Буква х несоразмерна с другими буквами: почти в два раза выше и шире их.

Поскольку языковые данные грамоты № 69 требуют отнесения ее к XIII в. (см. ниже), можно констатировать (как и в применении к грамоте № 78 и некоторым другим) значительное запаздывание типов букв ѡ, ч, ж, и, н, ю в берестяных грамотах по сравнению с древнейшими рукописями, написанными чернилами, и датировать грамоту № 69 более широко — XII—XIII вв.

Заключение

На основании изучения найденных в Новгороде в 1951 и 1952 гг. 24 берестяных грамот, относящихся к XI—XV вв., можно сделать следующие выводы общего характера о письме на бересте:

1. Для письма использовалась малообработанная береста, от которой отделялись лишь наружные неровные слои. Использовались куски бересты различные по величине: обычно большего размера в ширину, чем в длину. Ширина их в отдельных случаях превышала 40 см.

Различная форма кусков и неровные края позволяют предполагать, что береста как писчий материал не заготавливалась крупными партиями и, сле-

[1] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 100.

[2] См. там же, стр. 101.

довательно, заготовка ее с этой целью не являлась ремеслом. Необходимая первичная обработка бересты для письма, очевидно, производилась каждым пишущим от случая к случаю.

2. Нанесение букв на бересту производилось путем надавливания на нее различными предметами, имеющими круглое точечное острие (типа шила) либо плоское острие с узким концом (типа ножа).

3. Для письма использовалась как внутренняя, так и наружная сторона бересты. Преобладают грамоты, написанные на внутренней стороне. Встречаются также грамоты, на которых текст наносился с обеих сторон.

4. Письмо на бересте производилось без предварительной разлиновки, по горизонтальному направлению коры.

* * *

Изучение особенностей письма берестяных грамот показало, что начертание букв посредством надавливания на бересте в основных своих чертах совпадает с написаниями тех же букв чернилами на пергамене. Это находит отражение в следующем.

1. Лица, писавшие берестяные грамоты, употребляют те же буквы, что и писцы дошедших до нас пергаменных и бумажных книг, а именно: а, б, в, г, д, є, е, к, ж, ꙁ, и, ꙇ (=і), к, л, м, н, о, ѳ, ѡ, п, р, с, т, оу, ѵ, ȣ, ф, ѳ, х, ц, ѱ, ч, ш, щ, ъ, ъı, ь, ѣ, ю, ѧ, ꙗ. Кроме того, в числовом значении встретилась буква ѕ, с головкой, повернутой вправо.

2. В берестяных грамотах не встретились начертания букв (за исключением указанного выше начертания буквы д с ножками в виде треугольничков), конфигурация которых не была бы отмечена в строчных буквах пергаменных или бумажных рукописей того же времени, написанных чернилами.

К числу начертаний, очень редко встречающихся в памятниках, написанных чернилами, относятся отмеченные выше в берестяных грамотах: «перевернутые» справа налево написания букв л[1], д (грамоты № 5, 9); ц с хвостиком, являющимся продолжением левой мачты (грамоты № 2, 25, 69)[2]; одно из своеобразных и очень редких в «чернильных» рукописях написаний — написание буквы ѵ, очень манерной, в виде недописанной буквы к (без нижней части мачты)[3]. Иные начертания букв берестяных грамот более часто

---

[1] Написание «перевернутого» л отмечено Я. Трусевичем в рукописи начала XVI в. «Сборник с отрывком о „Дмитриевом дни“» из собр. Погодина. См. Я. И. Трусевич. Указ. работа, вып. 2, л. XXVI, № 196; Е. Ф. Карским не отмечено.

В. Н. Щепкин отмечает подобные типы в Новгородских надписях граффити XI—XII вв. и указывает, что обратная последовательность частей буквы л встречается в резном письме древнейшей эпохи. См. В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti, стр. 36.

[2] Подобное написание буквы ц отмечено И. А. Шляпкиным в его работе «Русская палеография». СПб., 1913, стр. 62; Е. Ф. Карским оно не отмечено.

[3] Аналогичное начертание отмечено Я. Трусевичем только в требнике Шереметева XIV в. М. В. Щепкина указала нам на наличие таких начертаний в иконных надписях.

встречаются в рукописях, написанных чернилами, хотя и являются редкими и по-своему замечательными. Все они рассмотрены выше, в описаниях букв каждой из приведенных грамот.

В результате сопротивления бересты в ряде случаев образовались наклоны линий, не свойственные общепринятым начертаниям букв (такова, например, буква н с перекладиной, наклоненной в сторону правой мачты, или буква г, с наклонной перекладиной в грамоте № 43 IV 19; буква т с наклонной верхней горизонталью — в той же грамоте, и т. п.); замечены и иные неточные начертания (например, левая мачта буквы п — № 43 III 19, V I, заходящая ниже уровня строки). Подобные неточные начертания, естественно, нельзя рассматривать как начертания особого рода, свойственные только берестяным грамотам, хотя они и встречаются чаще всего в документах, написанных на бересте путем вдавливания линий.

Возможно, этим же объясняется особое начертание букв н, ю — с заниженной косой перекладиной — в грамоте № 53, а также угловатая головка в букве р.

3. Написаниям берестяных грамот присущи те же приемы сокращения слов и разделительные знаки, которые известны палеографии из сохранившихся пергаменных рукописей тех же веков, но применяются они менее широко и менее последовательно.

4. Можно полагать, что лицам, писавшим берестяные грамоты, было знакомо регламентированное употребление дублетных букв на письме, которое было самостоятельно выработано на русской почве в каких-то нам пока не известных школах письма. Эта рационализация письма, повидимому, имела целью облегчить чтение — помочь читателю находить начало и середину слова посредством выбора определенной буквы (оу, ѡ и о широкое в начале слова, при у, о узком — в середине).

Различение букв є и е, ꙗ и ѧ также облегчало чтение, но оно, кроме того, было связано с тем, что писцы осмысляли фонетические стороны речи и желали отразить их на письме. На это явление в применении к русским пергаменным рукописям указал В. Н. Щепкин. Он писал: «К середине 14-го века... устанавливается последовательное правописание. В начале слога (т. е. в начале слова и после гласных) пишутся только знаки є, ꙗ, оу, между тем как в середине слога пишутся только знаки е, ѧ, у. Такое правописание во второй половине 14-го века господствует, в первой половине 14-го века оно проведено только в немногих рукописях; в 13-м веке оно только еще складывается»[1].

Определенные указания на наличие такого разумно регламентированного правописания содержат и некоторые из рассмотренных выше берестяных грамот[2].

5. В подавляющем большинстве рассмотренных грамот не регламентировано употребление разделительных знаков. Так, одни грамоты совсем не

[1] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 106.

[2] Выше на эту сторону обращалось внимание в применении к каждой из грамот.

имеют разделительных точек (никакие иные разделительные знаки в грамотах не отмечены); другие грамоты имеют разделительные точки, но писцы употребляют их без определенной системы. В грамоте № 43, отчасти также в грамотах № 4, 5, 23, точками отделяется почти каждое слово. Эта черта также свойственна и древним памятникам, написанным на пергамене, в том числе каноническим. Исследований по этому вопросу нет. Можно полагать, что в некоторых памятниках разделялись точками синтагмы, в других — отдельные слова. Однако этот вопрос, необычайно интересный для русского синтаксиса, еще ждет своего исследования.

* * *

Наша задача, однако, заключается не в выяснении общего, а в том, чтобы, хотя бы предварительно, на материале 24 грамот, отметить черты различия, в большей или меньшей степени выявляющие специфику написаний берестяных грамот.

Укажем следующие черты различия.

1. Письмо берестяных грамот не осложнено всякого рода надстрочными знаками, как это имеет место, например, в письме канонических книг и других древних пергаменных рукописей.

1) В рассмотренных нами грамотах нет ни одного случая употребления надстрочных знаков ’ ‘ ″, ставящихся обычно в древнерусских рукописях над буквами (гласными и *р* в начале слова в соответствии с греческими придыханиями, над согласными в группах согласных и в других случаях)[1]. Отсюда следует, что постановка соответствующих надстрочных знаков, широко представленная в пергаменных и бумажных рукописях, в том числе и новгородских, явилась, повидимому, лишь следствием подражания византийским и старославянским образцам. В связи с этим может быть поколеблена известная точка зрения, что указанные надстрочные знаки имели определенное орфографическое значение, например, показать начало слова (что могло иметь смысл в условиях слитного написания текста). Если бы постановка надстрочных знаков в этом значении была так или иначе закреплена существовавшими в то время правилами письма (сомневаться в существовании определенных правил нет никаких оснований), это не могло бы не отразиться в написаниях берестяных грамот (ср., например, закономерность употребления дублетных букв).

2) В рассмотренных нами грамотах нет знаков ударения, нет также знака каморы (ˆ).

3) В грамотах встречаются случаи сокращения слова как с вынесением буквы над строкой, так и без нее, однако употребление титл и дужек в этих случаях редко и непоследовательно. Так, в грамоте № 69 употреблено напи-

[1] Лишь в одной грамоте (№ 41) имеется надстрочный знак: две точки над буквой ѻ в слове ѻцнстимъ. Однако это имеет отношение скорее к вопросу о дублетности букв, чем к надстрочным знакам.

сание плкъ без надстрочного знака (титла). В грамоте № 1 шестнадцать раз употреблено сокращенное слово бъ (= бѣлъ), из них лишь в одном случае выносное л заключено под дужку; в строке X это же слово написано без выноса буквы бл'ъ, причем титло над ним не стоит. В грамоте № 49, в которой употреблено сокращенно слово гдо с выносным с, употреблена дужка (ср. высказанное в связи с этим и другими обстоятельствами наше предположение о том, что грамота № 49 написана писцом-профессионалом).

4) На основании материала рассмотренных берестяных грамот можно полагать, что написание букв, обозначающих числа, было нормировано в иных пределах, чем те, на которые указывают материалы пергаменных рукописей. Буква, если она употреблена для обозначения числа, должна быть выделена с обеих сторон точками (это было в высшей степени необходимо в условиях слитного написания слов), но постановка титла сверху в берестяных грамотах не была обязательной (см. грамоту № 1).

2. Написания берестяных грамот показывают известную независимость от югославянского влияния, существенно отразившегося на графике и орфографии русских памятников конца XIV—XV в. В результате этого влияния появились написания с буквами ж, ѭ, ꙗ, ѱ и др., которые не были свойственны рукописям предшествующих веков; появилось написание ы, имеющее в левой части ь, а не ъ; появилась мена букв ъ и ь, не связанная с закончившимся к этому времени процессом падения слабых редуцированных и переходом сильных в *о*, *е* и некоторые другие особенности.

В рассмотренных берестяных грамотах, даже самых поздних, заведомо относящихся к XV в., и даже не к первой половине его, таких написаний нет.

3. Есть основания предполагать зависимость некоторых начертаний берестяных грамот от начертаний глаголической письменности[1], или, во всяком случае, известное влияние на нее со стороны глаголицы. К таким начертаниям относится прежде всего буква д, имеющая в грамотах № 78, 43, 25 и др. начертание, близкое к глаголическим «л», «д»: три треугольника, из которых верхний большего размера, а нижние повернуты основанием вверх и образуют ножки. Подобный тип написания буквы д не отмечен ни в одной из 260 пергаменных и бумажных рукописей, рассмотренных Я. Трусевичем в его работе, указанной выше. Не отмечен он и Е. Ф. Карским[2].

Высказать предположение о влиянии в этом случае глаголических написаний (которое сказывается, по крайней мере, в применении навыков, выработанных предшествующими поколениями на глаголических начертаниях)

---

[1] Полагаем, что после открытия глаголических надписей на стенах Софийского собора в Новгороде, описанных в указанной выше работе В. Н. Щепкиным, а также после открытий А. В. Арциховского, нет оснований сомневаться в существовании и сравнительно широком употреблении глаголицы в древнем Новгороде.

[2] См. Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., Изд-во АН СССР, 1928, стр. 184.

позволяет то обстоятельство, что рассматриваемое написание представляет известную трудность, по сравнению с обычным начертанием буквы **д** в кириллице (особенно если учесть специфику начертаний на бересте — сопротивление материала и т. п.).

4. Для многих из рассмотренных берестяных грамот характерно отсутствие регламентации переноса слов со строки на строку.

Подавляющему большинству русских памятников, написанных чернилами (в отличие от южнославянских), начиная с XI в., т. е. еще с периода существования только открытых слогов, свойственны переносы по слогам, в том числе переносы на **ъ, ь**.

После падения редуцированных и появления закрытых слогов у писцов осталось правило кончать строку на гласный, либо после согласного ставить буквы **ъ, ь**, хотя последние уже не обозначали гласных звуков[1]. Следствием этого явилось написание на конце строк в памятниках конца XIII—XIV в. букв **ъ, ь**, которые не только не обозначали гласных звуков, но писались даже вопреки этимологии.

Это правило, однако, не соблюдалось во многих псковских памятниках. Так, Н. М. Каринский отмечал произвольное деление слов вторым и третьим писцами Псковского Шестоднева 1374 г., писцами Палеи 1477 г., Сборников бывшей Синодальной библиотеки № $\frac{68}{270}$, $\frac{53}{255}$, 154[2].

В рассмотренных берестяных грамотах также довольно много строк оканчивается на согласный. Грамота № 1: **сєл/а** V—VI, при семи случаях на гласный (в остальных неясно)[3]; грамота № 2: **кȣн/ици** III—IV, **козєм/ȣта** V—VI, **намѣст/а** VI—VII, **ос/тровѣ** VII—VIII, **ȣ в/ѣльюта** об. I—II, т. е. пять случаев окончания строки на согласный при четырех на гласный; № 17 **н/є смиємъ** III—IV, при трех — на гласный; № 21 **п/рислать** III—IV, при двух — на гласный; № 25 **позн/алъ** II—III, при двух — на гласный; № 40 **в/нєи** I—II, **п/ридєть** IV—V, при трех — на гласный; № 43 **п/ридє** I—II, **приш/ли** II—III, при трех — на гласный. В грамотах № 4, 6, 7, 54, а также в грамоте № 46 не сохранились концы строк, поэтому судить о том, на какую букву оканчивались эти строки, нельзя; в грамоте № 3 — одна на гласный, другие — неясны. В остальных рассмотренных нами грамотах строки оканчиваются на гласный либо на буквы **ъ, ь**: в грамоте № 5 — 6 строк, № 8 — 2 строки,

---

[1] В 80-х годах XIX в. на это явление обратил внимание И. В. Ягич, который писал: «Наконец, я обращал внимание на палеографический прием древних памятников, по которому, прерывая слово и перенося часть его в следующую строку, любили в конце предыдущей строки после согласной ставить еще ъ и ь. Многие примеры так называемого второго полногласия обязаны своим существованием именно этой случайности». См. «Критические заметки по истории русского языка». СПб., 1889, стр. 23, Примечание.

[2] См. Н. М. Каринский. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. Журнал МНПр, 1916, февраль, стр. 205.

[3] Конечные строки грамот при подсчете не учитываются.

№ 9 — 5 строк, № 23 — 8 строк, № 24 — 1 строка, № 27 — 2 строки, № 41 — 1 строка, № 49 — 2 строки, № 53 — 6 строк, № 69 — 6 строк, № 78 — 2 строки.

Таким образом, отмечено 12 случаев окончания строки на согласный в шести грамотах при 17 случаях окончания на гласный в тех же шести грамотах (ср. в Галичском евангелии 1357 г., четыре писца которого соблюдали правило — кончать строку на гласный: примерно из 20 000 строк лишь 31 кончается на согласный).

5. Среди рассмотренных грамот нельзя указать ни одной, в отношении которой можно было бы определенно сказать, что она написана новым стильным почерком[1], сложившимся к концу XIII в., в котором вследствие сокращения верхов, подъема перекладин и набухания петель сигнальные линии у значительного количества букв сосредоточивались вверху. В. Н. Щепкин писал: «. . . новообразования 13-го века в течение 14-го достигают более полной типичности: верхи многих букв сокращаются существенно. . . Набухшие петли, округлые и ломанные, еще более поднимаются вверх, что особенно заметно на буквах ъ, ы, ь. У знаков и, н, к, ю господствуют варианты с перекладиной косой, но высокой и отлогой, т. е. такой, которая лежит в верхней трети букв»[2].

Ни в одной из рассмотренных грамот нет этой полной типичности. Прежде всего, как правило, перекладины в буквах и, н не поднимаются вверх в сколько-нибудь значительной степени. Колебания в направлении перекладин наблюдаются, но они не имеют определенной системы. Как правило, буквы и, н не имеют высоких перекладин даже в грамотах XV в. В буквах к, ю высокая перекладина отмечена. Однако невозможно установить ряд грамот, написания которых представляли бы процесс эволюции (это не значит, однако, что таких грамот не было, — возможно, что они еще будут найдены и изучены). В рассмотренных 24 грамотах перекладины букв к, ꙗ либо расположены, как в древности, посередине (горизонтальные), либо представляют совершенно новые образцы (тоже горизонтальные, но расположенные в самой верхней части, — см. грамоту № 17), либо они совершенно косые и соединяют середину мачты с самой верхней точкой овала (см. грамоту № 49), но не стильные (язычок в букве к при этом горизонтален).

Таким образом, направление перекладин в буквах и, н, к, ю, ꙗ в рассмотренных берестяных грамотах, как правило, не отражает эволюции почерков, как это имеет место в почерках рукописей, написанных чернилами[3].

---

[1] Завышенные петли, как черта стильного почерка, отмечены только в одной из рассматриваемых грамот — в грамоте № 3.

[2] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 105.

[3] На основании материала грамот из раскопок 1951 г. М. В. Щепкина, в своей рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте», об этой особенности начертаний берестяных грамот пишет следующее: «. . . в силу того, что письмо здесь более самостоятельное, типы его несколько запаздывают. Материал и приемы письма также способствуют этому: желание дать четкие знаки порою несколько обезличивает начертания; они должны быть определенны и выразительны, а потому писцы продолжают

6. Палеографами хорошо изучена эволюция начертаний букв, ч, ѣ, ѡ, ж на материале памятников XI—XV вв., написанных чернилами. Это позволяет довольно точно датировать те из них, время написания которых неизвестно.

Направление изменения начертаний соответствующих букв в берестяных грамотах аналогично изменениям их в памятниках, написанных чернилами.

Буква ч в рассматриваемых грамотах почти не употребляется, что вызвано определенными фонетическими явлениями языка писцов (см. раздел «Фонетика»), поэтому об эволюции начертания буквы ч в берестяных грамотах говорить затруднительно. Буква ч отмечена лишь в четырех древнейших грамотах (№ 9 — III 28; № 8 — I 17, 21, II 26; № 7 — I 3, II 15; № 69 III 21 — в слове чадь) и в сравнительно поздней грамоте (№ 3 II 10). В остальных грамотах отмечена только буква ц или ц «перевернутое». Во всех случаях буква ч симметрична; в грамотах № 8 и 9 она представлена в виде округлой глубокой чаши с загнутыми краями (особенно в грамоте № 8).

В грамотах № 7 и 69 чаша мелкая, на высокой подставе; в грамоте № 3 буква ч позднего очертания, в виде конической чаши на сравнительно короткой подставе.

Буква ж встречается редко и далеко не во всех грамотах (№ 1 — XII 4,7; № 2 — VII 8; № 3 — III 51; № 4 — V 7; № 8 — II 22; № 9 — I 20, III 8, IV 3, 22; № 17 — IV 14; № 23 — III 15, 19, V 19; № 25 — I 21, II 1, IV 10; № 43 — III 15; № 46 — I 3; № 49 — II 8; № 53 — II 15; № 69 — III 11, VII 4; № 78 III 1). Среди начерков буквы ж не встретилось ни одной древнейшей формы в три взмаха: вертикальная мачта, дуга вверху, дуга внизу, или звездообразного: вертикальная мачта и две перекрещивающиеся диагонали.

Эволюция в начертаниях букв ж, ѡ, ѣ в берестяных грамотах аналогична эволюции их в памятниках, написанных чернилами. Выше, при датировке берестяных грамот, мы в значительной мере опирались на них. Однако, пока нет датированных берестяных грамот, нельзя указать хронологических рамок тех или иных изменений в начертании этих букв в берестяных грамотах и, тем более, нельзя точно установить, совпадают ли эти изменения по времени с теми изменениями в начертании букв, которые имели место в памятниках, написанных чернилами.

7. Как характерную особенность берестяных грамот следует отметить предпочтение букв р, ц, щ, д, полностью умещающихся в строке. Такие начертания свойственны лишь самым древнейшим памятникам, написанным чернилами. В берестяных грамотах они сохраняются довольно долго.

употреблять архаичные типы букв, как, например, древнее „н“ с диагональю сверху до низу; древнее „и“ с прямой перекладиной посередине, так как они обеспечивают четкость письма. Поэтому мы не встречаем в данных грамотах типичных для пергаменных рукописей XIV в. начертаний с поднятыми перекладинами и сокращенными верхушками букв. Эта вынужденная архаичность типов создает четкое, но обезличенное, бесстильное письмо и, при отсутствии других показателей древности, затрудняет временами определение века». См. указ. выше рецензию, стр. 159—160.

8. В рассмотренных грамотах ни разу не встретилось є якорное, как бы лежащее в строке, широко распространенное в чернильных памятниках XIV в.

В текстах не встретились также буквы ижица, пси, кси. Буква ѕ употреблена однажды и притом в числовом значении. Головка ее обращена вправо. Буква ꙑ во всех случаях имеет в левой части ъ. Буква ꙇ (= і) имеет ограниченное употребление: часто она писалась в союзе и (см., например, грамоту № 1) и иногда в соседстве с другими гласными. Как правило, она писалась с небольшим перечеркиванием посередине или несколько выше середины.

Наибольшее число вариантов в написаниях отмечено для букв а, к, ꙁ и даже р (если учесть простоту начертаний буквы р). Определить хронологически эти варианты пока не удалось. Повидимому, типы начертания буквы к на бересте были менее устойчивы, чем в написаниях на пергамене. Колебания эти находят соответствия и в Новгородских граффити[1].

9. Выше указывалось, что по своей конфигурации буквы берестяных грамот не отличаются от соответствующих букв, употреблявшихся в памятниках, написанных чернилами. Однако можно отметить особые приемы начертаний некоторых букв в отдельных берестяных грамотах, повидимому, обусловленные спецификой письма на бересте. К их числу относятся следующие[2]:

1) начертание буквы а в два приема, когда спинка ее представляет собой уголок, подобный современному рукописному *г* или арабской цифре 1, наклоненной влево;

2) начертание буквы в в два приема: 1) мачта и 2) зигзаг, образующий петли, подобные угловатой цифре 3, с верхней и нижней линиями, расположенными параллельно;

3) начертание буквы ꙁ с почти горизонтальным хвостом, который в своей средней точке соприкасается с наклонной линией головки;

4) начертание буквы к, при котором нижняя часть колена соединяется с мачтой и затем сама образует сильно изогнутое колено, при этом верхняя часть представляет собой небольшую наклонную линию и смыкается не с мачтой, а с нижним коленом.

В заключение следует подчеркнуть значительность уже самого факта нахождения древних берестяных грамот разнообразного бытового содержания, показавшего, что грамотность среди широких слоев городского населения древней Руси была значительно распространена и что она отнюдь не являлась привилегией только круга лиц, связанных с отправлением религиозного культа и принадлежащих к имущим классам.

Изучение палеографии берестяных грамот показывает самостоятельность развития русского письма и независимость его от византийских и поздних югославянских образцов.

---

[1] См. В. Н. Щепкин. Новгородские надписи Graffiti, стр. 35.

[2] Вследствие того, что приемы начертания отдельных букв в чернильном письме недостаточно изучены, этот пункт имеет до некоторой степени условный характер.

Р. И. АВАНЕСОВ

ФОНЕТИКА

1

Известные нам берестяные грамоты в целом дают небольшой объем текста. Если учесть при этом, с одной стороны, что для историка языка обычно требуется массовый материал и, с другой стороны, что мы уже давно обладаем весьма значительными по объему текстами новгородских памятников (пергаменных и бумажных), то не будет удивительным, что лингвистическое исследование берестяных грамот мало дает принципиально нового для исторической фонетики русского языка.

Считаем нужным сделать еще одно замечание, предваряющее изложение наблюдений над отражением фонетических явлений в берестяных грамотах.

Известно, что единственным путем исследования древнего письменного памятника с фонетической точки зрения является путь от изучения графики (написаний) к орфографии (к системе правил употребления этих написаний) и от орфографии как системы — к отклонениям от нее при постоянном критическом сопоставлении всего этого графического в широком смысле, т. е. писанно-зрительного, материала с данными живого языка или живых родственных языков позднейшей (обычно современной) эпохи. Известно также, что наибольшее значение для исторической фонетики имеют отступления от исторически более или менее четко установившихся правил правописания. Наконец, известно, что описки (т. е. фонетически не могущие быть обоснованными пропуски букв и целых сочетаний, перестановки букв, повторения букв и сочетаний и т. д.), имеющие определенные психологические предпосылки, не отражают фактов языка и не используются историком языка.

Следует иметь в виду, что источником описок может являться не только невнимательность, небрежность, торопливость и другие психологические причины, но также и неполное овладение графикой, т. е. навыками употребления каждой из букв алфавита в определенном свойственном ей основном звуковом значении. При этом неполное владение графикой может резко

повысить число таких явлений в написаниях, которые имеют характер описок и тем самым лишены языкового значения. Такой характер письма можно предполагать для авторов многих берестяных грамот — не профессионалов-писцов, не слишком часто обращающихся к письму и не слишком много пишущих.

В применении к современному состоянию орфографии с ее четко установившимися нормами следовало бы различать: 1) орфографически правильное письмо, т. е. соответствующее исторически выработавшимся нормам правописания; 2) малограмотное письмо, при котором пишущий, как правило, полностью владеет графикой, но не владеет орфографией; 3) «остро малограмотное», иначе неграмотное, письмо, при котором пишущий не владеет не только орфографическими правилами, но также и графикой — не дописывает слова, пропускает буквы, пишет по каким-либо причинам (частью языковым и потому представляющим известный интерес для лингвиста) одни буквы вместо других и т. д. Известно, что для фонетического изучения наибольший интерес представляет малограмотное письмо, обычно характеризующееся невыдержанностью орфографии.

В применении к древности, в частности — к русскому письму XIII—XV вв., когда не было вполне установившихся единых орфографических норм и когда в то же время сильны были областные тенденции в развитии общества, способствовавшие отражению на письме местных особенностей речи, всякое письмо с точки зрения его ценности как источника для фонетического изучения в той или иной степени может быть приравнено к современному малограмотному письму. Из-под пера писца-профессионала обычно не выходили документы, написания которых можно было бы охарактеризовать как орфографически безупречные (опять-таки с современной точки зрения), ибо в то время не было вполне четко установившейся орфографии. С другой стороны, писец-профессионал обычно не выпускал и продукции, которую можно было бы назвать с современной точки зрения «остро малограмотной» или неграмотной. Иное дело — берестяные грамоты, которые в известной своей части указывают на такой именно характер письма, и это вполне естественно, если учесть социальный круг их авторов, характер написанных ими документов, их материал, способ написания и т. д.

Конечно, и «остро малограмотное» или неграмотное письмо может дать много для изучения памятника с точки зрения фонетики, но следует иметь в виду, что такое письмо вместе с тем значительно повышает процент описок, который не может быть фонетически интерпретирован. Таким образом, при изучении «остро малограмотного» письма приобретает особенно важное значение необходимость отличать описки, которые не могут быть фонетически интерпретированы, от орфографических «ошибок», т. е. написаний, идущих вразрез с намечающейся орфографической традицией и свидетельствующих о тех или иных особенностях фонетической системы и произношения. Между тем отличить те и другие написания при «остро малограмотном» письме оказывается делом не всегда легким, так как некоторые из описок при таком

письме внешне не отличаются от «ошибок» более квалифицированного писца, вполне владеющего нормами графики.

Однако берестяные грамоты имеют для историка русского языка огромное преимущество перед любым другим источником в том отношении, что в них исключительно ярко отражается народная речь во всей ее безыскусственности, еще не подвергшаяся сколько-нибудь серьезной литературной обработке, мало испытавшая влияние литературной традиции и в значительной мере свободная от языковых штампов, определяющихся тем или иным жанром. Таким образом, одна из труднейших проблем, возникающих обычно перед историком русского языка, при изучении письменного памятника прошлого — отделение традиционных книжно-литературных элементов от особенностей общенародного живого разговорного языка — здесь стоит совершенно в ином плане и значительно менее остро. Без преувеличения можно сказать, что почти каждая фраза и каждое слово в берестяных грамотах представляют исключительную ценность для исследователя истории русского общенародного языка.

2

При решении вопроса о принадлежности древнерусского письменного памятника к XI—XIII вв. едва ли не решающим материалом в области исторической фонетики является отражение в нем судьбы редуцированных. С этой точки зрения среди изданных берестяных грамот наиболее древней является грамота № 9 (от Гостяты к Василию). Это единственная грамота, в которой сохранены слабые редуцированные, отсутствуют **о** и **є** на месте сильных редуцированных и нет написаний с **ь** вместо **ъ** и **ъ** вместо **ь**. Приведем материал: **къ васильки, отьць, даꙗлъ, съдаꙗли, ꙁа нимь, мънѣ, въдасть, ничь|то, иꙁбивъ, поустилъ, поꙗлъ, сътворꙗ.**

Поэтому, с точки зрения данных исторической фонетики, приходится возражать против чтения **и ꙁби въ роукы** и сопоставления приставочной формы **ꙁби** с **събить**[1], так как при сохранении редуцированных не было предпосылок для ассимилятивного озвончения [с] — скорее здесь следует видеть образование с приставкой **иꙁ**[2].

В одном случае находим этимологически неоправданное **ь** вместо ожидаемого **є** в падежной флексии: **къ васильки.** Не отражает ли это написание основу им. п. ед. ч. **василь** и не является ли оно результатом нетвердости автора в навыках письма?

Эта грамота может быть с достаточным основанием отнесена к XII в. и даже, возможно, к его первой половине.

[1] См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 41—42.

[2] На это указал уже В. И. Борковский. См. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 134.

Другая грамота (№ 69), относимая А. В. Арциховским к числу древнейших — к XII в.[1], по языковым признакам является заметно более поздней. Материала по редуцированным эта грамота дает сравнительно немного.

Написания **съ яковьцемь** и **с григоремь** в этой грамоте (с буквой **е** на месте сильного **ь**) свидетельствуют об изменении [ь] в сильном положении в гласный полного образования. Написание **тереньтея** с **ь** между **н** и **т** может быть отнесено как к раннему периоду (и тогда означает наличие гласного элемента между [н] и [т], появляющегося в заимствованных словах), так и к позднему периоду (и тогда означает ассимилятивное смягчение [н] перед мягким [т]). Случаи **къ михалю, пришьли, лошакъ, съ яковьцемь, поедуть, чадь, григоремь, лакъ** заключают в себе этимологически правильные написания слабых редуцированных; то же — на конце слова **здоровъ.** Однако в этой грамоте обращают на себя внимание написания **здоровъ** (с сочетанием **зд**) и **с григоремь.** Известно, что слабые **ъ** и **ь** в начальном слоге слова, не чередующиеся с сильными редуцированными, утратились раньше, чем в других положениях (ср. написания **кто, князь, книга, многъ** и др. уже в древнейших памятниках). Возможно, это слово рано утратило морфологическую членимость и свою внутреннюю форму (чем, между прочим, и объясняется укрепление написания его с сочетанием [зд] в современном русском правописании) и в связи с этим оно может быть отнесено к словам вроде выше приведенных. Однако в случае **здоровъ** мы находим не только пропуск **ъ**, но и свидетельство об озвончении [с], что скорее всего указывает уже на XIII в. На поздний характер правописания указывает также написание предлога **с** без **ъ** перед сочетанием **гр: с григоремь.** Буква **ъ** в предлогах перед исконным сочетанием согласных последовательно писалась не только до падения редуцированных, но и значительное время спустя. При этом перед рядом сочетаний за этой буквой (в эпоху после падения редуцированных) скрывался гласный [о], который позднее и стал писаться (ср. **со двора** в грамоте № 4, относимой издателями к XIV в.). Во всяком случае, анализируемое написание не может быть отнесено к древнейшей поре. Если его отнести к XIII в., то оно будет в числе ранних примеров соответствующего фонетико-орфографического явления.

В грамоте № 69 имеется случай, в котором можно видеть написания **ъ** вместо **ь.** Слово **яковьцемь** (чтение Л. П. Жуковской) В. А. Арциховский и М. Н. Тихомиров читают с **ъ: яковьцемъ.** Ввиду неясности написания и единичности случая было бы неосторожным принять этот факт за указание на отвердение губных на конце слова после падения **ь.** Сочетание **пришьли ть** В. А. Арциховский и М. Н. Тихомиров читают как **пришьлить** (т. е. «пришлите»). Но возможна ли в данном случае форма множественного числа? Не вернее ли будет читать **пришьли ть** (т. е. **тъ**—тот, определенный, о котором раньше была речь) **лошакъ?** В этом случае здесь буква **ь** стоит вместо **ъ.**

---

[1] См. А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде, стр. 118.

Другие грамоты, относимые издателями к XII в., а именно грамоты № 7 и 8, слишком мало дают языкового материала, чтобы на основании его анализа высказаться сколько-нибудь определенно о времени его написания. В грамоте № 7 отметим форму **осмь**, не развившую еще гласного элемента между [с] и конечным [м'] после падения редуцированных на конце слова и указывающую во всяком случае на достаточно древнюю эпоху — до развития гласного элемента в конечном сочетании согласных. Неясно чтение **вьвороко**-, а потому и затруднительно фонетическое комментирование буквы **о** после **в** в написаниях грамоты. Издатели грамот предполагают здесь форму **вевъроковъ**[1]. Возможно, что это и так, но тогда с фонетической точки зрения совершенно непонятным останется наличие буквы **ъ** между **в** и **р**, так как при продолжении слова сочетание **бр** отойдет к следующему слогу и не окажется условий для этимологически неоправданного гласного, развивающегося в условиях наличия добавочной слоговости. Может быть, следовало бы читать **шесть вьворо**, а сочетание **ко** отнести к другому слову? В этом случае букву **о** после **р** следует считать «пустым» знаком, не обозначающим гласного (подобные написания широко известны в новгородских памятниках XIII—XIV вв., в том числе в берестяных грамотах — см. ниже), а предыдущую букву **о** (между **в** и **р**) — знаком гласного **о**, развившегося в сочетании **вр** на конце слова после падения редуцированных. Однако и в этом случае остаются неясные моменты: между согласными конечного сочетания [бр] в русском языке обычно развивается гласный нелабиализованный и передний, а не лабиализованный и задний (т. е. типа [е], а не [о]). При этом появившееся таким образом [е] затем, в соответствии с общими законами развития фонетической системы русского языка, может в определенных условиях измениться в [о], оставляя впереди себя мягкость предшествующего согласного; ср. русск. *бобёр*, народное и просторечное *добёр* и т. д. Поэтому при фонетической интерпретации [о] между [б] и [р] в анализируемом слове следует считать, что мягкость [б] осталась неотмеченной (как, например, в написании **нобо** [=н'обо] (в грамоте-надписи № 10).

Наконец, если считать, что эта грамота написана лицом, не овладевшим нормами графики, то можно бы было не придавать фонетического значения букве **о** между **в** и **р** (о букве **о** после **к** не приходится говорить ввиду неясности формы). О невладении нормами графики свидетельствуют и некоторые другие написания: **сорокь** (чтение А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова) или **сорокє** (чтение Л. П. Жуковской); буква **ь** после **к** в начале II строки: **кьно** (в чтении Л. П. Жуковской: **кьно**).

Начало IV строки (**ко осмь**) в том случае, если здесь гласный [о] развился на месте слабого [ъ] перед [о] следующего слога (и слова), можно считать отражающим фонетическую закономерность, появившуюся еще до падения редуцированных и сохраняющуюся в XIII—XIV вв.: изменение

[1] См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 37.

слабого [ъ] в [о] перед гласным [о] следующего слога (и слова) и его сохранение в течение определенного времени после падения редуцированных.

Буква **ь** в **бьвороко** соответствует одной из этимологических форм этого слова. Ср. ст.-слав. **бьбръ**. Однако русск. *бобръ*, укр. *бiбр—бобра*, польск. и чешск. *bobr* указывают на наличие также формы с [о], объясняющейся чередованием [е || о || ь]. Соответствует ли буква **ь** в грамоте этимологическому [ь] или [е] — определить в свете сказанного выше нельзя. Предшествующий анализ делает наиболее вероятным отнесение грамоты № 7 к XIII в.

Еще беднее данными грамота № 8. Если не касаться случая употребления **ъ** и **ь** в словах неясных или не поддающихся чтению (например, **осьмн8н-** или **вьзн**), то можно отметить лишь один случай этимологически правильного употребления буквы **ь** на месте слабого [ь]: **гривьнь** (в чтении Л. П. Жуковской: **гривьнѣ**). Что касается буквы **ь** на конце слов **коровь** и **гривьнь**, то их можно оставить без внимания, так как в обоих случаях возможно, что тут налицо не буква **ь** — по мнению Л. П. Жуковской, в первом случае здесь может быть буква **ъ**, а во втором случае, кроме того, возможно **ѣ**. Если же здесь были бы буквы **ь**, то они свидетельствовали бы лишь о невладении писцом нормами графики (подобные написания имеются и в других грамотах)[1].

Трудно сколько-нибудь определенно высказаться о времени написания этой грамоты ввиду скудости материала по редуцированным. Наличие написания **молови** (о нем см. ниже) дает повод предполагать здесь скорее всего XIII в.

Наконец, к числу более древних грамот, найденных в культурном слое XII в., относят и грамоту № 78[2]. В ней несколько больше материала, чем в только что разобранных грамотах № 7 и 8. Но и на основании этого материала едва ли можно отнести грамоту к XII в. Мы находим в ней следующие написания: **въѕеми**, **гривъноу**, **псании**, **хомоуть**. Пропуск **ь** в слове **псании** можно принять за свидетельство об утрате слабых редуцированных. Написание **гривъноу** с буквой **ъ** вместо **ь** трудно интерпретировать, так как в грамоте имеются свидетельства о графической мене **ъ** и **ь** (ср. написание **хомоуть**, где, впрочем, ввиду обрыва бересты, очертания буквы **ь** полностью не сохранились).

Об утрате редуцированных свидетельствует также написание **въѕеми** с буквой **є** на месте слабого [ь]. Можно думать, что так же объясняется написание **є** в слове **оголовє**: здесь, видимо, вин. п. ед. ч. — **оголовь** (ср. **коже**

---

[1] Неясное **вьзн** не является ли недописанной формой **вьзнми** (вместо **възьми**): **вързнми три гривьнѣ**? Ведь недописывание является характерной чертой небрежного и неграмотного письма. Букву **ь** надо читать, возможно, за **ъ** (см. статью Л. П. Жуковской) или принять как единственный знак на месте слабых [ъ] и [ь] Буква **и** объясняется связью с **имати**, **иму** (ср. в грамоте № 78 написание **въземи** с буквой **є**, этимологически также не оправданной, как и в предполагаемом нами написании **вьзнми**).

[2] См. А. В. Арциховский. Указ. работа, стр. 118.

хомоуть оголовє и попоноу). Написание **оголовє** вместо «оголовье» невозможно себе представить появившимся на фонетической почве не только для XII в., но и для последующего времени: изменение сочетания «согласный + *j*» в долгий согласный (с возможной последующей утратой долготы) имеется лишь в немногих русских говорах (к тому же не при сочетании губного с [*j*]) и возникло в позднее время. Поэтому, если написание **оголовє** соответствует форме «оголовье», то его можно толковать только как описку в широком смысле слова или как написание, которое выше было охарактеризовано в качестве «неграмотного».

Наконец, написание **въицина**[1] с **ъ** вместо **о** свидетельствует об эпохе после изменения сильных редуцированных в [о], [е], т. е. вполне согласуется с разобранными выше написаниями, отражающими падение слабых редуцированных, поскольку оба эти явления взаимосвязаны и представляют собою разные стороны процесса утраты [ъ] и [ь] как особых фонем. Предыдущий анализ делает наиболее вероятным отнесение грамоты к XIII в.

Грамоту № 6 и сами издатели относят к XIII в. Для редуцированных в ней есть лишь один пример — **поклоно ѿ**, который не противоречит такой датировке. Эта орфографическая манера — написание буквы **о** на месте слабого [ъ] перед [о] следующего слова — сохраняется и в XV в.; ср. в грамотах № 23 и 27 **поклоно ѿ**.

Наряду с этой орфографической особенностью в поздних грамотах широко употребляется (встречаемая в отдельных случаях в выше проанализированных ранних грамотах) буква **о** на месте [ъ] на конце слова. См. в грамоте № 2, которую издатели датируют концом XIV — началом XV в.: **игꙋгморо, вѣлью-товъıхо, воликомо островѣ**; в грамоте № 23 (XV в.): **съ гафанкомо**; в грамоте № 27 (XV в.): **мꙁо написаво**. В свете этих последних написаний и букву **о** на месте **ъ** в написании **ко ксифу** в той же грамоте можно считать лишенной звукового значения. Так же, вероятно, надо отнестись к единственному для редуцированных случаю в грамоте № 43: **ко ностасии**.

По отношению к употреблению букв **ъ** и **ь** интересна грамота № 23. В ней мы находим букву **ь** вместо **є** — **ѡсподинь** (зват. форма, строка V; та же форма в строках II—III, по свидетельству Л. П. Жуковской, может читаться как с **ь**, так и с **є**), **с ольксои, ньмного, цьтвьрти, пантьликь**. В одном случае встречаем букву **ь** на месте **ѣ** в заударном слоге: **видьль**.

Следует отметить особо также наличие на конце слова буквы **ь** вместо буквы **ъ**: **пантьликь, самь**. В свете этих данных написание **видьль** с буквой **ь** в грамоте № 23 может свидетельствовать как о форме *видѣле*, так и о форме *видѣл*.

---

[1] А. В. Арциховский (см. «Вопросы истории», 1952, № 1, стр. 118) производит притяжательное прилагательное **въицина** (**въицина шурина**) от имени *Воица*, которое, прибавляет он, «в древней Руси неизвестно». Но прилагательное «войцын», если учесть законы чередования согласных, может представлять собою регулярное образование от основы на [к]: ***воика-воицинъ;*** ср. фамилию «Войковъ», происшедшую, видимо, от *Воико* (или *Воикъ*?).

Не может быть сомнения в чисто графическом характере разобранных написаний с буквой **о** на месте **ъ** и буквой **ь** на месте **е**, не говоря о написаниях с буквой **ь** на конце слова вместо **ъ** на месте слабого [ъ]. Однако самое наличие такой мены в памятнике XIV—XV вв. говорит, видимо, о поздней утрате редуцированных в новгородском диалекте, что вполне согласуется с ранее принятыми данными истории русского языка.

Наряду с приведенными случаями мены букв (**ъ** и **о**, **ь** и **е**), отметим, что грамота № 4 (XIV в.) дает написания, свидетельствующие об утрате слабых редуцированных и развитии сильных редуцированных в гласные полного образования: ср. **вꙁявъ**, **воꙁми**, **цто.** Любопытно показание той же грамоты, что уже в XIV в. устанавливается произношение [о] на месте слабого [ъ] в предлоге перед определенными группами согласных: **со двора.** В написании **ко цертоу** букву **о** на месте **ъ**, видимо, следует считать лишенной звукового значения.

3

Весьма интересны представленные в новгородских берестяных грамотах отдельные случаи на сочетания плавных с последующими согласными между гласными. В грамоте № 8 мы находим написание **молови**, где буква **о** после **л** решительно не дает возможности отнести ее к XII в. Такое написание оказалось возможным только после падения редуцированных и притом не на основе прямых фонетических данных, так как сочетание редуцированного с плавным здесь находим перед слогом с гласным полного образования. Следовательно, буква **о** в этом случае лишена звукового значения. Это написание скорее всего объясняется недостаточными графическими навыками писца, в связи с чем он допускает как употребление буквы **ъ** в значении [о], так и употребление буквы **о** в значении нуля звука.

Любопытно, что в более поздней грамоте (№ 5), датируемой В. А. Арциховским и М. Н. Тихомировым первой половиной XIV в., этот корень пишется без буквы **о** после **л**: **мо/лви.** То же находим в грамоте № 3, относимой теми же учеными к XIV в., если принять их чтение **молв-** (береста обрывается, причем от последней буквы сохранился только низ, не дающий по своему начертанию, сравнительно с начертанием буквы **к** в ряде других случаев, уверенности в том, что перед нами действительно буква **в**).

Выше на основе анализа судьбы редуцированных было отмечено, что грамота № 69 не может быть отнесена к XII в. Этот вывод ярко подтверждается и материалом по сочетанию редуцированного с плавным между согласными. В грамоте имеется два примера таких сочетаний. Написание одного из них **плкъ** ничего не может дать для исторической фонетики: оно не соответствует ни древнейшему звуковому виду сочетания, ни его более позднему произношению в русском языке, а представляет собой сокращенное написание или объясняется тем, что писавший эту грамоту не владел в должной мере нормами графики. Зато другой случай — **ꙁамерьꙁьли** — чрезвычайно интересен

для исторической фонетики, так как он указывает не только на изменение [ь] в [е] в данном сочетании, но также и на мягкость **р** (надо полагать, что здесь [р'] произносился и до падения редуцированного) и, что особенно интересно, на ассимилятивную мягкость следующего согласного [з'], показанную буквой **ь**. Все это и заставило нас отнести грамоту № 69 к XIII в.

В грамоте № 23, относимой А. В. Арциховским к XV в., находим написания **цьтвьрти**, а также **на пустопьржи** (в топонимическом названии). В этой грамоте, как отмечено выше, буква **ь** во многих случаях стоит на месте этимологического [е] (см. то же после **ч** в первом из приведенных слов). Поэтому букву **ь** на месте этимологического [е] следует считать знаком для звука [е].

Однако не только в слове **цьтвьрти** (после **в**), но, повидимому, и в слове **на пустопьржи** мы имеем дело с этимологическим [ь]. В. И. Борковский уже указал на то, что название **пустопержа** встречается в новгородских писцовых книгах конца XV в.[1]. Этимология топонимических названий — весьма своеобразная и специфическая область языкознания. Не подлежит сомнению членение нашего названия на две части. Первая из них, возможно, представляет основу прилагательного, но не исключено и предположение о наличии в ней финской основы, подвергшейся «народной этимологии», так как топонимические названия финского происхождения на нашем севере обычны. Что же касается второй части, то следует предположить в ней тот же корень, что и в слове *порог* (*porg-), но с иным гласным, объясняемым законами чередования, а именно — со ступенью редукции. Иными словами, не восходит ли **пьрж-** (*перж-*) к *pьrg-? Это предположение можно считать вероятным, если иметь в виду наличие на нашем севере и северо-западе топонимических названий как с корнем, восходящим к *porg- (например, *Подпорожье*), так и с элементом *пуст-* в сложном названии (например, *Пустозерск*, *Пусторецк*). См. в «Книге большого чертежу» (на стр. 161): *город Пусто озеро*, *озеро Пусто*, *на Пусте озере*. Ср. также название населенного пункта *Пустая Губа* на Колвицком озере (Кольский полуостров), *Пустая Рисова* (к северу от верховьев р. Великой). Особенно любопытно название **порогопустьць**, встретившееся в Уставе Святослава Ольговича 1137 г. (по А. М. Насонову, *Порогопустец* находился в районе позднейшей деревни *Порог* на правом берегу р. Онеги, недалеко от г. Онеги), так как это название состоит из тех же двух элементов («порог» и «пуст»), которые можно предположить для образования формы *Пустопържа*, но в ином порядке и в другом звуковом виде одного из них.

4

Данные о ѣ новгородских берестяных грамот, как и других новгородских памятников, свидетельствуют о различении [ě] как особой фонемы и об изменении [ě] в [i] перед мягкими согласными в более поздний период (по дан-

[1] См. В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 124.

ным берестяных грамот в XV в.). При этом нет заметных указаний на различия в судьбе этимологического [ě] в ударенном и безударных слогах. Подобные различия, характерные в той или иной степени для современных северновеликорусских говоров, в прошлом могли отсутствовать.

Не во всех грамотах встречается буква ѣ, а там, где встречается, она обычно употреблена в немногих случаях. Поэтому сколько-нибудь полной картины качества соответствующей фонемы, ее места в системе вокализма и ее произношения в разных фонетических условиях на основе имевшихся в нашем распоряжении берестяных грамот восстановлено быть не может.

Грамота № 9 (относящаяся, по нашему мнению, к XII в.) дает следующие случаи правильного написания ѣ: **нынѣ, мънѣ, добрѣ**, при написании буквы **є** вместо ѣ в одном случае: **доєди**. Отметим, что написание **єдєши** имеется в грамоте № 8, написание **поєдуть** в грамоте № 69 (в обеих названных грамотах другие случаи на этимологическое [ě] отсутствуют). Несмотря на скудость приведенного материала, случаи с буквой **є** вместо ѣ в корне **ѣд-** нельзя считать случайными: они отражают, видимо, процесс изменения звукового качества [ě] в начале слова и после гласных, в отличие от того же звука в положении после согласных. Результат этого процесса известен диалектологам по его отражению в некоторых северновеликорусских говорах. Так, например, в тотемском говоре[1], в части говоров Поветлужья[2] и в некоторых других северновеликорусских говорах произносится [jéхал], [jéду], [појéдут], а также [jec] ([=jecт]), [jeм] при [л'ето], [c'êно] и т. д. Возможно, что процесс этот заключался в приобретении звуком [ě] более широкого образования с выделением перед собой элемента [i̯] в отличие от положения после мягкого согласного, для которого более обычно произношение [ě] как [ê]. Любопытно, что по данным грамоты № 9 этимологическое [ě] в начале слова или после гласных не отождествляется с этимологическим [e] в сочетании [je] в том же положении; ср. написания **доєди**, но **ѥже**. Правда, два эти написания — единственные в грамоте, но думается, что употребление букв **є** и **ѥ** в них едва ли объясняется простой случайностью.

Приведем данные грамот, относимых к XIV в.: **къ матѳѣю, грамотѣ** в гр. № 5; в гр. № 4 — **ѿ микитѣ, на городищѣ, оувѣдалсѧ, сапоꙁѣ**, но рядом написание **желеꙁного**, которое, однако, не может быть принято за указание на неразличение [ě] (об этом см. ниже); **ѿвѣчалъ, сѣдишь на беꙁатьщинѣ** № 3. В грамоте № 3 встретилась форма **ѿ грикши**, в которой буква **и**, видимо, отражает не развитие этимологического [ě], а окончание **и**, появившееся в результате взаимодействия с твердой разновидностью того же склонения. Другие грамоты, относимые к XIV в., дают следующий материал: **во потклѣтѣ**

---

[1] См. О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник Отд. русск. языка и словесности Академии наук, т. 83, 1907.

[2] По наблюдениям автора.

в гр. № 40 (по Л. П. Жуковской конца XIV—начала XV в.); конечное **ѣ** в этой форме надо считать появившимся также в результате взаимодействия с твердой разновидностью основ на *-а;* **цоловѣкъ, на жерепцѣ, ȥдѣсе, дѣлъ, сороцицѣ** в гр. № 43. Среди приведенных примеров следует отметить форму **на жерепцѣ**, где **ѣ** появилось в результате взаимодействия с твердой разновидностью того же склонения, и слово **ȥдѣсе** с буквой **ѣ** по русским (великорусским) нормам в соответствии с [е] в украинском (ср. обычное [з'д'ис'] в северновеликорусских говорах, знающих изменение [ê] в [и] между мягкими согласными); **невѣжа** № 46; **к животѣ, нѣтъ, дѣтми** № 49; **к марьѣ, сѣно, с купнои грамотѣ, сѣмо** № 53; формы **к марьѣ** и **с... грамотѣ** с **ѣ** на конце появились в результате взаимодействия между твердыми и мягкими основами.

Грамота № 2, относимая А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым к концу XIV—началу XV в., а Л. П. Жуковской — к XIV—XV вв., по отношению к **ѣ** дает показания, вообще не отличающиеся от данных более ранних берестяных грамот, т. е. буква **ѣ** употребляется на месте этимологического звука [ě]: **бѣла, ȣ фомѣ** (2 раза), **бѣли, бѣлоки, бѣло;** сюда же, видимо, следует отнести личное собственное имя **ȣ намѣста**. Однако для положения в заударном конечном открытом слоге, наряду с написанием **островѣ**, имеется написание **на волоки,** свидетельствующее об изменении [ě] в [и] в указанном положении (если *и* не объясняется морфологически).

Приведенное выше написание **желеȥного** (в гр. № 4) не может свидетельствовать об утрате [ě] как особой фонемы ввиду этимологической недостоверности [ě] в слове *желѣзо:* литовское диалектное gelžìs, латышское dzélsis, прусское gelso[1] указывают на общеславянское želzo, которое должно было бы развиться в восточнославянском želozo или (при отсутствии по неясной причине лабиовеляризации l) в železo с гласным [е], а не [ě] после [l]. Однако очень рано появилась форма *желѣзо* с [ě] после [l]; ср.: ст.-слав. **желѣȥо**, укр. *залізо*, северновеликорусское диалектное [жел'êзо]. Пути развития этой последней формы неясны[2]. Таким образом, при наличии на месте этимологического [ě] под ударением перед твердым согласным гласного [ê] ([л'êс], [л'êто], [д'êло]), в слове *железо* может звучать [е] открытое. Гласный [е] (открытое!) в слове *железо* может быть возведен не к этимологическому [ě], а к этимологическому [е]. Именно такие данные мы извлекаем из новгородских берестяных грамот.

Грамоты, относимые к XV в., дают неодинаковые показания по отношению к **ѣ**: одни из них, как и более ранние, употребляют букву **ѣ** этимологически правильно, а в других попадаются написания с буквой **и** на месте **ѣ**.

Только этимологически правильные написания находим в грамотах № 21 (**ко мнѣ, иȥбѣли**), № 24 (**цоловѣкомъ**), № 25 (**к тобѣ, на судѣ, у нѣмцина,**

---

[1] См. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1. М., 1910, стр. 227.

[2] См. там же.

нѣмцинѣ). Близкие к материалу этих грамот данные мы находим в грамоте № 1, где при написаниях ѳомѣ (2 раза), овсѣнка, по бѣлкѣ, а также написании кѣ с несохранившимся началом слова (видимо, бѣлкѣ) имеем с менова села, с менова стана. Однако это написание с буквой є не дает достаточных оснований для вывода об утрате [ě] как особой фонемы, так как оно встречено в топонимическом названии, которое могло рано утратить связь с корнем *мѣн-* или даже иметь другое происхождение, этимологически не связанное с этим корнем.

В грамоте № 17, при написании сѣмяна, имеются написания тимофию, не смиємъ с и на месте ѣ под ударением между мягкими согласными (или после мягкого перед [j]). Не может быть сомнения в том, что эти последние написания отражают типичную для новгородского говора того времени черту, явившуюся в результате изменения [ě] в [и] в указанных условиях. Видимо, несколько позднée процесс изменения [ě] в [и] охватил положение перед твердым согласным, в результате чего появилась типичная для многих новгородских говоров черта — наличие [и] под ударением не только между мягкими согласными (например, [с'и́м'о]), но также и после мягкого согласного перед твердым, (например, [с'и́но]). Учитывая данные современной диалектологии, можно думать, что в связи с наличием на месте ѣ между мягкими согласными под ударением звука [и] тот же звук произносился между мягкими согласными и в первом предударном слоге, т. е. что в написании сѣмяна на месте буквы ѣ произносился гласный [и]. Об этом может свидетельствовать, между прочим, написание роздилило в грамоте № 23, где на месте ѣ в только что описанном положении мы находим букву и, обозначавшую звук [и].

Однако в той же грамоте № 23 имеется написание ѳоми (дат. п.) с буквой и, передающей звук [и] неясного происхождения, появившийся в результате изменения [ě] в [и] под ударением на конце слова (так, как перед твердым согласным) или в результате воздействия мягкой разновидности склонения. При отсутствии данных, подтверждающих морфологическое происхождение [и] в форме ѳоми для XV в., вполне допустимо может быть и фонетическое объяснение. На последнее указывает к тому же написание тоби № 27, где морфологическое толкование мало вероятно, а также написание нимъ № 10 с буквой и вместо ѣ в корне, свидетельствующее о фонетическом изменении [ě] в [и] под ударением перед твердым согласным.

Грамота № 78, оставленная в стороне в предшествующем анализе, своими данными несколько отличается от других грамот. Для ударенного [ě] в ней есть лишь одно написание — на конѣ, в котором, видимо, [ě] на конце слова нефонетически заменило собою [и] (в результате воздействия твердой разновидности на мягкую); поэтому затруднительно судить о судьбе [ě] под ударением перед твердым согласным. Для заударного конечного открытого слога имеется форма кожє — форма вин. п. мн. ч., где буква є, вероятно, стоит на месте буквы ѣ в соответствии с этимологическим [ě]. Этот факт (ср. также

написание **одиноу на десѧтѣ** с буквой ѣ вместо буквы є[1]) свидетельствует, видимо, о неразличении этимологических [е] и [ě] в заударном конечном открытом слоге. Таким образом, материал этой грамоты стоит особняком среди показаний других новгородских берестяных грамот; ср. вышеприведенные данные из грамот № 3, 4, 40, 43, 53 с этимологически правильным употреблением ѣ в указанном положении, а также с грамотой № 2, где в одном случае (**на волоки** IV) заударного конечного открытого слога имеется написание и вместо ѣ. Данные о [ě] грамоты № 78, хотя и весьма скудные, все же поддерживают сделанный вывод о невозможности отнесения ее к древнейшей эпохе. Вместе с тем они не колеблют того общего вывода, который может быть сделан на основе анализа судьбы [ě] в остальных грамотах.

Несмотря на недостаток материала, общая линия развития этимологического [ě] в древнем новгородском диалекте все же выясняется с достаточной определенностью. Она заключается в том, что старое различение [ě] как особой гласной фонемы, во всяком случае в ряде говоров, держалось долго, хотя тенденция к сближению [ě] с [и] в определенных фонетических условиях наметилась довольно рано. Изменение гласного [ě] в [и] имело место раньше в положении перед мягким согласным, при сохранении его как особой фонемы перед твердым согласным (во всяком случае под ударением). Вместе с этим появляется гласный [и] на месте [ě] в флексиях (как результат морфологической замены или фонетического развития); кроме того, наблюдаются случаи, свидетельствующие об изменении [ě] в [и] перед твердым согласным. Все это в большей или меньшей степени отражено в новгородских берестяных грамотах XII—XV вв. Последовательное изменение [ě] в [и] под ударением перед твердым согласным, приводящее к утрате гласного на месте [ě] как особой фонемы и его отождествлению с фонемой [и], характерному для многих новгородских говоров XVII—XX вв., — говоры, отразившиеся в языке новгородских берестяных грамот, если и пережили, то, видимо, в эпоху, следующую за временем написания более поздних из исследованных грамот (т. е. в XVI в. и в последующее время).

Правда, случаи написания буквы и вместо ѣ в соответствии с ударенным гласным перед твердым согласным известны новгородским памятникам и более раннего времени. Если не принимать во внимание единичных примеров из Новгородской Минеи 1096 г. (**претьрънилъ**) в силу сложности ее литературной истории и невозможности отнесения всех ее показаний к древнему новгородскому диалекту, то показательны данные Новгородского евангелия 1355 г. (**колиноma, колиблемъı, человиком, никоюмъ, тило**), а также других новгородских памятников второй половины и конца XIV в. Они могут свидетельство-

---

[1] Впрочем, если считать, что в грамоте № 78 **оголовє** написано вместо **оголовь**, то букву ѣ в **десѧтѣ** можно было бы считать находящейся на месте буквы є, употребляющейся безразлично с буквой ь. Однако ѣ в **десѧтѣ** может иметь и морфологическое объяснение.

вать о том, что процесс изменения [ě] в [и] под ударением перед твердым согласным, приведший к утрате [ě] как фонемы и ее отожествлению с [и], в разных новгородских говорах мог начаться неодновременно: в одних несколько раньше, в других — позже. Однако, учитывая характер вновь открытых берестяных грамот, безыскусственность их языка, значительную свободу от литературной традиции, соответствие живому разговорному языку, характер их правописания в целом, — трудно допустить наличие в языке отожествления [ě] и [и] в одной фонеме [и] при последовательном различении на письме буквы ѣ, в том числе в случаях, где ей соответствует ударенный гласный перед твердым согласным. Нельзя сомневаться в том, что правописание берестяных грамот свидетельствует о наличии в языке особой фонемы на месте ѣ (вероятно, [ê]) и лишь о начавшемся процессе ее сближения с [и]. Этот вывод вполне согласуется с данными русской исторической грамматики и диалектологии.

5

Новгородские берестяные грамоты XIV—XV вв. в отдельных случаях отражают процесс изменения [е] в [о] перед твердым согласным. При этом отсутствие твердых навыков в области графики не мешало пишущим передавать этот процесс после парных мягких согласных: употребляя букву [о] вместо [е], пишущий оставлял тем самым без обозначения мягкость предшествующего согласного. Таково уже упоминавшееся написание **нобо** (=[н'обо]) в грамоте-надписи № 10. Любопытно в том же памятнике написание **ꙁемлею**: произносился ли в то время в этом окончании после [л'] гласный [е] или гласный [о], оставшийся необозначенным (при наличии обозначения мягкости [л])?

В грамоте № 40 находим написание **ꙁ беростомъ**, в грамоте № 27 **беросто**. Можно полагать, что это написание, как и написание **нобо**, отражает изменение [е] в [о], оставляя необозначенной мягкость предшествующего [р] (=[б'ер'осто]). Предполагать отвердение [р'], не чуждое части соседних псковских говоров (т. е. произношение ([беросто]), нет достаточных оснований, так как на него не указывают ни данные новгородских письменных памятников, ни данные диалектологии. С другой стороны, оставление без обозначения мягкости предшествующего согласного (парного по твердости-мягкости) не чуждо правописанию берестяных грамот, писцы которых во многих случаях не твердо владели нормами графики. Подобное необозначение мягкости имеет место не только перед [о] из [е], но также и перед другими гласными: см., например, написание **кланакмсѧ** № 41. Это может явиться косвенным подтверждением того, что в написании **беросто** обозначено наличие под ударением гласного [о], но оставлена без обозначения мягкость предшествующего согласного [р].

В новгородских берестяных грамотах имеются случаи, указывающие на изменение [е] в [о] в предударных слогах перед твердым согласным. Таково

написание **потра** в грамоте № 53 (=[п'отра́]; ср. написание **оу петра** № 4: написание **к номоу** в грамоте-надписи № 10 (=[к н'ому́]). В обоих случаях мягкость предшествующего парного по твердости-мягкости согласного оставлена без обозначения.

В одном случае имеется указание на изменение [е] в [о] во втором предударном слоге перед твердым согласным в положении после непарного по твердости-мягкости согласного: **цоловѣкъ** № 43, **цоловѣкомъ** № 24. В других случаях после непарных по твердости-мягкости согласных пишется **є**: см. **со желутковъıмъ** № 25.

Таким образом, можно утверждать, что фонетической системе новгородского диалекта, во всяком случае в XV в., было свойственно наличие гласного [о] под ударением после парных твердых-мягких согласных — черта, характерная для подавляющей части русских говоров. Кроме того, фонетическая система новгородского говора уже с XIV в. характеризовалась ёканьем в предударных слогах (в положении после мягкого согласного перед твердым).

6

Немногие примеры, иллюстрирующие судьбу [а] между мягкими согласными, свидетельствуют о сохранении этого звука как в безударном слоге, так и в ударенном. Для первого предударного слога можно привести пример **дворянину** № 5. Сюда же можно отнести пример **сѣмяна** № 17 (ср. современное *семян* с [а] нефонетического происхождения в род. п. мн. ч.). Неясным является случай **мятещи** № 2. Для заударного слога отметим **кланакмся** № 41 и **одиноунадесятѣ** № 78.

Еще меньше случаев для суждения о судьбе ударенного [а] между мягкими согласными представляет грамота № 69, которую мы относим к XIII в.; здесь находим два случая: **чадь** и **оуглицане**; в грамотах № 53 и 23 — по одному случаю: **ѿяли** № 53 и **цасть** № 23.

Как ни мало оказалось материала по данному явлению в исследуемых документах, все же, учитывая характер их правописания, широко передающего многие черты фонетической системы, можно думать, что изменение [а] в [е] между мягкими согласными, в том числе в ударенном слоге, в новгородском диалекте до XV в. включительно отсутствовало[1].

Это наблюдение вполне согласуется с данными истории русского языка, которая располагает достоверными случаями изменения [а] в [е] в указанном положении только с XVI в.

---

[1] Отдельные написания с буквой є вместо я (ѩ) в псковских памятниках, известные с XIV в., встречаются не только в разбираемых фонетических условиях, но и в иных (перед твердыми согласными и на конце слова), и, видимо, должны иначе объясняться.

7

Сочетания заднеязычных с [ы] в старших из исследованных грамот представлены только одним случаем — **роукъı** № 9, свидетельствующим о сохранении сочетания [кы]. Бо́льшая часть остальных грамот не дает показаний по этому явлению. Последнее представлено лишь в грамоте № 2 (XV в.) написаниями **бѣлоки, мики,** отражающими изменение к этому времени сочетания [кы] в [к'и]. При изучении этого явления следует учесть также встретившуюся в той же грамоте форму **наволоки** с **и** на месте этимологического [ě] (ср. старую форму **на волоцѣ**). Утрата старого чередования *к* || *ц*, сама по себе говорящая о возможности в фонетической системе сочетания заднеязычного согласного с последующим гласным переднего образования, увеличивает доказательную силу приведенных выше написаний с **ки** на месте этимологического [кы], как фактов произношения [к'и].

Этим данным противоречит форма **с къıмъ**[1], встретившаяся в грамоте № 21. Известно, что эта форма — новая по своему происхождению, заменившая собою старую форму **цѣмь**. Она появилась в результате двух морфологических процессов: 1) устранения [ц] и восстановления начального корневого [к] по образцу других падежей; 2) сближения склонения этого местоимения со склонением членных прилагательных в результате проникновения окончания последних в форму местоимения. Естественно было бы ожидать образования новой формы в соответствии с нормами действующей фонетической системы. Поэтому возможно, что случай **с къıмъ** свидетельствует о сохранении сочетания [кы] в некоторых из новгородских говоров в XV в., тем более, что в северных русских говорах изменение [кы] в [к'и] имело место позднее, чем в других восточнославянских говорах.

Написание **юрги** в собственном имени (грамота № 4, XIV в.) непоказательно для истории рассматриваемых сочетаний, так как на месте буквы **г** тут очень рано и при том вне зависимости от судьбы [г] в разных восточнославянских диалектах стал произноситься звук [j].

8

Берестяные грамоты широко отражают неразличение аффрикат [ц] и [ч] — черту, характерную для новгородского диалекта и известную по показаниям письменных памятников с XI в. (Новгородские Минеи), что подтверждается и данными русской диалектологии.

Однако отдельные детали этой диалектной черты, в частности качество звука, в котором совпали этимологические [ч] и [ц], не всегда могут быть установлены. Недостаток материала не позволяет поставить некоторые вопросы, связанные с историей аффрикат [ц] и [ч] в новгородском диалекте.

---

[1] Если принять наиболее вероятное чтение В. И. Борковского (см. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 123).

Для установления факта различения или неразличения аффрикат необходимо, чтобы в памятнике были случаи как с этимологическим [ц], так и с этимологическим [ч]. Между тем в некоторых из грамот представлена только одна из этих категорий, причем аффриката пишется этимологически правильно. Такие грамоты, в сущности, материала для решения многих вопросов, связанных с историей аффрикат, не дают. Мало дают для решения этих вопросов также случаи, в которых неясно происхождение аффрикаты, на месте которой написаны буквы **ц** или **ч**. Например, в грамоте № 8 три раза употреблена буква **ц**, причем лишь один раз безусловно на месте этимологического [ч] (**гȣчькȣ, чьꙗ, ожалочьши**), случаев же с этимологическим [ц] нет. В грамоте № 3 имеется один случай этимологического [ч] (**ѿвѣчалъ**) и отсутствуют случаи с этимологическим [ц]. В грамоте № 2 имеется многократно повторенное этимологическое [ц] в разных формах слова «куница» (**кȣници, кȣницю, кȣница**), но отсутствуют случаи с этимологическим [ч]. Естественно, что эти данные имеют минимальную ценность, так как оставляют открытым вопрос о различении или неразличении аффрикат: этимологически правильное написание одной из аффрикат ничего не говорит о качестве согласного на месте другой аффрикаты.

Более показательны данные тех грамот, в которых хотя и представлены случаи с одной из аффрикат, а именно [ч], но она передается с этимологической точки зрения неправильно — буквой **ц**. Нет сомнения, что такие грамоты отражают фонетическую систему с одной аффрикатой, так как нам неизвестны говоры, различающие обе аффрикаты, но последовательно употребляющие [ц] на месте [ч] и [ч] на месте [ц]. Таким путем устанавливается неразличение [ц] и [ч], точнее, видимо, цоканье в новгородском диалекте. Таковы следующие показания грамот: **ѡꙁерици** № 53, **цита** № 46, **попецалуєтє** № 49, **оцистилъ** № 41, **цто у нѣмцина, нѣмцинѣ** № 25, **ко цертоу, цто, руцилъ** № 4, **цоловѣкомъ** № 24, **цасть, цьтвьрти** № 23, **цлвкъ** № 17.

В некоторых грамотах [встречаются случаи как с этимологическим [ч], так и с этимологическим [ц]. Данные этих грамот наиболее показательны, но, к сожалению, они в количественном отношении весьма ограничены. Букву **ц** на месте этимологических [ц] и [ч[мы находим в грамоте № 54 — **микулици** и **микифорца**; в грамоте № 43 — **цоловѣкъ, сороцицю, сороцицѣ**.

Любопытен материал грамоты № 69, в которой на месте этимологического [ц] находим букву **ц** (**съ ꙗковьцемь**), на месте этимологического [ч] букву **ц** в топонимическом названии (**до углеца**) и производном от него (**оуглицане**) и букву **ч** в слове **чадь**.

Возможно, что к числу грамот, указывающих на неразличение [ц] и [ч] при наличии случаев на обе аффрикаты, следует отнести грамоту № 21 (XV в.). В ней имеется форма **угодице** (=«угодитьсе»)[1], где на стыке морфем сочетание [т'с'] закономерно изменялось в большей части русских говоров в [ц̄'] (с воз-

[1] Чтение В. И. Борковского. См. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 123—124.

можными дальнейшими изменениями). Однако в той же грамоте имеется незаконченное слово **ꙋѕщин---**, которое В. И. Борковский остроумно сближает со словом *усчина — узчина*, отмеченным в новгородских писцовых книгах и в современных северных русских диалектах [1]. Если принять это чтение, то окажется, что буква **ц** находится на месте этимологического [ч] и свидетельствует вместе с написанием **ц** в слове **угодице** о цоканье.

Обособленное положение занимает грамота № 7, в которой на месте этимологических [ц] и [ч] употребляется буква **ч**: **лисичь, сочита.** Если в первом слове **ч** употреблено на месте **ц**, то эта грамота свидетельствует о неразличении аффрикат. Но и в этом случае было бы неосторожным предполагать в ней указание на чоканье, тем более что имеется всего по одному примеру на каждую из аффрикат: под буквой **ч** на месте [ч] и [ц], точно также под буквой **ц** на месте [ц] и [ч] может скрываться как звук [ц], так и звук [ч]. Но, принимая во внимание данные русской диалектологии, скорее можно думать о цоканье, т. е. о звуке [ц] на месте обеих аффрикат

Наконец, грамота № 9 свидетельствует о различении [ц] и [ч]: **отьць, ничьто же.** При наличии такого скудного материала (по одному примеру на каждую аффрикату) трудно сделать какие-либо выводы. Объясняется ли правильное употребление букв **ц** и **ч** грамотностью писца или различением в соответствующем говоре новгородского диалекта звуков [ч] и [ц] (последнее в особенности для XI—XII вв. вполне допустимо) — эти вопросы оставляем открытыми.

В итоге произведенного анализа подтверждается ранее установленный факт неразличения аффрикат — цоканья в древнем новгородском диалекте. Черта эта в нем, как известно, весьма древняя; поэтому нет возможности говорить о ее развитии на протяжении XII—XV вв., к которым относятся новгородские берестяные грамоты.

9

По вопросу о качестве [ц] и шипящих [ш], [ж] в отношении их мягкости или твердости приходится судить по негативному признаку — по отсутствию указаний на отвердение. Наиболее ярким указанием на твердость этих согласных явилось бы написание после них буквы **ъı**. Такое написание решительно отсутствует, хотя случаев, в которых оно могло бы иметь место в грамоте, немало. После **ц**, **ш**, **ж** последовательно пишется буква **и**: **кȣници** № 2, **руцилъ** № 4, **нѣмцина** и др. формы этого слова № 25, **оцистимъ** № 41, **сороцицю, сороцицѣ** № 43, **микулици** № 54, **въщина** № 78, **гриши** № 3, **не варишi** № 3, **жито** № 3, **в животѣ** № 49, **дружина** № 69. Указанием на твердость [ц] является также наличие после конечного **ц** буквы **ъ** в памятниках, четко различающих буквы **ъ** и **ь**. Однако случаев с конечным этимологическим [ц] в исследованных берестяных грамотах очень

---

[1] Чтение В. И. Борковского. См. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 123—124.

мало и притом они встретились только в наиболее древних из них, где трудно искать отражения твердости: **отьць** № 9, **лисичь** № 7 (с буквой **ч** на месте этимологического [ц]). Отметим здесь же написание **цьтвьрти** № 23 (XV в.) с буквой **ь** после **ц** на месте этимологического [е]. К этому следует прибавить, что в ряде берестяных грамот имеется мена букв **ъ** и **ь**, которая лишает показательности (в отношении вопроса о мягкости-твердости шипящих и **ц**) употребление после них буквы **ь** или **ъ**.

Сочетание [ц] с последующим [у] встретилось всего два раза, причем оба раза написано с буквой **ю**: **кѹницю** № 2, **сороцицю** № 43. Сочетание [ш] с гласным [у] встретилось один раз и написано с буквой **оу**: **шоурина** № 78. Трудно это написание, встреченное только в одном случае и притом в грамоте относительно древней (XIII в.), принять за указание на отвердение [ш].

Сочетание согласного [ц] с последующим [а] в одном случае написано с буквой **ѧ** (**микифорцѧ**) № 54, в других — с буквой **а**: **кѹница** № 2, **цасть** № 23, **попецалуктє** № 49, **оуглицанє, до углєца** № 69. Сюда же можно причислить написание **трицать** № 1 с [ц] позднейшего происхождения. Обозначение сочетания [ца] буквами **ца** (при обозначении сочетания [цу] буквами **цю**) больше свидетельствует об орфографической норме, чем об отвердении согласного [ц]. Ничего не прибавляет к сказанному по одному разу встретившиеся написания сочетаний [ша] и [жа] в виде **ша** и **жѧ**: **лошакъ** № 69 и **нєкѣжѧ** № 46.

Написание **цоловѣкъ** № 24 и **цоловѣкомъ** № 24 с буквой **о** после **ц** ничего не говорит о твердости или мягкости [ц], в особенности если учесть, что и после парных мягких в отдельных грамотах употребляется буква **о** вместо **є** (ср. **к ному** № 10, **потра** № 53). Естественно, что и буква **є** после **ц** (**ко цєртоу** № 4) также непоказательна для решения вопроса о твердости или мягкости аффрикаты.

Учитывая характер письма большей части берестяных грамот, писцы которых нередко не вполне владеют нормами графики и всегда довольно широко передают особенности фонетической системы, отсутствие указаний на отвердение **ц** и шипящих даже в позднейших из них можно считать с известной степенью достоверности за свидетельство о сохранении этими звуками своей исконной мягкости. Это положение приобрело бы значительно бо́льшую доказательность, если бы оно опиралось на более обильный фактический материал.

10

Чрезвычайно важный для русской исторической диалектологии вопрос о качестве фонемы, обозначаемой на письме буквой **г**, к сожалению, для большей части памятников древней эпохи не может быть решен на основе непосредственного изучения, так как за буквой **г** мог скрываться как звук [г], так и звук [γ]. Указание на качество этой фонемы в памятниках может иметь

место лишь в определенных условиях. Оно оказывается налицо, например, при появлении в языке (вместе с заимствованными словами) другой, близкой по качеству фонемы, могущей обозначаться той же буквой, в связи с чем появляется необходимость разграничить на письме эти фонемы; так обстоит дело с западнорусскими (белорусскими) памятниками, где в связи с появлением заимствований из литовского и польского с взрывным [г] появляется потребность отличить его от своего, следовательно, не тождественного этому [г] звука, т. е. [г] фрикативного — [γ]. Ср. написания типа *Скиригкаило* (Смоленская грамота 1386 г.), появляющиеся с конца XIV в. и указывающие на фрикативное образование [г]. Указания на качество [г] можно извлечь также в тех случаях, когда языку свойственно оглушение звонких согласных в определенных фонетических условиях, т. е. утрата голоса. При передаче оглушения на письме на месте [г] (взрывного) может быть написана буква **к**, а на месте [γ] — буква **х**. Однако такие факты в памятниках древних (т. е. эпохи непосредственно после падения редуцированных) обычно отсутствуют или их оказывается чрезвычайно мало, так как [г] — [γ] внутри слова перед согласными употребляются очень редко и к тому же написание **х** на месте этимологического [г] перед взрывными согласными (типа **лехкъıи**) оказывается непоказательным: взрывные заднеязычные [к] и [г] перед взрывными могут подвергаться процессу диссимиляции, в связи с чем на их месте оказывается звук [х] (перед глухими) и [γ] (перед звонкими). На конце же слова буква **г** обычно пишется этимологически правильно — отчасти потому, что оглушение в этом положении могло развиться позднее, чем в середине слова, отчасти же потому, что морфологический принцип орфографии особенно последовательно проводился именно в написании конца слова (т. е. писали **могъ** по образцу **могоу**, **могла**; **ногъ** — по образцу **нога** и т. д. — вне зависимости от произношения).

В связи со сказанным, естественно, что для новгородского говора древнейшего периода мы не располагаем данными о качестве фонемы [г], хотя по многим косвенным данным (по ареалу других явлений фонетической системы, по данным исторической диалектологии) можно с достаточной уверенностью предполагать в нем взрывное [г]. Однако в грамоте № 3, относящейся к XIV в. (видимо, к его второй половине), имеется написание **ѿ грикши**, где буква **к**, обозначающая звук [к] в условиях оглушения звонких согласных перед глухими, может свидетельствовать о взрывном образовании заднеязычной взрывной фонемы. На основании этого факта (к сожалению, единичного) можно утверждать, что новгородскому диалекту XIV в. была свойственна фонема [г], имеющая взрывное образование.

В грамотах № 17 и 23 (обе XV в.) имеются написания **к осподиноу**, **осподине** № 17, **к осподину**, **ѡсподинь** № 23 (зват. форма, 2 раза). Пропуск буквы **г** свидетельствует об отсутствии в произношении соответствующего звука. Утрата начального [г] предполагает наличие в предшествующую эпоху фрикативного [г], т. е. [γ]. Фрикативное же [г], т. е. [γ], в этом слове

(а также в словах *государь*, *господарь*) ни в какой связи с образованием заднеязычной звонкой фонемы не находится: оно объясняется характером этих слов в общественной жизни древней Руси, их исключительно частым употреблением в роли обращения. В таких условиях при сохранении взрывного образования заднеязычной звонкой фонемы артикуляция звука [г] в этом слове в результате ослабления затвора развивается в [γ], а затем, как следствие дальнейшего ослабления (расширения щели между задней частью спинки языка с мягким нёбом), постепенно утрачивается совсем.

Таким образом, появление в русском языке (точнее в его северном диалекте) в этом слове (и других образованиях с теми же корнями) звука [γ], а затем и утрата его, вопреки мнению академика А. А. Шахматова[1], не стоит ни в какой связи с древней южнорусской (киевской) традицией[2].

11

Из других явлений консонантизма правописание берестяных грамот отражает ассимилятивное озвончение и оглушение согласных, а также упрощение некоторых групп согласных — процессы, имевшие место после падения редуцированных.

Об озвончении [с] перед звонкими согласными свидетельствуют следующие написания: **ꙁ берестомъ** № 40; **ꙁдѣсе** № 43; **ꙁдорокъ** № 69 (об этом написании в связи с вопросом о падении редуцированных см. выше). Процесс озвончения по отношению к другим согласным не отмечен.

Оглушение парных звонких согласных перед глухими отмечено в следующих формах: **на беꙁатьщинѣ** № 3 (корень **ꙁад-**), **со желутковъıмъ** № 25, **во потклѣтѣ** № 40, **на жерепцѣ** № 43.

В написании **трицать** (грамота № 1) скорее всего надо видеть не отражение упрощения согласных [д'ес']→[д'ьс']→[т'с']→[т'ц'] ([ц̄']), а отсутствие обозначения долготы затвора (известно, что необозначение долготы согласных является характерной чертой правописания восточнославянских памятников с древнейшей эпохи). То же можно сказать о написании **угодице** № 21, если речь здесь идет, как предполагает В. И. Борковский[3] (что мне представляется наиболее вероятным), о форме **угодитьсе.**

Отсутствие обозначения долготы согласного можно видеть в случаях: **на беꙁатьщинѣ** № 3, где приставка **беꙁ-** сочетается с корнем **ꙁад-, а шадрина села** № 1, где предлог **с** сочетается с названием населенного пункта **Шадрино** (ср. написание той же конструкции в этой грамоте **с овсѣнва села**).

[1] См. А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-е. М., 1941, стр. 91—92.

[2] На это указал еще А. М. Селищев в статье «Критические заметки по истории русского языка». «Ученые записки Московского гор. пед. ин-та». Кафедра русского языка, т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 183. К мнению А. М. Селищева примкнул В. И. Борковский (см. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 131).

[3] См. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 123.

С точки зрения наличия или отсутствия обозначения долготы согласных любопытно в той же грамоте № 1 написание **сошкина села**, которое с фонетико-морфологической точки зрения может быть прочитано не только как **с ошкина села** (так читают А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров), но так же как **со Шкина села** и как **с сошкина села**. Этот вопрос может быть решен только при сопоставлении написания **сошкина** с реальной топонимией Новгородской земли и его отнесением к определенному населенному пункту.

В форме **хто** № 46 отражается диссимиляция [к] по способу образования перед взрывным согласным [т].

В написании **къ бърати** № 49 буква **ъ** между звуками сочетания [бр] возможно соответствует переходному нефонематическому гласному элементу, часто наличествующему в той или иной степени между согласными, разными по месту образования (ср. в сочетаниях [пн], [кн] и др.). (Ср. произношение [бъра́т] «брат», [пъро́с'ит] «просит», [кл'у́къва] «клюква», известное автору этих строк в некоторых говорах Рязанской области). Этот гласный элемент нормально на письме не обозначается, но при неполном владении графикой возможно допустить употребление буквы **ъ** для его обозначения.

12

Исследование правописания новгородских берестяных грамот с точки зрения отражения в них фонетических процессов позволяет представить себе основные элементы фонетической системы древнего новгородского диалекта и его эволюцию на протяжении XII—XV вв.

Древнейшие грамоты (например, грамота № 9) указывают на сохранение среди гласных фонем редуцированных [ъ] и [ь]; другие уже свидетельствуют об их утрате, а также о явлениях оглушения и озвончения согласных, упрощения некоторых групп согласных — процессов, явившихся в результате падения редуцированных.

После падения редуцированных вокализм новгородского диалекта, вне сомнения, характеризовался следующими фонемами: [и], [ê], [е], [а], [о], [у]. Открытым остается вопрос о наличии или отсутствии [ô]. Но известно, что письменные памятники скупо отражают это явление и притом лишь для более позднего времени, ввиду чего отсутствие указаний на наличие этой фонемы само по себе еще не свидетельствует об отсутствии этой фонемы. В то же время следует отметить, что на наличие [ô] указывает Сборник Софийской библиотеки № 1460 (XVI в.)[1], северновеликорусский по языку и, весьма возможно, новгородский. Данные современной диалектологии позволяют предполагать наличие в фонетической системе новгородского диалекта (хотя бы в части его говоров) фонемы [ô]. Правда, эта фонема отсутствует в современ-

---

[1] См. Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Л., 1929.

ных новгородских, олонецких, архангельских говорах, но она представлена во многих говорах вологодских, вятских, костромских, которые также восходят к древнему новгородскому диалекту.

После падения редуцированных и укрепления категории твердых-мягких согласных, а также некоторых морфологических процессов, гласные [и] и [ы], некогда служившие разными фонемами, функционально объединились так, как это имеет место в современном русском языке. Сочетание [кы], а также, надо думать, сочетания [гы], [хы] к концу изучаемого периода изменились в [к'и], [г'и], [х'и].

Древнему новгородскому диалекту, во всяком случае в XIV—XV вв., известно изменение [е] в [о] перед твердыми согласными, что определяло различение твердых-мягких парных согласных перед [о].

Древний новгородский диалект на протяжении всего исследуемого периода сохранял как особую фонему [ê], во всяком случае в ударенном слоге перед твердым согласным. Лишь перед мягким согласным, по данным более поздних грамот, имеет место развитие [ê] в [и]. Таким образом, типичное для многих новгородских говоров изменение [ê] в [и] во всех положениях, в том числе под ударением перед твердым согласным, по крайней мере по отношению к большей части новгородских говоров, относится к более позднему времени, равно как к более позднему времени относится и появление [е] на месте [ê] под ударением перед твердым согласным.

Как было показано выше, изменение [а] в [е] между мягкими согласными также, видимо, отсутствовало в новгородском диалекте XIV—XV вв. и развилось в нем в XVI в.

Система согласных древнего новгородского диалекта включала 33 согласные фонемы — те же, что в современном русском литературном языке, с тем отличием, что она имела не две, а одну аффрикату.

Древний новгородский диалект был цокающим, имел одну аффрикату, вероятно, [ц'], взрывное образование [г], которое оглушалось в [к]; имел долгие шипящие фонемы, об образовании которых на основе исследованных грамот ничего сказать нельзя (так как написание вожє в грамоте № 78 и употребление буквы щ не уполномочивают на какие-либо выводы); имел фонемы [в] и [в'], образование которых (губногубное и губнозубное) также не может быть установлено; имел фонемы [ф] и [ф'], употреблявшиеся в заимствованных словах.

После утраты редуцированных значительно укрепилась соотносительность парных твердых—мягких и глухих—звонких согласных. Первые стали различаться на конце слова (однако различались ли по твердости-мягкости губные согласные, установить нельзя за отсутствием материала), вторые в результате оглушения и озвончения стали совпадать в определенных фонетических условиях (однако имело ли место оглушение [в] и [в'] — опять-таки не может быть установлено, как остается неустановленным и вопрос о качестве губных фрикативных).

Таким образом, система консонантизма новгородского диалекта XIV—XV вв., как она восстанавливается (не во всех пока элементах) на основе анализа правописания берестяных грамот, оказывается весьма близкой к системе консонантизма тех современных северновеликорусских говоров, которые продолжают древний новгородский диалект.

* * *

Публикация и исследование всех найденных до сих пор новгородских берестяных грамот, а также изучение извлеченных из них материалов в широкой исторической перспективе, с учетом данных других новгородских и неновгородских памятников, с привлечением диалектологических источников позволят уточнить и дополнить высказанные выше положения (а возможно, и изменить некоторые из них) и воссоздать более полно историю новгородских говоров, в частности — их фонетическую систему.

П. С. КУЗНЕЦОВ

МОРФОЛОГИЯ

Рассматриваемые грамоты содержат интересный материал для суждения о развитии морфологического строя русского языка на протяжении XII (а может быть, и XI) — XV в. Они дают представление как о явлениях, характерных для русского языка соответствующего периода его истории в целом, так и явлениях, характеризующих специально говоры древнего Новгорода. В большей степени свободные по своему характеру от книжной традиции, чем какие бы то ни было другие памятники (хотя о полной свободе говорить все же нельзя), грамоты дают возможность судить о формах, употреблявшихся в живом языке.

Извлеченный из грамот материал по вопросу о морфологических процессах, протекавших в русском языке, и об их хронологических рамках в целом подтверждает наши представления, полученные ранее на основании анализа других памятников. Интересно отметить, что на севере, в Новгороде, некоторые старые морфологические категории, в дальнейшем преобразующиеся, обнаруживают бо́льшую устойчивость, чем в южных памятниках. Эта устойчивость вряд ли может быть объяснена традицией, поскольку, как уже сказано, по самому характеру своему новгородские грамоты, представляющие главным образом частные письма, в целом с традицией связаны мало.

Следует пожалеть, что весьма ограниченный материал доступных нам в настоящее время грамот не позволяет более полно осветить историческое развитие морфологического строя новгородских говоров на протяжении указанного периода.

Материал, извлеченный из грамот, располагается в порядке частей речи в такой последовательности: имя существительное, местоимение, имя прилагательное, имя числительное, глагол. В пределах же каждой части речи сначала рассматриваются формы словоизменения, а затем формы словообразования (если словообразование представляет для данной части речи интерес).

В каждом разделе материал располагается в хронологическом порядке (в той мере, в какой может быть намечена хронология грамот, в некоторых случаях являющаяся спорной).

I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН С ОСНОВОЙ на *-а*

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

а) *Твердая разновидность*

Именительный падеж: **корова** № 8, **дроужина** № 69, **грамота** № 53, № 43, **недоума** № 46, **бѣла росомоуха** № 2.

Родительный падеж: **ѿ гестѧтъı** № 9, **ȣ мики** № 2 (*ки* фонетически из старого *кы*), **ȣ ѳомѣ** № 2, **с коупнои грамотѣ** № 53, **ѿ микитѣ** № 4; повидимому, сюда же относится **грамотѣ** в сочетании **грамотѣ не дасть** № 5.

Дательный падеж: **ѳомѣ** № 1. В той же грамоте: **по бѣлкѣ**, с устранением второй палатализации, характерной даже для древнейших из дошедших до нас северных, а именно — новгородских, памятников, а также --**кѣ** с несохранившимся началом, что, впрочем, может быть и формой местн. п. Примерами же дат. п. являются: **к осподиноу моемоу фоми** № 23; возможно, что здесь фонетически *и* вместо *ѣ*. В этой же грамоте имеется другой пример — глагол **роздилило**, где **и** также на месте **ѣ**, но здесь, во-первых, **и** в безударном положении; во-вторых, возможно, что это **и** — описка, допущенная под воздействием следующего **и**. Но вообще в этой грамоте нет форм со старым **ѣ**, за исключением указанных случаев и еще одного случая — **видьль**, где вместо **ѣ** стоит **ь**.

Винительный падеж: **женоу** № 9, **по коровȣ** № 8, **гȣчько** № 8, **попоноу** № 78, **одиноу на десѧтѣ гривъноу** № 78, **сохȣ** № 2, **сироту** № 5, **грамоту** № 10, **грамотку** № 24.

Творительный падеж: **с олькснои** № 23.

Местный падеж: **на безатьщинѣ** № 3.

Звательная форма: **г҃до** № 49; вероятно, сокращенное **господо** (имя сущ. собирательное, жен. р. ед. ч.).

б) *Мягкая разновидность*

Именительный падеж: **нвж / еѣѧ** № 46 — вероятно, **невѣжѧ** в зашифрованной шутке; **кȣница** № 2 (.**д. кȣница** — там же, если только это им. п.); **землѧ** № 17.

Родительный падеж: **оу тимоще** № 78 — вероятно, **е** вместо **ѣ** (Арциховский считает, что это грамота XII в., но по фонетическим признакам

такая датировка сомнительна: ѣ там вообще отсутствует, и других ясных случаев е вместо ѣ нет); ꙋ (оу?) микꙋлици № 54, ѿ ностасьи № 49, ѿ грикши № 3, ѹ матеши № 2.

Дательный падеж: ко ностасии № 43 — собственное имя, деление скорее такое (а не к оностасии), къ моки къ бърать № 49, к марьѣ № 53; возможно, сюда же следует отнести къ федосы № 3.

Винительный падеж: ꙁемлю № 41, пришли сорочицю № 43, пожню № 53, кѹницю № 2.

Творительный падеж: ꙁемлею № 10.

Местный падеж. Возможно, что сюда относится на пꙋстопьржи № 23; но так как им. п. не засвидетельствован, то у нас нет полной гарантии, что это основа на *-а*.

Звательная форма. Примеров нет.

Некоторые грамоты, как показывают приведенные примеры, обнаруживают черту, характерную для многих современных говоров, частью и для новгородских, а именно: объединение род., дат. и местн. падежей основ на *-а* в одной форме, которая в одних говорах соответствует нашей современной форме род., а в других — нашей форме дат. и местн. (современного предложного) падежей. В некоторых говорах наблюдается колебание между тем и другим типом объединения. Исторически объединение второго типа является более древним — уже в новгородских памятниках XI в. встречаются формы род. п. ед. ч. с окончанием -ѣ у основ на *-а* твердой разновидности, т. е. тождественные формам дат. и местн. падежей. Объединение второго типа отражается в северных же, а именно новгородских, памятниках не ранее XIV в., причем в современных новгородских говорах господствует именно это объединение. В наших грамотах обнаруживается лишь объединение первого типа. Оно наблюдается в грамотах № 54, 3, 4, 5, 49, 53, 2, 23, причем особенно широко представлены формы род. п., тождественные формам дат. и местн. — ѿ микитѣ № 4, грамотѣ № 5, 53, ѹ фомѣ № 2, оу микꙋлици (по чтению А. В. Арциховского) № 54, ѿ грикши № 3, ѿ ностасьи № 49, ѹ матеши № 2. Следует отметить, что в грамоте № 49, наряду с род. п. ностасьи, употребляется тождественная ей старая форма дат. п. — бърать, а в грамоте № 2, наряду с род. п. ѹ фомѣ, употребляется старая форма род. п. — ѹ мики (*ки*<*кы* фонетически). Для дат. п. зафиксирована лишь одна форма, тождественная старой форме род. п. мягкой разновидности — к марьѣ № 53.

Следует заметить, что все грамоты, где такие формы наблюдаются, являются сравнительно поздними — по хронологии А. В. Арциховского они почти все относятся к XIV в., лишь одна из них, именно грамота № 54, — XIII в. Следует в то же время отметить, что объединение второго типа, вообще для новгородского говора XIV в. возможное, в наших грамотах, даже наиболее поздних, не отмечено.

Указанное объединение род., дат. и местн. падежей в одной форме допускает двоякое объяснение. Во-первых, это объединение может объясняться воздействием со стороны старого склонения основой на *-i*, где, начиная с общеславянского языка-основы, формы род., дат. и местн. падежей имели одинаковые окончания. Во-вторых, — и это объяснение представляется нам более вероятным, — рассматриваемое объединение может являться результатом сближения твердой и мягкой разновидностей склонения с основой на *-а*. Формы род. п. ед. ч. твердой разновидностей с окончанием *-ѣ* тождественны не только формам дат. и местн. падежей той же разновидности, но и формам род. п. мягкой разновидности. Формы же род. п. мягкой разновидности с окончанием *-и* по существу параллельны формам твердой разновидности и отличаются от них лишь тем, что у них на конце *-и*, а не *-ы*, вследствие того, что после мягкого согласного *ы* невозможно. Следует к тому же иметь в виду, что и в твердой разновидности, начиная с XIII в., появляется в окончании род. п. *-и* вместо старого *-ы* после задненёбных согласных (ср. приведенное выше **ѹ мики**). Воздействие со стороны склонения с основой на *-i* для эпохи древнейших памятников менее вероятно, поскольку это объединение трех падежей имело место лишь для склонения на *-а*, а не для склонения на *-о*, тогда как в эту эпоху в основах на *-i* в русском языке были представлены существительные не только женского, но и мужского рода. Взаимодействие же твердой и мягкой разновидностей наблюдается не только в основах на *-а*, но и в основах на *-о*, где объединение указанных трех падежей не имело места. Отмеченный в грамоте № 23 пример дат. п. **фоми** может объясняться лишь как результат воздействия мягкой разновидности на твердую и не представляет собой примера на объединение трех указанных падежей.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН С ОСНОВОЙ на *-о*

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

а) *Твердая разновидность*

Именительный падеж. Мужской род представлен следующими примерами: **пакъ** № 69, **соколъ** № 54 (2 раза), **поклоно** № 6 (=**поклонъ**), что для XIII в., к которому относится грамота, вполне возможно[1]; **поклонъ** № 3, 17, 49, 53; **поклоно** № 23, 27 (=**поклонъ**); последняя форма вызывает некоторое удивление, так как А. В. Арциховский определяет обе грамоты как относящиеся к XV в. (Л. П. Жуковская считает, что, по крайней мере, вторая из них относится не ранее чем к XV в.); **пѧтьлинь** № 23 — вероятно, собственное имя. Однажды встретилась форма им. п. ед. ч. муж. р., оканчивающаяся на *-е*: **нѣмцине... сложи(л)** № 25, — в грамоте, предположительно

[1] По мнению издателей, грамота № 6 относится к XIII в. Л. П. Жуковская уточняет датировку концом XII в. (см. главу «Палеография»).

относимой Арциховским к XV в.; такие формы на *-е* встречаются в очень древних новгородских памятниках (например, в грамоте Варлаама Хутынского).

Именительный-винительный падеж. Собственно им. п. ед. ч. у существительных среднего рода встретился один раз: **ухо** № 25; возможно, что формой им. п. ед. ч. является **...кьно** (по мнению издателей, это — слово **сукьно**) или **вьно** (по мнению Л. П. Жуковской). В остальных случаях представлен тождественный по форме именительному падежу винительный: **вари ты пивъ** № 3 (**ъ** вместо **о**), **не вариши жито** № 3, **сѣно ѿмали** № 53, **ухо положи** № 25, **(п)ослал... верѥсто** № 27.

Родительный падеж: **оу въицина шоурина** № 78, **ѿ филипа** № 6, **оу петра** № 4, **со двора** № 4, **(ѿ) бориса** № 43, **бориса в животѣ нѣтъ** № 49, **ѿ потра** (вероятно, Петра) № 53, **у филипа** № 2, **вѣльжказа** № 2, **возему та** № 2, **у намѣста** № 2, **у вихтимаса** № 2, **вѣльюта** № 21 — все это собственные имена; **...озема** № 1, **позема** № 1, **ѿ карпа** № 23, **у нѣмцина** № 25; для среднего рода можно указать **села** № 1 (несколько раз); сюда же **слово**, относившееся раньше к склонению с основой на согласный, но в русском языке, повидимому еще в дописьменные времена, перешедшее в склонение с основой на *-о*: **безъ твоего слова** № 17.

Среди имеющихся примеров род. п. ед. ч. нет форм от слов, в древности входивших в склонение с основой на *-й* (*-ъ*).

Что же касается форм, унаследованных от этого склонения, то в род. п. ед. ч. муж. р. можно указать лишь одну форму, правда, несколько раз повторяющуюся в одной и той же грамоте: **дару** № 1; род. п. в значении количественно-определительном ясно удостоверяется контекстом: **...ина села шлоі позема і дару.м.бль...; .к.бль дару; ---инова села і позема і дару шло; ... гаѳанова села шлоі позема і дару.л.бль** и т. д.; слово **позема**, стоящее рядом в том же значении, регулярно имеет старую форму род. п.

Дательный падеж: **къ ксифу** № 3, **ко цертоу** № 4, **дворянину павлу. петрову брату.** № 5, **къ гну къ моки къ братьи.** № 49, **к осподину** № 17, **к осподину** № 23; **ко ксифу** № 27.

Винительный падеж: **псаний хомоуть** № 78, — странно для XII в. (так датирует А. В. Арциховский, причем Л. П. Жуковская, исходя из палеографических данных, к нему присоединяется) :конечное **ь** вместо **ъ**; ср. **спиши списокъ** № 53, **поводъ сложи(л)** № 25.

Старая форма вин. п., тождественная с им., используется также для названия животного **лошакъ** и для слова **человѣкъ: пришьлить лошакъ** № 69 (А. В. Арциховский относит грамоту к XII в., что, судя по фонетическим данным, как уже было сказано, весьма сомнительно); **пришли ми. цоловѣкъ на жерепцѣ** № 43, — для новгородского говора, где старая форма вообще держалась дольше, подобная форма возможна; старая же форма вин. п. **цлвкъ** наблюдается в следующем примере: **пришли... цлвкъ. спроста.** № 17.

Родительный-винительный падеж. Примеров нет (ср. ниже в мягкой разновидности — вин. п. конь).

Творительный падеж: съ гафанкомо № 24 — вероятно, обозначает съ гафанкомъ; цоловѣкомъ № 24 — предположительно, так как верхний край отсутствует.

Для среднего рода можно указать следующие примеры: з берестомъ № 40 — повидимому, это ср. р., так как известен им. п. ед. ч. бересто (см. выше); сюда же относится нобомъ № 10 (= небомь) — старая основа на согласный, но в русском языке рано перешедшая в основы на *-о*.

Местный падеж: к животѣ № 49, волнкомо островѣ № 2, на судѣ № 25.

Форма на *-у* в местн. п. не отмечена. Встречается новая форма, представляющая собой результат воздействия мягкой разновидности, т. е. с окончанием *-и*, но без чередования со свистящим в конце основы: на волоки № 2 — следует заметить, что окончание безударное. Как будет показано ниже, наблюдается и обратное воздействие — твердой разновидности на мягкую. Ср. подобную форму в двинских грамотах XV в.: на лѹкини береги.

Звательная форма: пришли осподине № 17, ѡсподинь № 23 — повидимому, вместо ѡсподине.

б) *Мягкая разновидность*

Именительный падеж муж. р.: отьць № 9, юрги № 4. Последняя форма собственного имени, восходящего к греческому источнику, для наших древних памятников широко известна. Конечное и передает, повидимому, *jь* (это имя склоняется как имеющее *j* на конце основы).

Именительный-винительный падеж ср. р.: оголове № 78 — по смыслу здесь вин. п. Арциховский читает оголовье, но пропуск ь был бы мало вероятен, если бы действительно можно было считать грамоту, как это предполагает А. В. Арциховский, относящейся к XII в., но такое отнесение, как уже говорилось, сомнительно. Возможно, что оголове написано вместо оголовь (ср. ст.-слав. оглавь «узда»), с е вместо ь; в таком случае здесь основа на *-i* (ср. ниже).

Родительный падеж: ѿ тереньтея № 69, до углеца № 69, у микифорца № 54, ѿ фалея № 27.

Дательный падеж: къ михалю № 69, къ матѳѣю № 5, тимофию № 17.

Результатом воздействия склонения *-й* (*-ъ*)-основ является форма къ васильви № 9. Существенно заметить, что окончание, характерное для основ на *-й*, содержит ь, а не е, как бы мы ожидали, т. е. здесь наблюдается тот же гласный, что и на конце в им. п. Не имела ли место здесь контаминация с основами на *-i*? В таком случае здесь основа на *-i*. Употребление ь вместо е в этой грамоте вообще как будто не отмечается. Следов влияния

сонов на *-й* в твердой разновидности, как показывают приведенные выше примеры, не отмечено. Им. п. здесь предположительно имеет форму **василь**; могло иметь место влияние с его стороны.

Старый вин. п. названия животного (подобно тому, как выше в твердой разновидности) находим даже в поздней грамоте: **конь позналъ** № 25. Эта грамота относится предположительно к XV в. Но для собственного имени лица даже в более ранней грамоте (по А. В. Арциховскому предположительно первая половина, по Л. П. Жуковской — вторая половина XIV в.) возможна форма род.-вин. п.: **прославъ онанья** № 3, если только это не старая форма им. п. ед. ч. основ на *-а*, которая по контексту также возможна. Это имя в древности относилось к основам на *-ja*. Но многие из этих имен, обозначающие лиц мужского пола, рано начали переходить в мягкую разновидность основ на *-о*.

Творительный падеж: **с григорємь** № 69 — если только это не твердая разновидность; однако не вполне ясно, чем объясняется это отсутствие гласного перед окончанием. Может быть, здесь был **ь** под влиянием *і* или *-й*-основ, как в дат. п. **васильви** № 9, **съмковьцємь** № 69, **с васильємъ** № 25.

Местный падеж: **на ярославли** № 69 — эта форма по происхождению — притяжательное прилагательное, но давно субстантивировавшееся; в данной грамоте встречается дважды. Наряду с этой старой формой мы встречаем, и даже в несколько большем количестве, формы, представляющие собой результат влияния твердой разновидности: **на конѣ** № 78, **на жерепцѣ** № 43; для ср. р.: **на городищѣ** № 4. Следует заметить, что ни в одной из этих грамот нет указания на смешение **ѣ** и *и*.

Звательная форма. Примеров нет.

Особых замечаний требуют следующие формы род. п. ед. ч.: **ꙋ жидили** № 2, **ꙋ гостили** № 2, **ѿ михаилі** № 17.

Древние имена на *-ло* (исконно, возможно, среднего рода), склонявшиеся по типу основ на *-о*, в севернорусских памятниках уже в XIII—XIV вв. обнаруживают переход в склонение на *-а*[1], но в то же время подвергаясь воздействию мягкой разновидности, о чем см. выше. О воздействии мягкой разновидности, отражающемся и в этом типе на *-ло*, свидетельствует приводимый Соболевским пример *до михаилѣ* из новгородской грамоты 1392 г. Грамота № 2 (**ꙋ жидили**) относится, по предположению издателей, к первой, а по предположению Л. П. Жуковской — ко второй половине XIV в., грамота № 17 (**ѿ михаилі**) — к XV или концу XIV в., что, с точки зрения хронологии, не вызывает возражений. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в новгородских говорах, повидимому параллельно, существовали формы типа *Михаило* или *Михаила* (по твердой разновидности)

---

[1] Ср. А. И. Соболевский. Лекция по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 185.

и *Михаль* (по мягкой разновидности). Можно было бы предполагать смешение **ѣ** и **и**, т. е., другими словами, предполагать чтение **у жидилѣ** и **ѿ михаилѣ**. Но грамота № 2 не дает указаний на смешение **ѣ** и **и**, в грамоте же № 17 **и** вместо **ѣ** имеет место, но лишь перед мягким согласным, и именно перед *j* (ср. **тимофию, смиємъ**). Однако ограниченный объем обеих грамот не дает возможности сделать окончательного заключения. Впрочем, согласно чтению Л. П. Жуковской, на конце **михаили**, возможно, не **і**, а **є**; в таком случае здесь рассмотренный выше случай употребления формы род. п. ед. ч. твердой разновидности основ на *-а* с окончанием *-ѣ* (графически **-є**).

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН С ОСНОВОЙ на *-i* (-ь)

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный падеж: **савина чадь** № 69, **полоть** № 1 (употреблено дважды).

Родительный падеж: **не смиємъ імать ржи** № 17, **нь много ѡсподинь ржи** № 23, **два ѡвина цьтвьрти** № 23. А. В. Арциховский допускает, что здесь описка и что следует читать «два овина с четвертью»; но скорее, как толкует В. И. Борковский[1], здесь **четвьрть** не в значении «меры ржи», а в значении «четвертой доли», поскольку речь идет о дележе после уборки урожая (о том, что на долю господина пришлось мало ржи). Ср.: а запрется изорник . . . а государь не доискался четверти (Пск. судн. грам.), тогда в грамоте № 23 закономерно видеть родительный падеж. Все приведенные примеры касаются имен существительных женского рода. Для мужского рода имеется всего один пример: **беζъ пути** № 10.

Дательный падеж. Примеров нет.

Винительный падеж: **рожь** № 23, **на твою цасть** № 23. Сюда же, возможно, **оголовє** № 78, с написанием **є** вместо **ь** (ср. выше).

Творительный падеж. Примеров нет.

Местный падеж. Примеров старой формы склонения с основой на *-i* нет.

Примером новой формы, обусловленной воздействием на существительные с основой на *-i* женского рода склонения с основой на *-а*, является: **во потклѣтѣ** № 40, — если только это не описка (написание **ѣ** под влиянием **ѣ** предшествующего слога). Слишком ограниченный объем грамоты не дает возможности судить о том, не могло ли **ѣ** вместо **и** явиться результатом смешения этих букв вследствие изменения *ѣ* > *и* — примеров на такое смешение в грамоте вообще нет.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный падеж. Для им. п. мн. ч. в грамотах имеется всего три формы, причем все они отражают старые отношения, хотя и встре-

---

[1] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 124.

тились в грамотах различного времени. Им. п. мн. ч. старых основ на *-о* муж. р. твердой разновидности: **роди** № 9 (в значении «родичи»); мягкой разновидности: **ѡзерици** № 53 — вероятно, цокающая форма («озеричи» — название жителей какой-то местности); им. п. мн. ч. старого склонения с основой на согласный: **оуглицане** № 69 («угличане») — цокающая форма.

Именительный-винительный падеж ср. р. Для им.-вин. п. мн. ч. ср. р. имеется один пример — старая форма склонения с основой на согласный с обычным окончанием *-а*, в значении им. п.: **надобь сѣмяна** № 17; позднейшим, но также достаточно рано отражающимся в памятниках, является обобщение основы им.-вин. п. ед. ч. для других форм.

Родительный падеж. Почти все примеры род. п. мн. ч. на сочетания с числительными, начиная с числительного «пять». Имеется три формы, из которых одна повторяется несколько раз в одной грамоте: 1) старая форма твердой разновидности основ на *-а:* **.л. бѣлъ, .л. бѣлъ бе҃з дво, .к. бѣлъ, .м. бѣлъ бе҃з дву** № 1; повидимому, **бѣлъ,** от **бѣла** («белка»); 2) старая форма мягкой разновидности основ на *-а:* **сороке лисичь** № 7 («лисиц») — цокающая форма; 3) старая форма склонения с основой на *-й* (*-ѣ*), но свойственная существительному, принадлежащему к основам на *-о:* **шесть бьбороко...** № 7 — повидимому, **бебърковъ**, уменьшительное от **бебръ** («бобр»). Кроме того, возможно, формой род. п. мн. ч. является **коровь** № 8 — с **ь** вместо **ъ** на конце, но утверждать этого нельзя, так как контекст неясен — перед этим словом стоит непонятное **о жалочьши.** Определенно формой род. п. мн. ч. от основ на *-о* ср. р. является **дѣлъ** в сочетании **дѣлъ много** № 43.

Дательный падеж. Примеров нет.

Винительный падеж. От склонения с основой на *-а* твердой разновидности: **роукы** № 9; хотя соответствующее место различными исследователями и толкуется по-разному, но при всех имеющихся толкованиях это явно вин. п. мн. ч.; **варити переваръı** № 3. У Срезневского **перевара** — им. п. ед. ч.; возможно, что в грамоте № 3 **переваръ,** т. е. существительное, принадлежащее к склонению с основой на *-о*, но вин. п. мн. ч. в обоих случаях имеет одну и ту же форму.

Результат влияния мягкой разновидности на твердую разновидность основ на *-а* представляет следующий случай: **а възи (т)ри гривьнѣ** № 8; но случай этот не вполне ясен (так читают М. Н. Кислов и Л. П. Жуковская. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров предполагают, что здесь цифра 8). Л. П. Жуковская отмечает, что по букве идет трещина. Возможно, что на конце стоял **ъ** или **ь** — в таком случае здесь род. п. мн. ч.; но если читать **три,** а не **восемь,** то род. п. мн. ч. здесь быть не мог.

Ясным примером вин. п. мн. ч. мягкой разновидности основ на *-а* является следующий: **сороцицѣ ꙁабыле** № 43.

Творительный падеж. Имеется лишь один пример старой основы на согласный, которая во мн. ч. уже с древнейших времен склоняется по основам на *-i* (*-ь*): **моими дѣтми** № 49.

Местный падеж. Имеется лишь один пример на твердую разновидность основ на *-а:* **кꙋнахъ** № 41; начало фразы отсутствует, но форма не может быть понята иначе, как местн. п. мн. ч.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Отмечен лишь один бесспорный пример: **воꙁми. сапоꙁѣ.** № 4 — вин. п. от основы на *-о.* Интересно отметить ступень в чередовании с *г*, хотя, как известно, это чередование в новгородских памятниках начинает исчезать уже в XI в. Возможно, что формой вин. п. дв. ч. от основы на *-а* является **вожє** № 78 с **є** вместо **ѣ** (в данном случае, повидимому, имело место воздействие со стороны твердой разновидности); **є** вместо **ѣ** в этой грамоте вполне возможно (ср. здесь же **оу тимоцѥ**).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Ограниченность материала лишает нас возможности определить, какие словообразовательные средства, в какой мере и в какую эпоху были продуктивны для языка рассматриваемых грамот. Мы можем лишь описать те средства, которые нам встретились, попутно отметив их продуктивность в других памятниках соответствующего времени, и то предположительно, поскольку история словообразования в русском языке изучена еще очень недостаточно.

Прежде всего встречаются образования безаффиксные, лишь оформленные по тому или иному типу именного склонения. К ним относятся следующие отглагольные существительные: **родъ** (в значении «родич»), в форме им. п. мн. ч. **роди** № 9, образованное от глагола **родити,** но без показателя класса последнего; **волокъ,** в форме местн. п. ед. ч. **на волоки** № 2, образованное от глагола **волочи**; оба существительных оформлены по склонению основ на *-о.* Сюда же относится отыменное образование **бєросто** № 27 (в значении «берестяная грамота»); ср. также тв. п. ед. ч. **ꙁ бєростомъ** № 40, производное от имени, относящегося к основам на *-а* (**бєрєс га**), но оформленное по основам на *-о* (ср. р.). По склонению существительных с основой на *-ĭ* (жен. р.) оформлено отыменное существительное **чадь** в сочетании **савина чадь** № 69, образованное от принадлежащего к склонению с основой на *-о* существительного ср. р. **чадо** (ст.-слав. **чѧдо**). Существительное **чадь** имеет собирательное значение; это один из распространенных в древности способов образования собирательных существительных. Впрочем использовались в древности, в частности и в наших грамотах, и другие способы образования собирательных существительных.

С суффиксом *-ин-а* находим имя **дрꙋжина** № 69, оформленное по склонению основ на *-а:* оно образовано от существительного **дрꙋгъ,** склонявшегося по склонению с основой на *-о.* Существительное **дрꙋжина** также имеет собирательное значение (это слово в древнерусском языке могло иметь и

отвлеченное значение, но в данном случае оно употреблено в явно собирательном значении).

Имена существительные с собирательным значением образуются также посредством суффикса -ъj-а, (> -ǐj-а), оформляясь по склонению с основой на -а (мягкая разновидность, так как -а предшествует -j) и по склонению с основой на -о в ср. р. (также мягкая разновидность). Оба этих типа мы находим и в наших грамотах: по образцу первого из них образовано братиꙗ, от существительного с основой на -о братъ, представленное в форме дат. п. ед. ч. къ бъратьи № 49.

Различные образования, обозначающие лицо в ед. ч., оформлены посредством суффикса единичности -ин и склоняются по основам на -о. Сюда относятся (г)осподинъ, выступающее в различных падежных формах № 17, 23, 49; дворꙗнинъ — производное от существительного дворъ, представленное в форме дат. п. ед. ч. — дворꙗнину № 5; нѣмьчинъ, представленное (с цоканьем) в форме им. п. ед. ч. — нѣмцине — и в форме род. п. ед. ч. — у нѣмцина № 25; шюринъ, представленное в форме род. п. ед. ч. — оу въцина шоурина № 78.

Роль форм мн. ч. по отношению к этим формам, выражавшим единичность, в древнерусском языке играли существительные собирательного значения, частью склонявшиеся по множественному числу, частью по другим типам склонений, по сравнению с названиями единичных предметов (точнее лиц). Ограниченность материала, доставляемого грамотами, не дает нам возможности установить соотношения форм единичности и собирательности при одном и том же реальном значении. Но в грамотах мы встречаем такие существительные собирательные во мн. ч., которые, судя по данным других памятников, могли бы быть поставлены в определенную связь с рассмотренными выше. Так, мы встречаем форму им. п. мн. ч. оуглицане № 69, производную от географического названия углечь, также наличного в наших грамотах, — ср. до оуглица № 69. Эта форма оуглицане имеет совершенно такой же вид, какой имела бы форма мн. ч. от дворꙗнинъ (если бы мы ее встретили в наших грамотах), а именно — она оформлена по склонению с основой на согласный (но только во мн. ч.). Имена существительные этого типа имеют один общий для ед. и мн. ч. суффиксальный элемент -ан- (он предшествует в ед. ч. суффиксу единичности, а во мн. ч. — окончанию). Собирательной формой, выраженной во мн. ч. мягкой разновидностью основ на -о, является форма им. п. мн. ч. ѡѕерици № 53 (ц вместо ч — отражение цоканья). Эта форма обозначает жителей какой-то местности. В единственном числе (при образовании во множественном числе с суффиксом -ич-) обычными являются также образования с суффиксом единичности -ин- (оформленные по твердой разновидности основ на -о). Имя существительное собирательное ед. ч., склоняющееся по основам на -а, мы находим в функции мн. ч. по отношению к рассмотренному выше существительному господинъ в звательной форме: гдо № 49.

Отглагольные существительные конкретного значения, образованные первоначально посредством суффикса *-j-*, а позднее — посредством чередования согласного в основе, являющегося результатом смягчения согласного в сочетании с *-j-*, оформленные по основам на *-а* и на *-о*, мы находим в таких случаях, как **роубль** (вин. п. ед. ч.) и **вожє** (вин. п. мн. или дв. ч.). Поскольку существительное **роубль** (в грамоте в значении денежной единицы) образовано от глагола IV класса с основой (как в настоящем времени, так и в инфинитиве) на *-і-*, возможно, что суффиксальное *-j-* генетически восходит к глагольному показателю *-і-*. В случае **вожє** (с конечным **є** вместо **ѣ**) можно предполагать основу на *-а*, в соответствии с формой ед. ч., представленной в современном русском языке. В современном языке, как литературном, так и в говорах, слово *вожжи* содержит долгое *ж̄* (в говорах возможно также *ж'ж'*). На долгое *ж̄* указывает и отмеченная в древнерусских памятниках форма **вожжи** (Опись Николаевского Корельского монастыря 1551 г.). Поскольку и в сравнительно поздней русской письменности двойные согласные часто не отмечаются, написание **вожє** не дает возможности решить, какой здесь согласный — краткий или долгий. Существительное содержит в корне **о** потому, что связано с глаголом, обозначающим постоянное движение, — следовательно, не направленное, не линейное.

Довольно широко представлены в рассматриваемых грамотах уменьшительные имена, большей частью личные. В качестве суффиксов используются следующие: *-ик-*, с оформлением по основам на *-о:* **пантьликь**, им. п. ед. ч., уменьшительное от собственного имени № 23; *-ък-*, *-ок-*, с оформлением по основам на *-о:* **бебрькъ, беброкъ** — засвидетельствовано в форме **бьбороко** № 7; вероятно, род. п. мн. ч. **бебръ(о)ковъ** (как известно, уже в древнейших памятниках, относящихся к эпохе до падения редуцированных, этот суффикс мог иметь форму как *-ък-*, так и *-ок-*); **съ гафанкомо** № 23 (тв п. ед. ч. **съ гафанькъмь**) — *о* конечное вместо **ъ**, который здесь пишется вместо старого **ь** в результате отвердения конечных губных; *-ьк-* и *-ък-*, с оформлением по основам на *-а:* **гоучька** — представлено в форме вин. п. ед. ч. **гоучкоу** № 8 (уменьшительное от собственного имени); **грамотъка** — производное от **грамота**, представлено в форме вин. п. ед. ч. **грамоткоу** № 24; **бѣлъка** — производное от **бѣла** (по происхождению субстантивированное прилагательное), представлено в форме род. п. мн. ч. **шесть блъ** № 1, а также в форме им. п. дв. ч. (в сочетании с числительным, впоследствии род. п. ед. ч.), например, **.в. бѣлоки** № 2.

Широко используются суффикс *-ьц-* (для муж. р.) с оформлением по основам на *-о* и суффикс *-иц(а)* (для жен. р.) с оформлением по основам на *-а*. Нужно сказать, что эти суффиксы, где *ц* развилось первоначально фонетически, в результате второй палатизации, из *к*, генетически связаны с рассмотренными выше. Примерами образований с суффиксом *-ьц-* могут служить следующие: **ıаковьць** — от собственного имени **ıаковъ**, засвидетельствовано в форме тв. п. ед. ч. **с ıаковьцемъ** № 69, **микифорьць** — производное

от собственного имени **микифоръ** (Никифор), засвидетельствовано в форме род. п. ед. ч. **оу** (?) **микифорцѧ** № 54; в обоих приведенных случаях суффикс использован для образования производных от христианских имен, что свидетельствует о продуктивности его в сравнительно поздний период. Уже не имеет значения уменьшительности даже в эпоху древнейших дошедших до нас памятников форма **отьць** № 9, хотя она и образована посредством суффикса *-ьц-*. О производности этой формы свидетельствует прилагательное **отьнь**, образованное от формы без суффикса *-ьц-* и засвидетельствованное в древнерусских памятниках, хотя и не отразившееся в наших грамотах. Повидимому, не имеет уменьшительного значения, а передает лишь деятеля, суффикс *-ьц-* в составе существительного **жеребьць**, производное от **жеребѧ**, представленное в форме местн. п. ед. ч. — **на жерепцѣ** № 43.

Возможно, что к уменьшительным с суффиксом *-ьц-*, оформленным по основам на *-о*, но по ср. р., относится слово **кatьце** (если такова должна быть гипотетически восстанавливаемая форма им. п. ед. ч.), засвидетельствованное в форме **.д҃. кaци** № 1 в сочетании с числительным.

Суффикс *-иц-а* (с оформлением по основам на *-а*) мы находим в следующих случаях (образования с этим суффиксом засвидетельствованы в сравнительно большом количестве, что говорит о продуктивности соответствующих образований в древности; лишь впоследствии они уступают место образованиям с *-ък-а*): **микулица** (повидимому, уменьшительное от имени собственного *Микула*) — засвидетельствовано в форме род. п. ед. ч. **у**(**оу**?) **микулици** № 54. От названий животных образованы **лисица** — засвидетельствовано в форме род. п. мн. ч. **сорокь лисичь** № 7; **куница** — представлено, как и **лисица**, исключительно в сочетании с числительными: **.в. кѹници, .г. кѹници, .д. кѹници** № 2. Первое из этих существительных является производным от *лиса*, в наших грамотах не представленного; второе же — производным от *куна*, засвидетельствовано и в наших грамотах; ср. местн. п. мн. ч. — **кунахъ** № 41.

Имя уменьшительное от названия неодушевленного предмета, образованное по этому же принципу и с приметами основ на *-а*, мы находим в слове **сорочицю**, представленном в формах вин. п. ед. и мн. ч. — **пришли сороцицю; сороцицѣ забыле** № 43.

Характерное для северных русских памятников образование с суффиксом *-ш-а*, также оформленное по основам на *-а*, мы находим в собственном имени, образованном от существительного с основой на *-о*: **григ(ъ)ша** — засвидетельствовано в форме род. п.: **ѿ грикши** № 3. Суффикс *-х-* (*-š-*) получил, как известно, широкое распространение в качестве суффикса эмоциональной окраски (главным образом с уменьшительно-ласкательным значением) на славянской почве, хотя и в сравнительно позднее время[1]; *-š-* является, повидимому, в результате распространения *-х-* посредством элемента *-j-*.

[1] См. А. Мейе. Общеславянский язык. М., Изд-во иностранной литературы, 1951, § 24.

Уменьшительную же форму, образованную посредством суффикса, мы находим и в таких случаях, как **оу тимоще** № 78, **матеши** № 2 — в обоих случаях род. п. ед. ч. основ на *-а*. Не вполне ясно здесь происхождение *šč* (если действительно это сочетание передает написание *щ*). В особенности это неясно для формы **тимоще**. Это имя в уменьшительной форме может содержать суффикс *-х-* (см. выше), сохранившийся до настоящего времени в говорах и в просторечии (ср. *Тимоха*); при распространении его элементом *-j-* он должен был дать *š* (ср. современное не только диалектное и просторечное, но и литературное — *Тимоша*).

Суффикс *-at-* (восходящий, повидимому, к *-ęt-*), весьма распространенный в древнерусском языке в собственных именах и этимологически тождественный суффиксу названий невзрослых живых существ, мы находим в имени **гостята**, оформленном в род. п. ед. ч. по основам на *-а* — **ѿ гостяты** № 9.

В имени **жидило**, представленном в форме род. п. ед. ч. **ѹ жидили** № 2, обнаруживается первоначальный суффикс *-ло-*; существительные с этим суффиксом сначала оформлялись как основы на *-о*, с последующим переходом *-ло-* в *-ла-*.

Имена с суффиксом *-ун-*, оформляясь по основам на *-о*, обозначали обычно лицо по какому-то его свойству; засвидетельствована форма **осьмун...** № 8.

Малораспространенный суффикс *-ак-* находим в названии животного — **лошакъ** № 69.

Имеется в грамотах один пример на распространенный в древнерусском языке и восходящий к общеславянскому суффикс для обозначения места *-ищ-е* (существительные с этим суффиксом оформляются по мягкой разновидности основ на *-о* < -*iskje) — **городище**; засвидетельствовано в форме местн. п. ед. ч. **на городищѣ** № 4.

Суффикс *-ьн-* (ср. ниже), общий для существительного и прилагательного, отмечен в производном **гривьна** (оформленном по основам на *-а*), засвидетельствованном в форме вин. п. ед. ч. — **гривъноу** № 78. Этот суффикс, повидимому, принадлежал к числу примет, обозначавших принадлежность. Для первоначального значения существительного **гривьна** («ожерелье»; ср. непроизводное *грива*, др.-инд. *grīvā́* «затылок») значение принадлежности очевидно. Впрочем в нашей грамоте **гривьна** употребляется уже в позднейшем значении денежной единицы.

Суффикс *-от-*, с оформлением по основам на *-а*, служивший обычно для образования существительных с отвлеченным и собирательным значением, в грамотах встретился один раз — для обозначения конкретного существительного **сирота**, производного от прилагательного **сиръ**, что засвидетельствовано в форме вин. п. ед. ч. — **сироту** № 5. Это слово сохранилось и до настоящего времени. В современном языке существительное *сирота* относится к так называемым существительным «общего» рода, приобретая мужской или женский род в зависимости от того, лицо какого пола оно обозначает. Относясь к основам на *-а*, слово *сирота* как в памятниках, так и в современных

говорах получает согласование по женскому роду даже в тех случаях, когда обозначает мужчину. Тем более знаменательно, что здесь оно согласуется по мужскому роду, поскольку обозначает мужчину, — **ꙁа нашего сироту**.

Посредством суффикса *-в-о* с оформлением по основам на *-о* образовано отглагольное существительное ср. р. **пиво**; засвидетельствовано в форме вин. п. ед. ч. — **пивъ** № 3, с **ъ** вместо **о**; обозначает вещество, названное по тому действию, объектом которого оно является (ср. глагол **пити**).

Отглагольным существительным является и **жито** № 3, также обозначающее вещество и образованное от глагола **жити** посредством суффикса *-т-о*, с оформлением по ср. р. основ на *-о*. Суффикс этот, повидимому, тождествен этимологически суффиксу страдательного причастия прошедшего времени. От того же корня, но распространенного посредством суффикса *-v-*, наличного как в части глагольных форм, так и в отглагольном прилагательном **живъ** (суффикс этот является общеиндоевропейским, ср. др.-инд. *jīvāḥ*), образовано посредством суффикса *-от-*, с оформлением по основам на *-о*, существительное отвлеченного значения **животъ** (в значении «жизнь»), засвидетельствованное в форме местн. п. ед. ч. — **в животѣ** № 49.

Суффикс *-л-о*, использовавшийся на славянской почве для образования существительных с различными значениями, долгое время сохранявший продуктивность, в наших грамотах мы находим в отвлеченном отглагольном существительном **дѣло**, оформленном по основам на *-о* (от глагола **дѣти**) и засвидетельствованном в форме род. п. мн. ч. — **дѣлъ много** № 43.

Ставший непродуктивным еще на общеславянской почве суффикс *-r-* (*-р-*), использовавшийся для образования отглагольных имен, с оформлением по основам на *-о-* муж. р., мы находим в существительном **даръ**, засвидетельствованном в форме род. п. ед ч. с окончанием *-у* в количественно-определительном значении — **дару** № 1, **даръ** № 2.

Производные приставочные образования, как и в современном языке, наблюдаются главным образом в отглагольных существительных, поскольку в древности приставки использовались преимущественно при образовании глаголов. В большинстве случаев эти образования не имеют суффикса и лишь оформляются по какому-нибудь типу именного склонения (обычно по основам на *-о* или на *-а*), причем использованная в грамоте форма не всегда дает возможность определить, по какому именно типу. Сюда относятся следующие образования: **переваръ** или **перевара** — засвидетельствовано в форме вин. п. мн. ч. **перевары** № 3; **поводъ** — засвидетельствовано в форме вин. п. ед. ч. № 25. Первое из этих существительных имеет конкретное значение предмета, в котором варят; второе имеет, повидимому, отвлеченное значение юридического термина; существенно отметить в корне ступень чередования *о*, характерную для глаголов движения повторяющегося и разнонаправленного, а также для отглагольных существительных.

Очень часто употребляется в грамотах существительное **поклонъ**, служащее для обозначения в субстантивированной форме единичного действия; оно

образовано от глагола совершенного вида, характеризующегося соответствующей приставкой. Обычно это существительное в форме им. ед. ч. начинает письмо (см. грамоты № 3, 23, 27, 49, 53).

Имя существительное конкретного значения попона (часть конской сбруи) образовано от глагола пѧти, пьнꙋ посредством приставки по- (обозначающей распространение действия по поверхности), с характерной для именных образований ступенью чередования *о* в корне и с оформлением по основам на *-а;* засвидетельствовано в форме вин. п. ед. ч. попоноу № 78. С той же приставкой и также со ступенью чередования *о* в корне находим оформленное по основам на *-о* существительное посолъ № 10, образованное от глагола сълати, послати, со значением лица, названного по действию, выраженному глаголом.

Отглагольное образование, оформленное по основам на *-о*, характеризующееся одновременно и приставкой и суффиксом, мы находим в случае списокъ № 5. Это существительное образовано от глагола съписати; приставка *съ-* имеет в данном случае лексическое значение; суффикс *-ок-*, *-ък-* обозначает единичность действия, результатом которого является конкретный предмет, обозначенный соответствующим существительным.

Вероятно, первоначально не только приставкой *по-*, но и суффиксом *-j-* характеризовалось оформленное по мягкой разновидности и существительное конкретного значения пожьнꙗ («луг»), засвидетельствовано в форме вин. п. ед. ч. — пожню № 53, образовано от глагола (по)жати (<požęti), (по)жьнꙋ. Существительное это обозначает объект, к которому применяется действие, выраженное глаголом. Приставка *по-* обозначает распространение действия по какой-то поверхности. Суффиксальный *-j-* можно предполагать на том основании, что глагол его не содержит; впрочем в эпоху, засвидетельствованную памятниками, здесь суффикса уже нет, а имеется лишь определенная ступень чередования согласного в корне (мягкий согласный).

Отрицательную частицу *не-* и тот же суффикс *-j-*, а впоследствии определенную ступень чередования согласного в корне (именно мягкий шипящий *ж* в соответствии с *д*) мы находим в существительном невѣжа № 46, образованном от глагола вѣдѣти, оформленном по основам на *-а* и обозначающем лицо по его свойству. Посредством той же отрицательной частицы *не-*, но с оформлением по основам на *-а* без суффикса, образовано от глагола доумати существительное недоума № 46, также обозначающее лицо по его свойству.

В небольшом количестве встречаются приставочные формы и в отыменных образованиях. К ним относится прежде всего поѕемъ, засвидетельствованное в форме род. п. ед. ч. — поѕема № 1. Существительное это, оформленное по основам на *-о*, является производным от существительного ѕемлꙗ или, скорее, ѕемь (поскольку суффикс *-j-* не участвует в образовании слова поѕемъ). Приставка *по-* имеет здесь вероятнее всего распределительное значение (существительное обозначает вид подати, оброка). Посредством приставки *подъ-* образовано отыменное существительное подъклѣть, обозначающее часть постройки, — производное от клѣть, которое также обозначает часть постройки; оформлено

по основам на *-i-*, на что указывает мягкое *т*, представляющее результат вторичного смягчения; засвидетельствовано в форме местн. п. ед. ч. — **во потклѣтѣ** № 40. Возможно, что *т* первоначально было суффиксом.

Некоторые отыменные образования характеризуются одновременно и приставкой и суффиксом. Таким, возможно, является существительное **оголовє** № 70, если оно соответствует древнему **оголовиє**, образованному посредством приставки *о-* со значением «вокруг» и суффикса *-ĭje* с оформлением по ср. р. основ на *-о;* обозначает часть конской сбруи. Но скорее всего **оголовє** обозначает **оголовь** («узда»). В таком случае это образование относится к рассмотренным выше (приставочное бессуффиксное отыменное образование, лишь оформленное по определенному типу именного склонения, в данном случае по основам на *-i*). Подобное образование известно и в старославянском языке — ср. **оглавь** («узда»). Посредством приставки *без-* и сложного суффикса *-ьщина*, *-ьчина*, с оформлением по основам на *-а*, образовано существительное **беꙁатьщина**, засвидетельствованное в форме мест. п. ед. ч. — **на беꙁатьщинѣ** № 3. Это существительное образовано от существительного **ꙁадь** (*з*, следовательно, совмещает здесь конец приставки и начало корня) в значении «наследства»; ср. **ꙁадьница**.

В этимологическом отношении большой интерес представляет словообразовательная форма существительного **островъ**, засвидетельствованного в форме местн. п. ед. ч. — **остров... ѣ** № 2. Это слово того же корня, что **струꙗ**, но, в соответствии с *у* в положении перед *j*, здесь перед гласным еще в общеславянском языке-основе являлось сочетание *ov* из дифтонга *oṷ*, второй элемент которого отходил к следующему слогу. Существительное **островъ** образовано посредством приставки *о-* (со значением «вокруг»), скорее всего от глагольной основы (ср. в таком же значении засвидетельствованное в древнерусских памятниках **отокъ**). Но глагол **струити** в древнерусском и старославянском языках как будто не засвидетельствован, хотя на наличие глагола еще на почве общеиндоевропейского языка-основы указывают такие формы, как др.-инд. sráv̄ami, греч. ῥέω («теку»).

Сложные слова, т. е. слова, содержащие больше одного корня, встретились в наших грамотах лишь дважды: **человѣкъ** (оформлено по основам на *-о*, засвидетельствовано в формах вин. п. ед. ч. — **цлвкъ** № 17 и тв. п. ед. ч. — **цоловѣкомъ** № 23) и **пустопьржь** или **пустопьржа** (оформлено скорее всего по мягкой разновидности основ на *-о* или на *-а*, представлено в форме местн. п. ед. ч. — **на пустопьржи** № 23). Первое из этих слов имеет спорную этимологию, но, несомненно, является общеславянским, однако к началу исторической эпохи оно уже не разлагалось на составные части; второе представляет собой географическое название. Во второй части, по предположению Р. И. Аванесова[1], наличествует тот же корень, что и в слове **порогъ**, но на

[1] См. главу «Фонетика».

ступени редукции. В образовании участвовал первоначально, повидимому, суффиксальный *-j-*, но позднее мы здесь, как и в примерах, рассмотренных выше, имеем дело лишь с определенной ступенью чередования согласных в основе *г/ж*.

II. МЕСТОИМЕНИЕ

МЕСТОИМЕНИЯ ЛИЧНЫЕ И ВОЗВРАТНОЕ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный падеж. Для 1-го лица отмечены обе древнерусские формы — **ꙗзъ** № 3 (**азо** № 2 с **о** вместо **ъ** на конце слова) и **а** № 69; как видно, последняя форма встречается в грамоте, которую Арциховский относит к XII в., что вызывает, однако, сомнения; но форма **ꙗ** встречается уже в Мстиславовой грамоте, т. е. в первой половине XII в.

Для 2-го лица несколько раз отмечена форма **ты** № 3, 4, 21, 25; повидимому, в таком значении употреблена эта форма и в грамоте № 69, хотя здесь контекст и не вполне ясен (**ты до углеца**).

Родительный падеж. Для род. п. отмечены две старые формы 1-го лица: **оу мене** № 49, **оу мене** № 53; одна старая форма возвратного местоимения: **с себе** № 25; кроме того, отмечен один случай новой формы возвратного местоимения, характерной для северных говоров: **у себа** № 21; эта форма встретилась в грамоте, которую Арциховский относит к XV в., что вполне согласуется с фактами, известными в истории русского языка: новая форма начинает распространяться в северных памятниках с конца XIV в. Впрочем наряду с новой формой мы находим и старую форму в грамоте, также относимой к XV в.

Дательный падеж. Отмечено два случая полной формы местоимения 1-го лица: **мънѣ** № 9, **ко мнѣ** № 21. Существенно отметить в примере из древнейшей пока грамоты ъ, а не ь, что характерно и для общеславянского языка-основы (см. жемайтск. *тип*, вост.-латышск. *тип*). В Остромировом евангелии в этой форме постоянно встречается *ъ;* возможно же в старославянских памятниках южнославянских изводов ь есть результат ассимиляции гласному следующего слога.

Для 2-го лица отмечена старая форма с **о**, а не **е** в основе и с **ѣ** на конце: **к тобѣ** № 25. Кроме того, та же форма отмечена один раз с конечным **и** вместо **ѣ**: **к тоби** № 27. По времени смешение **ѣ** и **и** возможно, так как грамота относится к XV в., но очень ограниченный объем ее не позволяет с уверенностью определить, отражает ли она говор с *и* на месте *ѣ*. Если отбросить фонетическое объяснение, можно допустить взаимодействие с энклитической формой.

Встретилось несколько случаев энклитической формы дат. п., но только для 1-го лица: **еже ми отьць даалъ** № 9, **не реклъ ми есифъ** № 3, **дать ми розумно** № 53, **зане ми.здѣсе.дѣлъ.много.** № 43, **пришли ми** № 43.

Существенно отметить, что между словами в грамоте № 43 стоят весьма последовательно разделительные точки, насколько можно судить по прориси. Но местоимение **ми** от соседнего, именно предыдущего, слова в обоих случаях не отделено: **ȥане ми, пришли ми.** Не свидетельствует ли это о его энклитичности?

Винительный падеж. Отмечено три случая старой полной формы вин. п. и для 1-го лица: **а мене въıдалъ** № 4, **на мене, ȥа мене** № 25. Кроме того, отмечен один случай энклитической формы, также 1-го лица, в древнейшей из найденных пока грамот: **поустилъ же мѧ** № 9.

Энклитическое возвратное местоимение вин. п. встретилось дважды в форме **сѧ: не оувѣдал сѧ** № 4, **кланѩксѧ** № 41. Поскольку для грамоты № 21 чтение В. И. Борковского более убедительно, чем чтение А. В. Арциховского, — имеется еще один случай вин. п. в форме **се** — в результате фонетического сочетания с окончанием 3-го лица ед. ч. **-це: угодице** = *угодить се.*

Творительный падеж. Имеется два примера только для 1-го лица: **мною** № 6 — остатки **м** на снимке как будто видны, хотя грамота сильно испорчена; как предыдущий, так и дальнейший текст неясен; другой пример — **мною** № 49.

Местный падеж. Примеров нет.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Для множественного числа очень мало примеров: один пример им. п. мн. ч. 1-го лица — **мъı** № 17, два примера для дательного падежа в грамоте № 41: один для 1-го лица — **намъ** (повидимому, так, хотя верхний край строки оборван), другой для 2-го лица — **вамъ** (повторяется дважды).

МЕСТОИМЕНИЯ НЕЛИЧНЫЕ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Местоимения с твердым согласным на конце слова

Примеров этого типа немного. Для им. п. ед. ч. можно привести лишь следующие: три примера мужского рода: **ѡнъ** № 3, **самъ** № 10, **самь** № 23; один — среднего рода: **то** № 9; два примера вопросительного и относительного местоимения, не изменяющегося по родам и числам: **кто** № 40 **хто** (= **кто**) № 46.

Отмечен один случай винительного падежа от этого же местоимения, равный по форме родительному, что, вероятно, имело место еще на почве общеславянского языка-основы: **ни на кого** № 3.

Поскольку более убедительным является чтение В. И. Борковского, примером формы тв. п. ед. ч. является **с къımъ** № 21; эта форма получилась в результате или контаминации местоимений **къто** и **къıи**, или воздействия на местоимение **къто** местоимения с мягким согласным в конце основы.

А. В. Арциховский читает здесь дат. п. мн. ч. местоименного прилагательного **угодицьскъимъ**.

Наконец, имеется один случай местн. п. ед. ч. указательного местоимения: **на томь** № 25 — с отвердением конечного **м**, что для XV в., к которому предположительно относится грамота, вполне возможно.

Местоимения с мягким согласным в конце основы

Именительный падеж ед. ч. муж. и жен. р. Примеров мужского рода для им. п. ед. ч. нет; для женского рода — два примера: **чья ...сть корова** № 8, **ся грамота** № 43.

Винительный падеж ед. ч. муж. р. Возможно, что примером на эту форму является **ть** с написанием **ь** вместо **ъ** в грамоте № 69, в сочетании: **пришьли ть лошакъ**.

Именительный-винительный падеж ед. ч. ср. р. Остальные случаи представляют форму им.-вин. п. ед. ч. ср. р., частично уже утратив значение местоимений, каковыми они в этих случаях являются лишь этимологически **ѥ̊=се** № 46, по значению вин. п. ед. ч.; возможно, что **се шли** № 25, **как се... попецалуѥте** № 49 (здесь, повидимому, **се** имеет уже значение указательной частицы), **цто** № 4 в сочетании **цто ѥсмь руцилъ** (возможно, **цто** имеет значение вин. п. местоимения). Бесспорно, **цто** выступает в значении союза в следующем случае: **а на мене сешли на томъ цто еси конь поӡналъ** № 25; оба случая представляют цокающую форму древнерусского и общеславянского **чьто**. Отрицательное местоимение **ничьто**, также по значению вин. п., представлено одним примером: **не въдасть ничьто же** № 9.

Интересно отметить сочетание указательного местоимения ср. р. с частицей **же**, как это принято в старославянском языке, в значении относительного местоимения: **ѥже ми отьць далъ и роди съдали.** № 9; по значению здесь вин. п. Эту форму типа **ѥже** обычно считают славянизмом, но она, как видим, употребляется и в древнейшей из рассматриваемых грамот.

Родительный падеж: **беӡъ твоѥго слова** № 17, **на него** № 5; сюда же следует отнести один случай род.-вин. п. для обозначения лица: **на нашего сироту** № 5. Существенно отметить, что здесь, поскольку речь идет о мужчине, употреблена форма мужского, а не женского рода, что часто наблюдается при сочетании с существительным на *-а*, обозначающим мужчину, даже в памятниках XVII в., и что встречается также в современных говорах.

Дательный падеж: **да молови емѹ** № 8, **ѥму ѿвѣчалъ** № 3, **к ному** («к нему») № 10. Здесь следует отметить результат изменения *е* > *о* перед твердым согласным и начальное *н*, примкнувшее еще в дописьменные времена к местоимению в результате переразложения; **к осподину моѥму** № 23, **к осподину своѥму** № 17.

Винительный падеж. Кроме приведенного выше род.-вин., примеров нет.

Творительный падеж: а то ꙁа нимь № 9; здесь также *н* в результате переразложения (ср. выше на него № 5).

Местный падеж. Примеров нет.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

На множественное число только один пример, именно — творительный падеж: моими дѣтми № 49.

III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Интересно отметить, что именные формы прилагательных, — если оставить в стороне притяжательные, о которых ниже, — выступают определенно лишь в именительном падеже, притом или как сказуемые, или в полупредикативном значении; последнее же отграничить от чисто предикативного не всегда по контексту возможно. Все примеры на единственное число: а) мужской род: добръ № 69 — вероятно, употребляется полупредикативно, но, может быть, это и сказуемое; ꙁдоровъ № 69 — то же; б) женский род: ꙁемлѧ готова № 17 — здесь, несомненно, сказуемое.

Очевидно, формой им. п. ед. ч. жен. р. является бѣла № 2 в сочетании бѣла росомꙋха. Если бѣла рассматривать как определение к слову росомуха, можно как будто сделать вывод о возможности атрибутивного употребления именного прилагательного. Но, во-первых, может быть, это существительное бѣла («белка»), которое встречается и в данной грамоте и в других памятниках; во-вторых, если это и прилагательное, то, скорее всего, что это не именная, а местоименная стяженная форма, характерная для северных говоров. По А. В. Арциховскому и М. Н. Тихомирову, грамота относится к XIV—XV вв., по Л. П. Жуковской — к XV в. Стяжение в северных памятниках этого времени хотя и очень редко, но возможно: ср. сказыва̑ (грамота в. кн. Василия Васильевича 1433 г.).

Для именной формы род. п. ед. ч. можно указать лишь на образование, ставшее уже наречным в сочетании с предлогом: спроста № 17.

На основании приведенного материала можно предполагать, что косвенные падежи именных прилагательных были в это время уже неупотребительны, хотя окончательно решить этот вопрос, вследствие ограниченного количества примеров, трудно.

Притяжательные прилагательные дают следующие именные формы:

Именительный падеж ед. ч. жен. р.: савина чадь № 69; примеров на формы муж. и жен. р. нет.

Родительный падеж. Почти все случаи род. п. ед. ч. относятся к названиям сел или вообще местностей: мохова села, харижнова се..., афанова села, с ошвина села, ...ипова села, с менова стана, с овсѣнва села, с васильева с..., шадрина села № 1. Наиболее распространенным является суффикс *-ов-*, после *j* — *-ев-;* один раз отмечен также суффикс *-ин-*, который вообще в древности имел более широкое распространение, чем теперь. На притяжатель-

ные прилагательные, не являющиеся названиями местностей, лишь один пример: **оу въницина шоурина** № 78; А. В. Арциховский предполагает, что это прилагательное образовано от собственного имени **въница** (следует заметить, что суффикс *-ин-* наличествует и в предыдущем примере). Но возможно, что прилагательное образовано от имени **въико**; в таком случае здесь морфологическое чередование *к//ц* или *к//ч*, вообще в этих образованиях наблюдающееся (ср. в Лаврентьевской летописи **олжинъ** и **олꙁинъ**). Какое именно чередование представлено в разбираемом примере, вследствие возможного отражения цоканья, решить нельзя, но против предположения о том, что **въницинъ** является производным от **въико**, говорит то обстоятельство, что суффикс *-in-* не использовался для образования притяжательных от основ на *-о* (ни одного подобного примера нет ни в Лаврентьевском, ни в Радзивилловском списках летописи).

Дательный падеж. На дат. п. только один пример: **петровоу братоу** № 5.

Творительный падеж: **со желутковъıмъ** № 25 (собственное имя); интересно, что тв. п. притяжательного прилагательного представлен в местоименной форме, которая вообще раньше других утверждается именно в этом падеже.

Для местоименных прилагательных отмечены следующие формы.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА

Родительный падеж: **железного** № 4 — прилагательное, вероятно, употреблено субстантивированно как термин, обозначающий вид пошлины; **(р)ужинного** № 1 — по М. Н. Кислову, прилагательное образовано от **руга** («обложение, побор в пользу церковного притча»): **рунъского** (села) № 1.

Первое из этих прилагательных образовано при помощи весьма распространенного в древности, как и теперь, суффикса прилагательного *-ьн-;* здесь форма без *ь*, утраченного в слабом положении. Несколько необычно второе образование — при помощи суффикса *-ин-*, но в членной местоименной форме. В третьем случае прилагательное представляет собой название села, образованное при помощи суффикса *-ьск-;* здесь *ъ*, а не *ь* вследствие того, что слабые редуцированные уже утрачены. Суффикс этот широко распространен и теперь в форме *-ск-*.

Местный падеж: **воликомо остров...ѣ** № 2 (конечное **о** вместо **ъ**); **ъ** вместо более древнего **ь** является следствием отвердения конечных губных, которое мы здесь вправе предполагать, поскольку грамота, по определению Л. П. Жуковской, относится к XV в. Примеров других падежей для муж. и ср. р. нет.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО ЖЕНСКОГО РОДА

Имеются примеры только на вин. и род. падежи. Вин. п. — **водѧ новоую женоу** № 9. Интересно, что местоименная форма употреблена и при первом упоминании об этой новой жене, что свидетельствует о широком распростра-

нении уже в эту эпоху местоименной формы в атрибутивной функции; сюда же относится и следующий пример: **а иноую помлъ** № 9 — в древнейшей грамоте из найденных; это собственно местоимение, но склоняющееся как местоименное прилагательное.

Для род. п. отмечен только один пример, но весьма интересный — **с купнои грамотѣ** № 53; здесь засвидетельствована новая местоименная форма, полученная в результате редукции конечного *ѣ;* впрочем для XIV в., к которому относят эту грамоту А. В. Арциховский, а также и Л. П. Жуковская, такая форма возможна и для новгородских памятников.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Эта категория дает очень мало примеров. Возможно, форму род. п. представляет **вабиниχъ** в сочетании: **аζвабиниχъ... ла** № 1; комплекс... **ла**, повидимому, оставшаяся часть слова «села».

IV. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Из форм числительных отмечены следующие:

Один — в форме вин. п. ед. ч. жен. р. в составном числительном **одиноу на десатѣ** № 78 — существенно отметить основу с *и*, а не *ъ* для косвенного падежа.

Два — в форме им. п. муж. р. в сочетании: **два ѡвина** № 23 и в форме род. п. в сочетании: **.м.бль безъ дву** № 1; в последнем случае существенно отметить форму, тождественную именному склонению, которая, хотя и является более поздней, чем **дъвою**, встречается уже в древнейших памятниках; ср. также в сочетании: **.л. блъ без дво** № 1 в значении род. п. В последнем случае интересно, что в род. п. выступает форма **дво**; за ней непосредственно следует в той же строке **а ζ вабиниχъ**, так что нельзя предполагать обрыва. Подобная форма уже в древнейших памятниках (может быть, в результате переразложения) наблюдается в сложениях, в том числе и в составных числительных, например: **дводушие** (Пандекты Антиоха XI в.), **двонадесатичисльнъıи** (Новгородская Минея 1097 г.).

Три — в форме вин. п. в сочетании: **а вьзи (т)ри гривьн(ѣ)** № 8 и им. п. жен. р. в сочетании: **шло... оζема трицать три бл.** № 1 — т. е. **блкѣ.**

Шесть — в форме им. п. в сочетаниях: **шесть вьвороко...** № 7, **шесть блък** № 1.

Восемь — в сочетании: **соро---ко осмь** № 7; существенно отметить отсутствие начального *в*-, который должен был развиться под восходящим ударением.

Десять — в сочетании: **одиноу на десатѣ** № 78; отступлением от старых норм является конечное **ѣ** вместо **е**; повидимому, оно отражает разрушение склонения с основой на согласный, по которому в древности склонялось числительное **десать.** Это числительное примкнуло впоследствии к склонению

с основой на *-i*, но это склонение, как уже говорилось, может в наших грамотах подвергаться воздействию со стороны склонения с основой на *-а*.

Сорок — в сочетании: **сорокь лисичь** № 7 (сомнителен **ь** вместо **ъ**, если грамота древняя); **соро---ко осмь** — там же. Интересно, что употреблена более новая форма, а не старая форма составного числительного, которая в наших грамотах не встречается.

Из составных числительных отмечены следующие:

Одиннадцать — в форме вин. п. в сочетании: **одиноу на десѧтѣ** № 78.

Тридцать три — в форме им. п. в сочетании: **трицать три** № 1. Существенно обратить внимание на редуцированную форму второго члена сложения; впрочем для XV в., к которому относит эту грамоту А. В. Арциховский, такая форма вполне возможна.

Сорок восемь — **соро--- ко осмь** № 7.

Шестьдесят — **шесть десѧтъ** № 1 — форма никаких замечаний не требует.

Интересно обратить внимание на возможность обозначения чисел посредством вычитания единиц из следующего, более высокого разряда: **.м. блъ безъ дву, .л. блъ без дво** № 1 (в значении «38», «28»). Такие обозначения встречаются в древнерусском языке и иногда в современных говорах. Остальные числительные имеют буквенные обозначения.

Существенно обратить внимание на форму сочетаний числительных с существительными (некоторые из соответствующих форм существительных не были рассмотрены выше, так как для них следует еще решить вопрос, с какими падежами и числом мы имеем дело).

В сочетании с числительным **дъва** мы находим, согласно старым нормам, им. п. дв. ч. муж. р. основ на *-о:* **два ѡвина** № 23; но это сочетание сохранило такую форму и впоследствии, вплоть до настоящего времени, только форма существительного уже осознается не как им. п. дв. ч., а как род. п. ед. ч.; эти формы в древности омонимически совпадали, за исключением, и то не всегда, ударения.

В сочетании же с числительным *два* мы находим следующие примеры существительных жен. р. с основой на *-а*, требующие особых замечаний: **.в҃.бѣли, .в҃. бѣлоки, .в҃.кȣници.** № 2. Из них старым нормам соответствует лишь **.в҃.кȣници.** Форма **бѣлоки,** где **и** может объясняться как результат изменения *кы > ки*, может свидетельствовать о новых нормах сочетаний существительных с числительными — совпадение им. п. дв. ч. и род. п. ед. ч. основ на *-о* и падение дв. ч. приводят к тому, что и в основах на *-а* являются сочетания типа **.в҃.бѣлоки** с род. п. ед. ч. А. В. Арциховский относит рассматриваемую грамоту к XIV—XV вв., Л. П. Жуковская — к XV в.; для этого времени такое явление вполне возможно. Но как объяснить форму **.в҃ бѣли?** По старым нормам должно было быть **.в҃.бѣлѣ.** Здесь скорее всего результат воздействия мягкой разновидности; грамота, как уже говорилось, не дает указаний на смешение **ѣ** и **и**, за исключением определенных морфологических категорий. Рассматривать форму **бѣли** как форму от основ на *-i*

(им. п. ед. ч. вѣль) нельзя, так как вѣль, как показывают древнерусские памятники, обычно употреблялось лишь в собирательном значении. Ничего нельзя сказать о случае .в.ка--- (№ 1), так как конец оборван; возможно, что надо читать «две кади».

Сочетание существительного основы на *-а* с числительным «три» по старым нормам вин. п. мн. ч. того и другого мы находим, повидимому, в следующем случае: а вьзи (т)ри гривьн(ѣ) № 8; но, как уже было сказано, конечное ѣ из-за трещины не вполне ясно.

В сочетании с числительным *три* мы находим один случай: .г. кѹници № 2 — им. п.; здесь формально сохраняются старые нормы, но интересно, что в совершенно одинаковой форме стоят рядом: .г҃.кѹници, .в҃.кѹници (ср. выше). Не говорит ли это о том, что для сочетаний существительных с числительными *два*, *три*, *четыре* уже установилась новая норма — род. п. ед. ч. существительных?

В сочетании с числительным *четыре* имеется один пример: д. каци солодѹ № 1; здесь трудно установить значение существительного каци, а следовательно, и его начальную форму. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров ссылаются на катъ в словаре Памвы Берынды. У Берынды это слово имеет значение ведра в 36 кварт. Если предположить, что мы имеем дело с уменьшительным от этого слова, оно легко могло быть образовано в ср. р. и иметь форму катьцє. В таком случае мы имели бы дело со старой формой дв. ч., распространившейся на мн. ч. Но ведь для этого времени должен был уже использоваться род. п. ед. ч. Правда, в сочетании с числительными старые формы дв. ч. держались дольше, чем вне этих сочетаний.

Для числительных выше *пяти* последовательно употребляются сочетания с существительными в род. п. мн. числа: шесть вьвороко... № 7 — вместо вьворокове (ср. выше); .ѕ҃.вѣло № 2 — здесь, возможно, о вместо ъ (грамота относится к XIV—XV вв.); шесть вcase вълкъ № 1, .к.влъ № 1, .л.влъ вез дво № 1, .м.влъ везъ двѹ № 1, сорокь лисичь № 7, шестьдесѧтъ влъ № 1.

В сочетаниях с составными числительными согласование идет по названию единиц: одиноу на десѧтѣ гривъноу № 78 — вин. п.; впрочем ясен только этот пример, в другом месте существительное не дописано: трицать три вл. № 1; дальше — край грамоты.

V. ГЛАГОЛ

НАСТОЯЩЕЕ И ПРОСТОЕ БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Примеров на формы 1-го лица ед. ч., кроме вспомогательного глагола, о котором ниже, нет.

Для 2-го лица ед. ч. тематического спряжения имеется один пример с окончанием *-ши:* а едеши по коровѹ. № 8. До сих пор не может считаться решенным вопрос о том, какую форму имело первоначально окончание

2-го лица ед. ч. в восточнославянской области: *-ši*, как в старославянском языке, или *-šь*, что ближе соответствует другим индоевропейским языкам. Л. А. Булаховский предполагает исходную форму *-ši*, между прочим, на том основании, что в украинском языке соответствующее окончание имеет форму *-еш*, а не *-іш*, но здесь могло иметь место выравнивание по другим формам. Приведенная выше форма **едеши** могла бы служить доказательством древнерусской формы на *-ši*, так как эта форма отмечена в оригинальном памятнике, в целом более свободном от традиции, чем какие бы то ни было другие наши древние памятники. Но рассматриваемая грамота вряд ли является такой древней, как предполагают издатели (см. выше). Вместе с тем мы находим (в более поздней грамоте) и форму с окончанием *-шь:* **сѣдишь, не варишь** № 3. Первый пример — на глагол I класса, последние два — на глагол IV класса.

Для 3-го лица ед. ч. имеется три примера с окончанием *-ть (-tь)*, причем один из них на глагол I класса, а остальные два — на глагол нетематического спряжения: **придеть** № 40, **не въдасть** № 9, **не дасть** № 5; все эти формы имеют древний облик, характерный для древнейших памятников; первая из двух последних форм может быть и аористом (такая форма 3-го лица ед. ч. аориста от глагола **дати** встречается уже в наших древнейших памятниках, например, в Остромировом евангелии). Могла бы быть истолкована как аорист и последняя форма (**дасть**), но, исходя из соображений, изложенных ниже, эта форма скорее является простым будущим временем.

Остальные примеры — на формы без *-t-*, причем все на глаголы I класса: **како приде.сѧ грамота** № 43 — здесь, несомненно, будущее время, а не аорист, так как дальше говорится, чтó нужно делать после получения грамоты; **грамота поведе** № 53 — здесь также будущее время на том же основании, что и в предыдущем примере; **еде посолъ. веѕе** № 10. Формы без *-t-* в глаголах I спряжения, т. е. первых трех классов, в единственном числе встречаются уже в древнейших наших памятниках (ср. **напише** — Остромирово евангелие, запись); такие формы и в настоящее время распространены в части северновеликорусских говоров. В некоторых современных говорах, в частности — в новгородских, формы 3-го лица без *-t-* представлены в значительно большем количестве категорий. Наши грамоты еще не дают указаний на это распространение.

Для 1-го лица мн. ч. имеются следующие примеры: **кланѧемъ сѧ** № 41, **мы не сминемъ** № 17, **оцистимъ** № 41; первые два примера на глаголы III класса (I спряжение), последний — на глагол IV класса (II спряжение); все эти формы соответствуют как состоянию древнейших наших памятников, так и современному.

Для 2-го лица мн. ч. имеется только один ясный пример: **попецалуѵете** № 49.

Для 3-го лица мн. ч. лишь один ясный пример на глагол I класса (I спряжение) с окончанием *-ть:* **поедуть дружина** № 69 (о согласовании см. ниже, в главе «Синтаксис»). Возможно, что примером 3-го л. мн. ч.

является форма **стоять** в следующем сочетании: **а стоять во потклѣтѣ кто придеть з берестомъ** № 40. Арциховский толкует эту форму как инфинитив в значении долженствования; по его мнению, должны стоять и чего-то ожидать в подклети те, кто придет с берестяной грамотой. Но эта грамота представляет собой обрывок, общий смысл ее трудно понять; перед приведенным выше местом стоят непонятные слова: **в неи гвозду** (так читает В. И. Борковский)[1]. Более вероятно, что здесь, как толкует В. И. Борковский, речь идет не о том, что кто-то должен ожидать в подклети, а о каких-то предметах, которые стоят в подклети и о которых говорилось раньше (слова **в неи гвозду** могут быть и вводными).

Ни одного примера на двойственное число нет. Впрочем нет и подходящих случаев, где оно могло бы быть употреблено.

Существенно заметить, что для формы 3-го лица ед. или мн. ч. нет (даже в наиболее поздних грамотах) ни одного примера, удостоверяющего отвердение *-t*.

ПЕРФЕКТ

Обычной формой для выражения прошедшего времени является старый перфект. Он образуется от глаголов любого вида и во многих случаях явно не имеет древнего результативного значения. Впрочем здесь картина несколько различная для грамот разного времени, о чем ниже.

Перфект частью представляет собой сочетание действительного причастия прошедшего времени на *-l* с настоящим временем вспомогательного глагола, частью (и уже в древнейших из рассматриваемых грамот) употребляется одна форма причастия, принимающая на себя функцию verbum finitum.

Среди примеров для 1-го лица ед. ч. без вспомогательного глагола имеются два, где подлежащее представлено личным местоимением: **азъ єму ѿвѣчалъ** № 3, **послал. азо** № 27. Кроме того, имеется три примера, где местоимение-подлежащее отсутствует, и 1-е лицо ед ч. устанавливается лишь по контексту: **сороцицѣ забыле** № 43 (=**забылъ**); **соу̂ дал** № 2 (повидимому, здесь 1-е лицо ед. ч., хотя окончательно этого утверждать нельзя) — формы **дал** и **дале** тождественны по своему значению (форма **дале** часто употребляется в новгородских памятниках в значении «дал»); **выткала** № 21 — скорее всего это также 1-е лицо ед. ч., но здесь, возможно, было и местоимение, так как начало грамоты оборвано.

Для формы 1-го лица ед. ч. с вспомогательным глаголом можно указать следующие случаи: **єсмь ру̑цилъ** № 4 — вместо **ру̑чилъ**, т. е. «поручился»; **покосиле єсмь** № 53; **было єсми** № 23 — т. е. *«был еси»*; **єсмь роздилило** № 23 (с **о** вместо **ъ**). Подлежащее, которое, судя по контексту, должно бы было выражаться местоимением 1-го лица ед. ч., во всех приведенных случаях отсутствует, что соответствует вообще древнерусским нормам.

---

[1] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 125.

Все примеры для 2-го лица ед. ч. имеют вспомогательный глагол: ...клъ кси № 4 (издатели читают реклъ кси, но независимо от того, какой здесь глагол, 2-е лицо ед. ч. перфекта не вызывает сомнения); цто еси конь позналъ № 25; кси за мене дале № 25 — подлежащее во всех случаях отсутствует.

Формы 3-го лица ед. и мн. ч. представлены без вспомогательного глагола, но обычно налицо подлежащее, выраженное именем существительным или местоимением: 3-е лицо ед. ч.: а иноую помлъ; поустилъ же мѧ № 9 (здесь подлежащее отсутствует, но перед этим стоит за нмь, которое ясно указывает, к какому лицу относятся указанные сказуемые); шнъ прислалъ № 3, не реклъ ми есифъ № 3, юрги... не оувѣдал сѧ. а мене въıдалъ № 4, домѣ шло і... оzема шло... і поzема... и т. д. № 1 (здесь глагол в безличном употреблении, поэтому подлежащего нет); пѧнтьликь видьль самь № 23, нѣмцине... сложи (ле) № 25; 3-е лицо мн. ч.: отьць дѧлъ и роди съдѧли № 9, оуглицане zамерьzьли № 69, шzерици... ѿѧли № 53.

Примеров 1-го и 2-го лица мн. числа перфекта нет.

Для вспомогательного глагола засвидетельствованы лишь формы единственного числа, но для всех трех лиц. Формы эти употребляются главным образом в составе сложных форм перфекта.

1-е лицо ед. ч. обычно имеет форму есмь: кесмь руцилъ № 4, покосиле есмь (= есмь покосилъ) № 53, кесмь роzдилило № 23 — конечное о вместо ъ. Кроме того, имеется один случай формы кесми, также известной нашим древним памятникам: было кесми № 23 — конечное о вместо ъ, так же, как и выше в той же грамоте; в этой же грамоте употребляется и форма кесмь.

Для 2-го лица ед. ч. отмечена обычная для наших памятников различных эпох форма еси: ....клъ кси № 4, еси ... поzнал № 25, кси... дале № 25 (дале вместо далъ).

Для 3-го лица ед. ч. — два примера, причем оба не в составе сложной формы перфекта: одна — в составном сказуемом, а другая — в значении «бытийном»: чьѧ... сть корова № 8, — повидимому, есть; есть градъ № 10.

Наконец, можно указать отрицание нѣтъ № 49 — по происхождению, как известно, из *нѣсть ту* < *не есть* и т. д.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о довольно широком употреблении в единственном числе причастия, входящего в состав перфекта, характерном для древних новгородских памятников, но до сих пор еще удовлетворительно не разъясненном для формы с окончанием -*е* вместо -ъ.

ДАВНОПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

На давнопрошедшее время имеется всего один пример в новой русской форме и без вспомогательного глагола в 3-м лице ед. ч. с наличным подлежащим: н(ъ) юрги.бьıлъ.въıдал. со двора ---не оувѣдалсѧ № 4. Значе-

ние давнопрошедшего времени соответствует старому — оно выражает действие, предшествующее выраженному формой **не оувѣдалсѧ**; образовано давнопрошедшее время от глагола явно совершенного вида.

АОРИСТ

Из старых форм простого прошедшего времени отмечен только аорист, и то в очень небольшом количестве случаев. Примеров на имперфект нет совсем.

Бесспорные примеры аориста мы находим в грамоте № 46, представляющей зашифрованную (весьма примитивно) школьную шутку: **п с / и а = писа**, **к ꙁ / а а = каꙁа**, **ц т / и а = цита**; все это формы 3-го лица ед. ч.; последняя форма не вполне достоверна, так как конец оборван, и, кроме ругательства, предполагаемого А. В. Арциховским, можно предполагать и еще какое-нибудь слово. По определению А. В. Арциховского, с которым соглашается и Л. П. Жуковская, грамота эта относится к XIV в., т. е. к тому времени, когда и в новгородских говорах аориста как живой формы, вероятно, уже не было, на что указывает изучение известных в настоящее время новгородских грамот.

Употребление аориста именно в этой грамоте показательно. Оно свидетельствует о распространении образования в Новгороде, о том, что в новгородских школах обучали и книжному языку, а не только письму и чтению. В других грамотах этого времени мы примеров аориста не находим.

Вероятно, аорист употреблялся также в древнейшей из дошедших до нас грамот — в грамоте № 9. Он выступает, повидимому, в следующем месте: **иꙁби въ роукъı поустилъ же мѧ**. Существует и другое чтение, с другим разделением на слова: **иꙁбивъ роукъı поустилъ же мѧ**. Правда, при таком чтении это место становится еще более неясным, поэтому более вероятно первое чтение. В таком случае в эпоху написания грамоты аорист еще существовал как живая форма. Значение его отграничено от значения перфекта, который в грамоте является преобладающей формой прошедшего времени. Как аорист, так и перфект принадлежат к совершенному виду (за исключением формы **далъ**), причем все формы перфекта явно выражают состояние, являющееся результатом законченного в прошлом действия — **дажалъ, съдажали, поустилъ, пожалъ**; форма же **иꙁби** констатирует лишь факт, имевший место в прошлом.

Возможно, что формой аориста является также **въдасть**; подобные формы 3-го лица ед. ч. аориста, омонимически совпадающие с формой настоящего-будущего времени, известны для глаголов V класса как в старославянских, так и в древнерусских памятниках. Но возможно, что здесь настоящее время (собственно, в значении будущего, поскольку это совершенный вид), если приставка с лексическим значением, выражающая направление действия, уже переводила в это время глагол в совершенный вид. Имеется в виду, что тот, о ком идет речь, ничего не собирается давать Гостяте.

Употребление аориста в рассматриваемой грамоте представляет большой интерес тем более, что грамота написана, несомненно, не под влиянием тра-

диции (в ней, например, нет ни одного случая употребления перфекта с вспомогательным глаголом; правда, для 3-го лица мы вообще в рассматриваемых грамотах не находим ни одного случая употребления в перфекте вспомогательного глагола).

Есть известные основания рассматривать как форму аориста, омонимически совпадающую с формой настояще-будущего времени, форму **не дасть** в грамоте № 5 (ср. выше). Но против этого говорят следующие соображения. Чтение, при котором форма **дасть** трактуется как аорист, основано на догадке, а не на строгом доказательстве, и вовсе не является более убедительным, чем чтение, при котором **дасть** понимается как простое будущее время. Грамота эта относится, по А. В. Арциховскому, к первой половине, а по Л. П. Жуковской — даже к середине или ко второй половине XIV в. Между тем, за исключением древнейшей грамоты № 9, а также школьной шутки, которая стоит особняком, мы не находим в наших грамотах более или менее бесспорных примеров аориста. Если бы аорист сохранялся в это время в живых новгородских говорах, он, вероятно, проявился бы не только в форме, которая омонимически совпадает с настоящим-будущим временем.

Возможно, что формой аориста 3-го лица ед. ч. является **сочита** № 7, если понимать эту форму как «пересчитал» (такое значение глагол **съчитати** мог иметь в древнерусском языке, а наличие **о** вместо **ъ** в слабом положении представлено в этой грамоте, несмотря на небольшой объем ее, довольно широко). А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров толкуют это место иначе (см. ниже), и, возможно, они правы. Грамота № 7 представляет собой обрывок какого-то письма или документа без начала и без конца; трудно поэтому сказать, какое прочтение является более убедительным. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров относят эту грамоту к XII в.; Л. П. Жуковская присоединяется к этой датировке, но считает, что по языковым данным грамота должна быть отнесена к XIII в. Однако и в этом случае грамота № 7 среди рассматриваемых грамот является относительно древней. Другие грамоты, тоже относительно древние (кроме грамоты № 9 и школьной шутки № 46), или вообще не содержат форм прошедшего времени, или содержат перфект, частью оправданный с точки зрения норм эпохи древнейших из дошедших до нас памятников, вследствие чего отсутствие в них аориста не доказывает его отсутствия в живом языке. Так, например, в форме **заме̂рьзли** № 69 несомненно значение результата, отнесенное к моменту речи, на что указывают окружающие формы будущего времени, повелительного наклонения, а также составного сказуемого, выраженного нулевой связкой настоящего времени.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

О разграничении настоящего времени и простой формы будущего времени следует говорить в связи с видом, о котором ниже. Но необходимо отметить, что в рассматриваемых грамотах ни разу не встретилось структурно оформлен-

ной формы будущего времени, т. е. в них нет ни сложного будущего, образующегося при помощи сочетания вспомогательного глагола с инфинитивом, ни преждебудущего, образующегося посредством сочетания личных форм глагола *буду* с действительным причастием прошедшего времени на *-л*.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В грамотах очень широко представлено повелительное наклонение, что обусловлено самим содержанием грамот. При этом преимущественно представлено 2-е лицо ед. ч. (лишь один случай 2-го лица мн. ч.).

Примеры следующие: **донди** № 9, **(с)к(р)ъи**, **вьꙁи** (=«вези») № 8, **пришьли** № 69, **въꙁеми** (=«возьми») № 78, **исправи**, **воꙁми** № 4, **постои**, **молви** № 5, **пришли** № 43, **спиши списокъ** № 53, **пришли** № 17, **пришли** № 24, **сешли** (может быть и **сє шли**, но в этом случае также повелительное наклонение) № 25, **ты... положи** № 25, **въшли** № 27, **вари ты пивъ** № 3, **ты ко мнѣ пришли, ты ꙋ себѧ иꙁвѣли** № 21.

В двух случаях форма повелительного наклонения 2-го лица ед. ч. сочетается с частицей долженствования **да**, которую обычно считают старославянской: **да молови емꙋ** № 8, **да пришли сѣмо** № 53.

Во всех приведенных примерах, независимо от ударения, сохраняется старая форма с окончанием *-и*. Лишь в двух случаях — **постои** № 5, **скръи** № 8 — мы не можем быть уверены, что конечный **и** передает неслоговой *i*. Правда, А. В. Арциховский относит грамоту № 8 к XII в., но такая большая древность грамоты весьма сомнительна, если учесть ее фонетические данные.

Для 2-го лица мн. ч. имеется, как уже говорилось, только один достоверный пример: **даитє** № 41. Особых замечаний он не вызывает. Возможно, что сюда же относится **пришьлить** (с **ь** вместо **є**) № 69; но здесь, как уже говорилось, вероятнее другое чтение: **пришьли ть лошакъ**.

Ни 3-е лицо ед. ч., ни 1-е лицо мн. ч. в повелительном наклонении не засвидетельствованы.

Возможно, что пример 2-го лица дв. ч. представляет форма **сочита** № 7, если принять толкование А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова, которые видят в этой форме повелительное наклонение от глагола **сочити** («искать, взыскивать, вести тяжбу»; точнее, юридический термин — «предъявлять иск»[1]). Если это действительно форма повелительного наклонения, то здесь представлен единственный для рассматриваемых нами грамот случай сохранения формы двойственного числа в глаголе (о редкости вообще для наших грамот формы двойственного числа см. выше). Как было сказано, форма **сочита** может быть понята и как аорист. Ограниченность текста, представляющего собой отрывок

---

[1] См. П. Е. Михайлов. Новые данные для комментария Псковской судной грамоты. Изв. ОРЯС, кн. 2, СПб., 1913, стр. 134.

без начала и конца, не дает возможности установить, какое чтение является более соответствующим действительности.

На сослагательное наклонение нет ни одного примера.

ИНФИНИТИВ

Старая форма инфинитива на *-ти* безударное отмечена всего один раз: **варити** № 3. А. В. Арциховский относит эту грамоту к первой половине XIV в.

Все остальные примеры дают суффикс *-ть*, т. е. с редукцией конечного *-и:* **дать** № 5, 53 — оба раза в значении долженствования; **не смиємъ імать** № 17; **прислать** № 21 — также в значении долженствования А. В. Арциховский считает инфинитивом в значении долженствования также **стоꙗть** в грамоте № 40, но, как уже было сказано, это, возможно, 3-е лицо мн. ч. настоящего времени.

Примером инфинитива, судя по контексту, является и **ходи...** в грамоте № 41, но конец формы отсутствует, и невозможно сказать, оканчивалась она на *-ти* или на *-ть*.

Примеров супина нет.

ПРИЧАСТИЕ

Действительные причастия настоящего времени мы находим лишь в двух случаях, оба в грамоте № 9: **водѧ новоѹю женоу, докди добрѣ сътворѧ**. Обе формы согласованы по древним нормам ед. ч. муж. р., вследствие чего на основании их мы не можем сказать, развиваются ли уже в говоре деепричастия из старых причастий. Обращает на себя внимание тот факт, что вторая из этих форм образована от глагола совершенного вида (приставка *съ-* имеет здесь чисто грамматическое значение), от которого обычно такие причастия не образуются.

Для действительного причастия прошедшего времени, не говоря о форме на *-л-*, которая рассмотрена в связи с verbum finitum, имеются три примера: **приславъ** № 3, **вꙁѧвъ** № 4, **написаво** № 27 — с конечным **о** вместо **ъ**. Все причастия образованы по древним нормам и согласованы, повидимому, тоже по старым нормам с ед. ч. муж. р., хотя в первых двух случаях контекст не дает вполне бесспорных указаний на это. В третьем случае совершенно ясно, что причастие согласуется с муж. р.: **послал ѧꙁо к тоби. веросто написаво.**

Страдательное причастие прошедшего времени в именной форме в атрибутивном употреблении в вин. п. ед. ч. жен. р. встретилось один раз: **грамотѹ не псанѹ** № 10. Именная форма объясняется тем, что это традиционный текст-загадка, восходящий к апокрифической литературе.

От того же глагола, с той же основой образования встретилась также один раз местоименная форма страдательного причастия прошедшего времени, также в атрибутивном употреблении, в им. п. мн. ч. муж. р.: **псании хомоуть**

№ 78. По значению здесь винительный падеж, что свидетельствует о начавшемся уже в XIII в. процессе объединения форм им. и вин. п. во множественном числе. А. В. Арциховский относит эту грамоту к XII в., но эта датировка маловероятна, хотя к ней, основываясь на палеографических данных, присоединяется и Л. П. Жуковская.

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ВИД

Глаголы бесприставочных основ, обнаруженные в грамотах, распределяются по классам следующим образом.

I класс: **вести, веꙁу** — отмечается в формах настоящего времени и повелительного наклонения: **веꙁе** (3-е лицо ед. ч. наст. вр.) № 10, **вьꙁи** (повел. накл., 2-е лицо ед. ч. =«вези») № 8; **ѣхати** — засвидетельствовано в форме настоящего времени: **едеши** (2-е лицо ед. ч.) № 8, **еде** (3-е лицо ед. ч.) № 10; **ити** — засвидетельствовано в супплетивной форме причастия прошедшего времени: **шло** (3-е лицо ед. ч., употребляется безразлично) № 1; **рещи** — **речи** употреблено в форме перфекта: **не реклъ** № 3; этот глагол, повидимому, книжный, на что указывает (грамота относится к XIV в.) и сохранение конечного *л* после падения редуцированных.

Глаголов II класса в бесприставочной форме не засвидетельствовано.

III класс. Обнаружены глаголы обоих подклассов, т. е. такие, основа инфинитива которых полностью содержится в основе настоящего времени, и такие, основа инфинитива которых содержит показатель *-а-*, отсутствующий в основе настоящего времени. Впрочем сохранились ли в соответствующих глаголах старые отношения между основами инфинитива и настоящего времени, мы не можем сказать, так как не все формы засвидетельствованы:

а) **кланꙗтисꙗ** — засвидетельствовано в форме настоящего времени: **кланѥмсꙗ** № 41, **читати** — отмечается в форме аориста: **ц т / и а** = **цита** (3-е лицо ед. ч.) № 46, **смѣти** — в форме настоящего времени **не смиѥмъ** (1-е лицо мн. ч.) № 17;

б) **даꙗти** — представлено в форме перфекта: **даꙗлъ** № 9, а также в форме повелительного наклонения: **даите** (2-е лицо мн. ч.) № 41; впрочем в последнем случае возможно и от глагола **дати**, так как формы повелительного наклонения этих двух глаголов одного корня, но различающихся по виду, сближаются; **писати** — в форме аориста: **п с / и а** = **писа** (3-е лицо ед. ч.) № 46; **каꙁати** — в форме аориста: **к ꙁ / а а** = **каꙁа** (3-е лицо ед. ч.) № 46; **сълати** — в форме повелительного наклонения: **се/шли** № 25 (А. В. Арциховский читает **сешли,** но не дает объяснения такому чтению; не является ли первая часть местоимением указательным **се**?); **имати** — в форме инфинитива **імать** № 17; мы не знаем отношений основы этого инфинитива к основе настоящего времени для

эпохи соответствующей грамоты (она относится к XV в.); первоначальными отношениями были **имати — кмлю**, но в XIV в. уже возможны формы типа **имаю**, сохранившиеся и в современных говорах.

IV класс представлен довольно большим количеством глаголов, главным образом той группы их, которая характеризуется показателем *-i-* также и в инфинитиве; напротив, глаголов с показателем *-ě-* (*-а-*) в инфинитиве среди бесприставочных всего три:

а) **пустити** — в форме перфекта: **поустилъ** № 9; **кодити** — в форме причастия настоящего времени: **кодѧ** № 9; **мълвити** — в форме повелительного наклонения: **молоки** № 8; **мол(в)...** № 3 (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров предполагают, что и здесь повелительное наклонение — **молви**); **молви** № 5; **варити** — в формах настоящего времени, повелительного наклонения и инфинитива: **не варишь** № 3, **вари ты** № 3, **варити** № 3; **ручити** — в форме перфекта: **исмь руцилъ** № 4; **ходити** — повидимому, в инфинитиве: **ходи...** № 41; конец слова не сохранился, но, судя по смыслу, это — инфинитив;

б) **сѣдѣти** — в форме настоящего времени: **сѣдишь** (2-е лицо ед. ч.) № 3; **видѣти** — в форме перфекта: **видьлъ** (= «виделъ») № 23; **стоꙗти** — в форме, которая может быть истолкована и как инфинитив, и как 3-е лицо мн. ч. настоящего времени, причем последнее более вероятно: **стоѧть** № 40.

V класс, помимо вспомогательного глагола, засвидетельствован различными формами от глагола **дати**: инфинитив — **дать** № 5; перфект — **даль** (т. е. **дале**) № 2, **еси... дале** № 25, **не дасть** № 5; возможно, сюда же относится повелительное наклонение **даите** № 41.

Вид бесприставочных глаголов для древнерусского языка устанавливается не так легко. Это объясняется тем, что хотя уже в эпоху древнейших русских памятников, а тем более в XIV—XV вв., различия совершенного и несовершенного видов достаточно ясно оформились, многие глаголы все же могли иметь различное индивидуальное видовое употребление. Большинство из рассмотренных глаголов относится, по всей видимости, к несовершенному виду. Совершенный вид можно предполагать лишь у следующих глаголов: **рещи**, который и на старославянской почве противостоит обычно как глагол совершенного вида несовершенному **глаголати**, и здесь, судя по контексту, обозначает единичное действие, законченное в прошлом (**не реклъ ми есифъ**) — речь идет о неотданном распоряжении; **поустити** (**поустилъ же мѧ**) — речь идет о единичном факте, уже совершившемся; **мълвити** — речь идет об отданном распоряжении совершить единичный акт речи, — соответствует современному «скажи» (**да молоки ему**); **дати**, для которого несколько примеров удостоверяют единичное, завершенное в прошлом действие. Не вполне ясно отношение **дати** к **даꙗти** (III класса), который должен был бы служить глаголом несовершенного вида к **дати**, но, судя по примеру из грамоты № 9, **даꙗти** употребляется едва ли не в одинаковом значении с **дати**. Повидимому, в совершенном виде употреблен и глагол **роучити**: **то исмь руцилъ**, в зна-

чении «в чем поручился», хотя видовое значение этого глагола в древнерусском языке не вполне ясно. Для выражения несомненно завершенного действия уже в древнейших памятниках употребляется форма с приставкой *по-*, имеющей здесь уже чисто грамматическое значение (ср. **поржчи** — Остромирово евангелие; запись). В бесприставочной форме этот глагол употреблялся редко. У Срезневского имеется лишь один пример из поручной записи князя Олега Рязанского 1393 г., причем именно этот пример заставляет сомневаться в виде глагола **роучити: ручили мы и поручили есьмо у великого королѧ у володиславѧ. ...за его брата за кнѧзѧ за коробута, иже быти ему вѣрну.** Почему здесь употреблены два однокоренных глагола, при этом только второй с приставкой? Не означает ли это «ручались и поручились»? Возможно, что в значении совершенного вида употреблено и **видѣти**; ср. **пѧтьликъ видьль самь**; но скорее всего, что здесь, как и в современном языке, употребляется несовершенный вид для констатации факта, вне зависимости от отношения соответствующего действия к ограничению его во времени (ср. современные «видел», «читал»).

Рассматривая чередования в основе бесприставочных глаголов, следует обратить внимание на чередование *ъ*//*i* в глаголах **писати** и **читати**. Обе ступени соответствующего корневого гласного представлены в глаголе **писати**; ср. **п с / и а** = **писа** (аорист) № 46, **псании хомоуть** № 78, **грамоту не псану** № 10 (страдательное причастие). Чередование это старое, отмечающееся в древнейших памятниках и восходящее к индоевропейскому чередованию *i*//*ei*; ср. др.-прусск. *peisāi* («пишешь»), др.-инд. *piç* («украшать»), *pēças* («вид, образ, форма»), ступень *i* (< *ei*) выступала в основе настоящего времени, ступень редукции *ъ* (< *i*) — в старой основе аориста, которой свойственна была именно ступень редукции (ср. греч. λείπω—ἔλιπον). Впрочем здесь мы находим ступень редукции лишь в страдательных причастиях прошедшего времени, вообще образованных от основы аориста; в самом же аористе мы находим нормальную ступень, как и в основе настоящего времени, засвидетельствованной в рассматриваемых грамотах лишь в приставочной форме. Однако, вследствие сближения основы аориста с основой настоящего времени на славянской почве, *i* в основе аориста становится возможным уже в древнейших памятниках (ср. **писа**, Ио I, 45, Остромирово евангелие). Подобные формы мы находим и в старославянских памятниках, например в Супрасльской рукописи. Особых замечаний требует глагол **читати** (**ц т / и а** = **цита**, аорист), подобный производным глаголам несовершенного вида. Здесь мы имеем дело, повидимому, со ступенью удлинения редукции. Для древнерусского языка, как и для других древнеславянских языков, засвидетельствованы образования от основы настоящего времени *čьt-*, при основе инфинитива *čit-* (**чьту**, **чисти**). Формы **читати** мы не находим ни в старославянских памятниках, ни в древнерусских памятниках древнейшей эпохи. В «Материалах» И. И. Срезневского

нет ни одного примера на образования от основы *cita-*. В картотеке древнерусского словаря есть один пример из Геннадиевской библии: **читахуся**, но это конец XV в. Нет этой формы и в древнесербских памятниках до XIV в., если не считать **читающи** в сербском списке Шестоднева Иоанна экзарха болгарского 1263 г. Следует иметь в виду, что глагольные основы без приставок со ступенью удлинения редукции в корне представляют собой поздние образования, распространившиеся прежде всего в приставочных образованиях. Вследствие этого форма **цита**, засвидетельствованная в грамоте, относимой А. В. Арциховским к XIV в. (против каковой датировки не возражает и Л. П. Жуковская), представляет определенный интерес.

Следует особо остановиться на глаголах движения.

В грамотах представлены главным образом глаголы линейного движения: **ѣхати** — засвидетельствовано в форме настоящего времени: **едеши** № 8, **еде** № 10; **вести, везу** — в формах настоящего времени и повелительного наклонения: **везе** № 10, **вьзи** (=«вези») № 8; **ити** — в супплетивной форме действительного причастия прошедшего времени: **шло** № 1.

Из глаголов разнонаправленного и повторяющегося движения представлено лишь два: **водити** — в форме причастия настоящего времени **водя** № 9, **ходити** — повидимому, в форме инфинитива **ходи...** № 41.

Для некоторых глаголов движения издавна, начиная с общеиндоевропейской эпохи, засвидетельствовано чередование *e*//*o*. Ступень *e*, характерная для глаголов линейного движения, засвидетельствована в берестяных грамотах лишь для глагола **вести, везу**. Ступень *o*, характерная для глаголов разнонаправленного движения, засвидетельствована для обоих глаголов этого типа, относящихся, как и следует для глаголов данного типа, к IV классу — **ходити, водити.**

Чередование в одном и том же корне представлено в глаголе **водити — вести**; ступень *e* засвидетельствована в приставочном глаголе **поведе** (3-е лицо ед. ч. наст. вр.) № 53.

Некоторых замечаний требует глагол **водити**. Он употребляется в специальном фразеологическом обороте — **водити жену**. В древнерусском языке в этом обороте употребляются глаголы как линейного, так и нелинейного движения. Ср. **к се же времѧ [хотѧху] рогънѣдь вести за ярополка** (Лавр. лет.).; **ведена бы ростислава из Новгорода дщи мьстиславлѧ мьстиславича за ярослава... въ перемславль** (Переясл. лет.); **перваѧ тѧжа роспустъ; другаѧ тѧжа ажь водить кто двѣ жонѣ** (Смоленская уставная грамота 1150 г., в списке XVI в.); **да всякъ члвкъ иже водити хощеть жену да ю водить по закону** (Житие Андрея Юродивого).

Эти примеры показывают, что глагол линейного движения употребляется, когда речь идет о единичном акте, а нелинейного — когда речь идет о повторяющемся акте.

В каком смысле употреблено **водя** в грамоте № 9? Возможно, эта форма употреблена для обозначения не только факта взятия второй жены, но и для

обозначения длительного пребывания во втором браке, на фоне которого развертываются излагаемые Гостятой события.

Из глаголов с приставками лексического значения, выражающими различные пространственные отношения, частью и в переносном значении, в грамотах представлены следующие: **въдати** — в форме, возможно, аориста, а возможно, и будущего времени: **не въдасть** № 9; **выдати** — в форме давнопрошедшего времени: **юрги вылъ выдалъ** № 4; **высълати** — в форме повелительного наклонения: **вышли** № 27; **доѣхати** — в форме повелительного наклонения: **доеди** № 9; **ꙁабыти** — в форме перфекта: **ꙁабыле** № 43; **отъяти** — в форме перфекта: **ѿяли** № 53; **отъвѣчати** — в форме перфекта: **ѿвѣчалъ** № 3; **присълати** употребляется часто, в различных формах, чаще всего в повелительном наклонении: **при/шьли** № 69, **пришли** № 53, 17, 21, 24, **прислать** № 21, **приславъ** № 3; **прити** — в формах настоящего (собственно простого будущего) времени: **придеть** № 40, **приде** № 43; **роꙁдѣлити** — в форме перфекта: **есмь роꙁдилило** № 23 (= «разделил»); **съдаяти** — в форме перфекта: **роди... съдаяли** № 9; **съложити** — в форме перфекта: **сложиле** № 25 (= «сложилъ»), **съписати** — в форме повелительного наклонения **спиши** № 53. Почти все приведенные приставочные глаголы совершенного вида. Большинство приставочных образований соответствует современным. Пожалуй, как на не соответствующие современным можно указать на такие образования, как **доеди**. Приставка *до-* имеется и в современном русском языке; она может быть употреблена в сочетании и с этим глаголом, но в другом значении; в данном же случае в современном языке была бы употреблена приставка *при-*, и притом в составе производного глагола несовершенного вида. Отступает от современных норм и приставочное образование **съдаяли** с приставкой *съ-* в значении совместности, хотя с таким значением эта приставка употребляется и в наше время (ср. **сложили**, существующее и теперь). Глагол **ѿяти** отличается от современной формы отсутствием *н*, присоединившегося к началу корня в результате переразложения. Одна и та же приставка, как и в современном языке, может обладать несколькими лексическими значениями; ср., с одной стороны, **съдаяли, сложиле**; с другой — **спиши** (инфинитив — **съписати**). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие производных приставочных глаголов несовершенного вида, которые на протяжении истории языка получают все большее распространение. Единственным примером такого глагола является **ѿвѣчати** — производный глагол III класса, образованный от глагола IV класса **ѿвѣтити**. Кстати сказать, он здесь не имеет значения несовершенного вида (что для него возможно и в современном языке), поскольку речь идет, как явствует из контекста, о единичном и завершенном действии — **яꙁъ кмꙋ ѿвѣчалъ.**

Из приставочных образований, где приставка выражает конкретно-временное значение, можно указать, повидимому, лишь следующие: **поедꙋть дрꙋжина** № 69, **грамота поведе** № 53, **попецалꙋете** № 49. В первом случае приставка *по-* имеет начинательное значение, как обычно при глаголах дви-

жения. Это значение выступает и во втором случае, хотя и несколько ослабленно. В третьем случае выступает детерминативное значение.

Приставка *въз-*, первоначально имевшая пространственное значение (и в определенных случаях сохраняющая его и до сих пор), а затем обозначавшая начало действия, уже не имеет ни того ни другого значения. В глаголе **въꙁѧти**, выступающем в формах повелительного наклонения и причастия — **къꙁеми** № 78, **коꙁми** № 4, **вꙁѧвъ** № 4, — приставка *въз-* выражает завершенность действия.

Значение исчерпанности действия выступает в приставочном образовании с приставкой *из-*: **иꙁки** № 9. Ср. подобное же значение и в современном языке.

Результативное значение имеют следующие приставочные образования: **ꙁамеркꙁьли** № 69 (с приставкой *за-*), **исправи** № 4, **иꙁвѣли** № 21 (оба с приставкой *из-*, в обоих случаях формы повелительного наклонения); **выткала** № 21 (с приставкой *вы-*). Как показывают только что приведенные примеры, в одном и том же значении (а именно — в результативном) могут выступать приставки *вы-* и *из-*; ср. **выткала** и **иꙁвѣли** (ср. также современное «выбелить»); оба эти образования встречаются в одной и той же грамоте. При употреблении в параллельных образованиях приставок *из-* и *вы-* мы обычно имеем дело со славянизмом и с живой русской формой (во втором случае). Так ли обстоит дело здесь? Приставка *vy-*, получившая распространение лишь в восточнославянской и западнославянской области, является позднейшей сравнительно с *iz-*. Возможно, что остатком некогда распространенного и в восточнославянской области употребления приставки *iz-* является сохранение этой приставки в значении действия исчерпывающегося (такое ее употребление является живым русским, а не возникшим под старославянским влиянием), в котором она уже оторвалась от первоначального пространственного значения. Не употребляется ли здесь приставка *из-* в результативном значении в силу близости к значению исчерпанности? Результативное значение имеет также приставочный глагол **оцистимъ** № 41 — с приставкой *о* (1-е лицо мн. ч. буд. вр.).

В некоторых случаях приставки выражают (в наиболее обобщенном виде) лишь завершенность (законченность) действия. Таково значение приставки *по-* в следующих образованиях: **пождлъ** № 9; **постои** № 5 — повелительное наклонение от глагола **постоѧти; покосиле есмь** (=«покосилъ есмь») № 53 — перфект от глагола **покосити** (этот глагол возможен и в детерминативном значении, но здесь контекст явно указывает на завершение покоса: после того, как автор покосил пожню, у него накошенное отняли); **еси... поꙁналъ** № 25; **положи** № 25 — повелительное наклонение от **положити; послала ѧꙁо** № 27.

Значение только совершенного вида может придавать глаголу приставка *съ-*. Таково значение следующих образований с этой приставкой: **съткорѧ** № 9 — причастие настоящего времени от глагола **съткорити**; **(с)к(р)ъи** № 8 — повелительное наклонение от глагола **съкрыти**. Значение же только совершенного вида придает и приставка *на-* в таком образовании, как **написако** № 27 (=«написавъ»), причастие прошедшего времени от глагола **написати.**

Из приведенных только что форм требует особого замечания **съткорѧ**. Это — причастие настоящего времени совершенного вида. От глаголов совершенного вида образуется теперь и обычно образовывалось в древности причастие прошедшего времени. Но в некоторых приставочных образованиях у нас получают значение причастий прошедшего времени совершенного вида формы, которые без приставки имеют значение настоящего времени несовершенного вида. Так, например, в современном языке обычно употребляются в значении причастия прошедшего времени совершенного вида *придя*, *отнеся*, а не *пришедши*, *отнесши*. Но есть ли основания утверждать, что с подобным явлением мы имеем дело и в случае **съткорѧ**? Причастие обозначает здесь действие, связанное во времени с другим действием, выраженным повелительным наклонением также совершенного вида (**доєди**). Самое действие, как еще не совершенное, лежит в будущем. Причастие настоящего времени от глагола совершенного вида должно получить значение будущего времени («сделающий»).

В связи с вопросом о виде надо сказать еще несколько слов о соотношении настоящего и будущего времени. С развитием противопоставления совершенного и несовершенного видов связано закрепление формы настоящего времени совершенного вида в значении простого будущего времени. Соответствующие формы и имеют обычно такое значение. До этого настоящее и будущее время (если оставить в стороне сложные формы будущего времени) в древнерусском языке были формально не разграничены. Возможно, что некоторые следы такого неразграничения можно заметить и в рассматриваемых грамотах. Ср. **поєдуть дружина** № 69, где явно значение будущего времени, выраженное формой совершенного вида, и **єдеши по коровѹ** № 8, где, судя по контексту, также должно быть будущее время (стоящее рядом повелительное наклонение указывает на то, что действие еще не совершилось).

ЗАЛОГ

Формы рассматриваемых грамот дают очень мало материала для суждения о залоговых отношениях древнерусского языка. Как уже говорилось выше, отмечено всего два случая страдательных причастий прошедшего времени, — оба в атрибутивном употреблении. Что же касается возвратных форм, то их очень мало; заведомых всего две (одна — в настоящем времени, другая — в перфекте, обе в непереходном значении): **кланяюся** № 41 — **нє оувѣдалсѧ** № 4. В обоих случаях возвратное местоимение непосредственно следует за глагольной формой. Насколько такое положение вещей является стабилизированным, судить из-за недостаточности примеров трудно. Вероятно, третьим примером можно считать — **угодицє** № 21 (=«угодиться»), если принять чтение В. И. Борковского, которое является более убедительным, чем чтение А. В. Арциховского. И здесь энклитическое возвратное местоимение также следует непосредственно за глагольной формой. По значению **угодицє** безлично-непереходный глагол.

Выводы

Черты, которые обнаруживаются в рассматриваемых грамотах, частью известны вообще древнерусским памятникам, частью же и специально новгородским памятникам соответствующих эпох.

Так, в грамотах обнаруживается взаимодействие твердой и мягкой разновидностей основ на *-а*, приводящее к образованию единой формы для род., дат. и местн. пад. ед. ч., но оно, хотя и в ограниченном объеме, известно новгородским памятникам уже в XI в. (это явление отражается, например, уже в Новгородском Минее 1095 г.).

Это взаимодействие обнаруживается в известной мере как в склонении основ на *-о*, так и между склонениями основ на *-о* и основ на *-й*. Некоторые факты вместе с тем говорят о разрушении основ на согласные, именно основ на *-s:* впрочем последние вообще в русском языке разрушаются очень рано. От согласных основ сохранилась лишь старая форма им. п. мн. ч. с окончанием *-о*. Примеров на старые согласные основы вообще очень немного. Вместе с тем, в целом, держатся старые основы на *-ĭ*, в том числе и мужского рода (*путь*), хотя здесь, надо сказать, также очень мало примеров.

Ясных примеров двойственного числа в берестяных грамотах нет, и вообще очень мало случаев, где, согласно древним нормам, двойственное число могло бы быть использовано. В сочетаниях с числительными, как уже сказано, некоторые примеры могут быть поняты как двойственное число, но могут объясняться и иначе.

Интересно отметить (если это только не объясняется ограниченностью материала) для всех грамот, начиная с древнейших, отсутствие косвенных падежей именных прилагательных и причастий, за исключением, как было уже сказано, одного примера, восходящего к апокрифической литературе.

Особых замечаний требует родительный-винительный падеж для выражения категории одушевленности. Как показывают приведенные примеры, старая форма винительного падежа сохраняется не только для названия животных, но и для существительного *человѣкъ*, что встречается даже в грамоте, относящейся к XV в. Это подтверждает замечание, высказанное некогда еще Мейе по поводу того, что старая форма винительного падежа для названий лиц дольше сохраняется в северорусском наречии, в частности — в Новгороде[1]. Единственный достоверный случай формы родительного-винительного отмечен для местоимения притяжательного ед. ч. муж. р. в сочетании **ꙁа нашего сироту** в грамоте № 5. Интересно, что новая форма является здесь в сочетании с предлогом, а в этих сочетаниях вообще дольше держалась старая форма винительного падежа.

Любопытны случаи употребления аориста, почти достоверные в древнейшей из рассматриваемых грамот, что говорит об употреблении этой формы в живом

[1] См. A. Meillet. Recherches sur l'emploi de l'accusatif-génitif en vieux-slave. Paris, 1897.

языке того времени. Но более поздние грамоты не свидетельствуют о сохранении аориста. Употребление аориста в школьной шутке (предположительно XIV в.) не свидетельствует о наличии его в живом языке того времени. Вообще же рассматриваемый материал подтверждает предположение о более длительном сохранении аориста на севере.

Специфически новгородской чертой, известной древним новгородским памятникам, но до сих пор удовлетворительно не разъясненной, является окончание *-е* в им. п. ед. ч. имен с основой на *-о* и в причастиях на *-л-*. Эти формы в наших грамотах представлены.

Из диалектных черт следует отметить еще новую форму родительного падежа возвратного местоимения **себѧ**, характерную вообще для северных говоров и отмеченную в грамоте XV в. Впрочем, несмотря на то, что берестяные грамоты являются документами неофициального характера и, следовательно, ближе стоят к живой речи, определенная письменная традиция сказывается и на них. Остальные формы местоимений имеют старый облик.

Для многих русских говоров, в частности и для новгородских, характерны формы 3-го лица глагола настоящего времени без окончания *-t*. Такие формы в наших грамотах имеются, но лишь для единственного числа I спряжения, а в этой категории они наблюдаются иногда уже в древнейших русских памятниках.

В. И. БОРКОВСКИЙ

СИНТАКСИС

Для полной характеристики синтаксической системы языка того или иного периода необходим большой материал. Такого материала найденные берестяные грамоты не дают. Каждая из грамот, представляющих частные письма, содержит несколько предложений. Число предложений, даже в грамотах, текст которых сохранился от начала до конца, не превышает семи. Только в грамотах-записях находим сравнительно большое количество предложений: 18 — в грамоте-записи № 1 и 17 — в грамоте-записи № 2. Однако текст грамоты-записи № 1 весьма однообразен по своей синтаксической структуре. Текст грамоты-записи № 2 отличается от текста грамоты-записи № 1, но в самой записи предложения однотипны.

Всего в грамотах-письмах, грамотах-записях, грамоте-надписи, грамоте—школьной шутке, грамоте—расписании соколиной охоты 100 предложений[1], при этом некоторые не имеют или начала, или конца в связи с тем, что грамоты, содержащие данные предложения, оборваны (13 грамот из 25), и приходится только догадываться, какова структура этих не сохранившихся в целом виде предложений.

Вот почему представляется возможным сделать выводы лишь о некоторых синтаксических явлениях, характерных для древнерусского языка, преимущественно для памятников деловой письменности.

То обстоятельство, что берестяные грамоты написаны частными лицами, при этом «простыми людьми», и представляют собой, как отмечено во «Введении», непосредственную запись устной речи, позволяет в ряде случаев (но далеко не во всех, поскольку в грамотах имеются и штампы — традиционные обороты) при анализе языка грамот решить вопрос, в какой степени то

[1] В зависимости от того, как понимать текст той или иной грамоты, возможны некоторые, весьма незначительные поправки к приведенной нами цифре (при подсчете предложений мы исходили из нашего чтения и перевода текста грамот — см. «Приложения», где учтены наши чтение и перевод текстов).

или иное синтаксическое явление, засвидетельствованное другими древнерусскими памятниками, характерно для живой разговорной речи.

Таким образом, ценность материала, который дают нам берестяные грамоты, заключается и в том, что он позволяет проверить, уточнить уже имеющиеся сведения о синтаксической системе древнерусского языка.

Следует отметить, что все грамоты (за исключением одной — № 9) принадлежат сравнительно позднему времени — XIII—XV вв.[1]

Поэтому приходится говорить почти исключительно о синтаксических явлениях XIII и следующих веков.

Прежде чем перейти к анализу синтаксических явлений грамот, следует подчеркнуть полное преобладание простого предложения над сложным: из 100 исследуемых предложений 80 случаев приходится на простое, причем в грамотах-записях встречаются только простые предложения.

Рассмотрим последовательно простое и сложное предложения в берестяных грамотах.

Предварительно остановимся на членах предложения (как простого, так и сложного).

Подлежащее обычно выражено именем существительным (в том числе и собственным) в именительном падеже[2]: **єже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то ꙁа нимь** № 9; **поєдуть дружина савина чадь** № 69; **поклоно ѿ фнлипа...** № 6 (см. также №№ 53, 3, 49, 17, 23, 27); **...куды грамота повеле** № 53; **...и ѡꙁерици. оу мене сѣно ѿѧли** № 53; **прислав онаньꙗ. мол(вилъ)...** № 3; **...не реклъ ми єсифъ карити переварꙑ ни на кого** № 3; **... юрги. бꙑлъ. кꙑдалъ. со двора** № 4; **невѣжа писа недума**[3] **каꙁа** № 46; **ѹ жидили кѹница** № 2; **воликомо островѣ кѹница** № 2; **ꙁемлѧ готова надо.бь сѣмѧна** № 17; **єсть градъ межу нобомъ и ꙁемлею а к ному еде посолъ беꙁъ пути** № 10; **а пѧнтьликь видьль самь** № 23; **ухо к тобѣ с васильємъ со желутковꙑмъ** № 25; **...и нѣмцине с себе поводъ сложи(ле)** № 25.

Часто встречается в берестяных грамотах в роли подлежащего личное местоимение, реже — другие местоимения: **єже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то ꙁа нимь** № 9; **ѧ на ѧрославли добръ ꙁдоровъ и с григорємь** № 69; **прислав онаньꙗ мол(вилъ)... ꙗꙁъ єму ѿвѣчалъ не реклъ ми єсифъ карити переварꙑ ни на кого і ѡнъ**[4] **прислалъ къ федосьі вари тꙑ пивъ** № 3;

[1] Если принять датировку, предложенную археологами и историками, то и в этом случае к XI—XII вв. относится лишь пять грамот (из них к XI в. одна — № 9, к XII в. четыре — № 7, 8, 69, 78).

[2] Приводим примеры сначала из более ранних, затем из более поздних грамот

[3] **Недума** образовано по типу **невѣжа**.

[4] Относительно значка перед **ѡнъ** и после **федось** М. Н. Тихомиров замечает, что он похож на перечеркнутую букву **і**. Автор высказывает предположение, что это разделитель-

а хто се цита № 46; **кто придеть ꙁ берестомъ** № 40; **пришли осподине цавкъ. спроста. а мы не смиемъ імать ржи беꙁъ твоего слова** № 17; **...уоꙁцин(ку)---выткала и ты ко мнѣ пришли** № 21; **а не угодице с кымъ прислать и ты у себѧ иꙁбѣли** № 21; **ухо к товѣ с васильемъ со желут-ковымъ и ты ухо положи на судѣ а на мене се шли на томъ...** № 25; **поклоно ѿ фалеѧ ко есифу послал/. аꙁо к тоби. beросто** № 27.

Интерес представляет употребление местоимений 2-го лица при повелительном наклонении глагола и 1-го и 2-го лица при изъявительном наклонении (всего семь случаев), благодаря чему предложение является двусоставным, при господствующем в берестяных грамотах типе односоставного — определенно-личного предложения (32 случая).

Во всех четырех случаях с местоимением **ты** при форме повелительного наклонения (без личного местоимения 2-го лица ед. и мн. числа — 19 случаев) имеет место нарочитое подчеркивание субъекта действия, не сопровождаемое при этом постановкой обращения (в этом случае субъект действия был бы особенно заметно подчеркнут).

Местоимения-подлежащие **аꙁъ** и **мы** в примерах из грамоты № 3 и грамоты № 17 (при форме изъявительного наклонения) употреблены, повидимому, для противопоставления одних действующих лиц (автора письма в грамоте № 3 и автора вместе с другими лицами в грамоте № 17) другим действующим лицам, названным в предыдущем предложении (**онаньи** — в грамоте № 3, адресат — в грамоте № 17).

То обстоятельство, что берестяная грамота № 17 принадлежит сравнительно позднему времени (конец XIV—XV в.), не противоречит высказанному выше предположению: еще в XV—XVI вв. нормой в грамотах было односоставное предложение. Пример из грамоты XV в. — № 27, в котором на местоимении, по всей вероятности, нет логического ударения, не вызывает замечаний: первые случаи с местоимением без логического на нем ударения находим, как нами отмечалось в «Синтаксисе древнерусских грамот»[1], уже в грамоте XIII в. (расширяется такое употребление в грамотах XV—XVI вв.).

Таким образом, личное местоимение 1-го и 2-го лица при изъявительном наклонении встретилось всего три раза (без личного местоимения — 13 случаев).

ный знак (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, стр. 26). Однако есть основание видеть здесь перечеркнутое і: странной кажется форма **федось** без **и** — без окончания в дат. п. ед. ч. Повидимому, следует читать **федосьі**. Буква **і** перед **онъ** вполне возможна: **и** встречается в новгородских берестяных грамотах в начале предложения (см. грамоту № 25). К такому же выводу приходит Л. П. Жуковская (см. главу «Палеография») на основании палеографического анализа. Отметим, что и предложение **і ты до углеца и ту пакъ дружина** (грамота № 69) Л. П. Жуковская читает: **і ты до углеца и ту пакъ дружина**. Мы принимаем ее чтение.

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949, стр. 97.

В грамоте XIV в. № 3 употреблено в роли подлежащего местоимение **ѡнъ**, которое указывает на имя существительное **онанья**, выступающее в роли подлежащего во втором предложении от начала; местоимение **ѡнъ** отделено от заменяемого им имени **онанья** предложением с прямой речью.

Отметим, что и в берестяных грамотах XI—XIV вв., представляющих собою частные письма, как и в грамотах на пергамене того же периода, являющихся официальными документами, чаще встречаются случаи без местоимения **ѡнъ**.

Таким образом, употребляются неполные предложения — без подлежащего — имени существительного или указывающего на него местоимения **ѡнъ**, поскольку существительное в роли подлежащего или дополнения уже имеется в предыдущем предложении: **еже ми отьць давалъ и роди съдавали а то за нимь а нынѣ** (**отьць**. — *В. Б.*) **кода накоую женоу а мънѣ не къдасть ничьто же изби въ роукы поустилъ же мя а иноую поялъ** № 9; **постои. за нашего сироту. молви. дворянину павлу. петрову брату. дать. грамотѣ.** (**дворянинъ павелъ петровъ**. — *В. Б.*) **не дасть. на него** № 5.

В приведенном выше примере из грамоты № 69 с личным местоимением **я** подлежащее выражено не только этим местоимением, но и сочетанием местоимения **я** с существительным в тв. п. с предлогом **с**: **я на ярославли добръ ѕдоровъ и с григоремь** № 69.

Вследствие того, что слова **с григоремь** стоят не рядом с местоимением **я**, с которым они связаны и формально и по смыслу, а на конце предложения и присоединены к тексту, который и без этих слов является законченным союзом **и**, способствует известной самостоятельности слов **и с григоремь**.

Приведенное выше предложение по своему построению, повидимому, было характерно для живой разговорной речи.

Отметим случай, когда имеется только творительный падеж с предлогом, а указание на субъект, который мог бы быть обозначен именительным падежом (личного местоимения), содержится в форме глагола (предложение является определенно-личным): **рожь несмь роѕдилило. с ольксои съ гафанкомо.** № 23.

Случаи с подлежащим — количественным сочетанием встретились только в грамотах-записях (№ 1 и 2, особенно в грамоте № 2). Отметим попутно, что сказуемое-причастие на *-лъ* имеет форму среднего рода: **ѹ фомѣ. г҃. кѹници** № 2 (см. еще сходные случаи в той же грамоте); **ѹ матеши .в҃. кѹници** № 2 (см. еще сходные случаи в той же грамоте); **ѹ намѣста .в҃. бѣли.** № 2; **ѹ вихтимаса .в҃. бѣлоки** № 2; **ѹ лопинкова .ѕ҃. бѣло** № 2; **ѳомѣ шло...** (**п**)**оѕема. трицать і три бл** № 1; **а с овсѣнка села шло .к҃. блъ. дару** № 1 (см. еще сходные случаи в той же грамоте).

В грамотах преобладает п р о с т о е сказуемое. Чаще всего находим формы изъявительного наклонения (58 случаев). Однако весьма значительно и число предложений с повелительным наклонением (23 случая).

Из форм изъявительного наклонения реже всего употребляется настоящее и будущее время (только простое; будущее сложное не встретилось).

В шести случаях настоящее время обозначает действие, протекающее постоянно, без ограничений во времени. Мы отнесли к этим случаям и употребление **есть** (см. ниже пример из грамоты № 10) со значением «имеется»: **і ѡнъ прислалъ къ федосьі вари тьі пивъ сѣдишь на везатьщинѣ не варишь жито** № 3; **в неи гвозду. а стоать во потклѣтѣ** № 40; **есть градъ межу новомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути. самъ нимъ везе грамоту непсану** № 10.

В приведенных ниже двух примерах настоящее время обозначает действие, одновременное с моментом речи: **а едешн по коровѣ** № 8; **а вамъ кланаемса** № 41.

Здесь же отметим и пример, в котором глагол в личной форме (**смиемъ**) указывает, что действие, обозначенное инфинитивом (**імать**), приурочено к моменту речи: **а мьі не смиемъ імать ржи безъ твоего слова.** № 17.

Семью случаями представлено употребление будущего простого: **поедуть дружина савина чадь** № 69; **спиши список с купнои грамотѣ да пришли сѣмо кудьі грамота повезе** № 53; **кто придеть з берестомъ** № 40; **землю вамъ оцистимъ.** № 41; **како. приде. са. грамота. тако. пришли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ** № 43; **какъ се гдо мною попецалуете и моими дѣтми** № 49; **а не угодице с кьімъ прислать и тьі у себа изьвѣли** № 21.

Отметим попутно употребление в первом из приведенных выше примеров — из грамоты XIII в. (по предположению А. В. Арциховского — XII в.) — множественного числа сказуемого при собирательном слове, что было обычным для древнерусских памятников, в частности — для грамот, и что имеет место и в современных территориальных говорах[1].

Так как в берестяных грамотах сообщается преимущественно о событиях, имевших место в жизни автора письма или других лиц, в грамотах господствуют формы прошедшего времени (42 случая) Аорист представлен шестью случаями: **а ньінѣ вода новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же изби въ роукьі поустилъ же ма** № 9; **постои. за нашего сироту. молви. двораниноу павлу. петрову брату. дать. грамотѣ. не дасть.**[2] **на него.** № 5; **невѣжа писа недума каза а х(то се цита)** № 46 (школьная шутка).

---

[1] Примеры из древнерусских грамот и из записей диалектной речи см., в частности, в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот», стр. 37—43 (там же и литература по данному вопросу).

[2] О формах **въдасть** и **дасть** как формах аориста см.: В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 134 и 136. См. также главу «Морфология» настоящей книги, стр. 131—132; П. С. Кузнецов считает возможным рассматривать форму **въдасть** (и менее вероятным — форму **дасть**) как форму аориста.

Из форм прошедшего времени чаще всего встречается перфект (35 случаев), при этом преобладают формы 3-го лица ед. и мн. ч. перфекта (25 случаев; все случаи — без связки): **кже ми отьць дал҃ъ и роди съдали а то за нимь** № 9; **изби (отьць.** — *В. Б.*) **въ роукы поустилъ же ма а иноую помлъ** № 9; **оугличане замерьзьли на ӕрославли** № 69; **покосиле есмь пожню и ѡзерици оу мене сѣно ѿѧли** № 53; **приславъ. ананьи мол(вилъ)**[1]... № 3; **ӕзъ кму ѿвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити переварꙑ ни на кого** № 3; **і ѡнъ прислалъ къ федосьі кари тꙑ никъ** № 3; **ѳомѣ шло... (н)озема трицать і три ба** № 1 (см. еще сходные случаи в той же грамоте); **а пантьликь видьль самь** № 23; ...**и нѣмцине с себе поводъ сложи(л)** № 25.

Реже представлены в грамотах формы 1-го и 2-го лица (только ед. ч.) — 10 случаев, из них в 7 случаях связка употребляется: **покосиле есмь пожню и ѡзерици. оу мене сѣно ѿѧли** № 53; **цто ксмь. руцилъ. оу петра...** № 4; **(а ре)клъ. кси железного п(ол)...** № 4; **было ксми ѡсподин(ь). на пустопьржи. рожь ксмь роздилило. с олькcон. съ гафанкомо.** № 23; **и тꙑ ухо положи на судѣ. а на мене се шли на томъ. цто еси конь познал у нѣмцина и ухо кси за мене дале и нѣмцине с себе поводъ сложи(л)** № 25.

Отсутствует связка в 1-м и 2-м лице перфекта в следующих примерах: **да пришли. сороцицю. сороцицѣ забꙑле.** № 43; **ӕзъ кму ѿвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити переварꙑ ни на кого** № 3; **послал/. азо к тоби. веросто** № 27.

Во втором и третьем примерах, при отсутствии связки, на лицо указывает личное местоимение (постановка местоимения объяснена выше, где говорится о местоимении в роли подлежащего).

Интерес представляет первый пример, где нет ни связки, ни личного местоимения. Автор грамоты-письма № 43 дает поручение жене и рассказывает о себе (в грамоте дважды **ми: пришли ми... ми. здѣсе. дѣлъ. много.**).

В берестяных грамотах встретился только один пример с типично древнерусской формой давнопрошедшего времени, состоящей из причастия на *-лъ* данного глагола и описательной формы прошедшего совершенного вспомогательного глагола *былъ есмь*. В нашем примере в описательной форме перфекта связка отсутствует, поскольку употреблена форма 3-го лица: **цто ксмь. руцилъ. оу петра. на городищѣ. н(о) юрги. былъ. вꙑдалъ. со двора.---не оувѣдалсѧ. а мене вꙑдалъ.** № 4.

Отметим, что давнопрошедшее время употреблялось в деловой письменности редко (со значением действия в его результате, предшествующего дру-

[1] В отличие от М. Н. Тихомирова (см. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 26) считаю, что в грамоте написано **молвилъ**, а не **молви** (форма повелительного наклонения или форма аориста).

гому действию), так как сам контекст позволял установить последовательность действий, имевших место в прошлом (см., в частности, выше примеры на употребление перфекта из грамот № 9 и 53).

Во многих грамотах-письмах содержится распоряжение или просьба, поэтому часто употребляется в роли сказуемого повелительное наклонение (23 случая): **доеди добрѣ съткорѧ** № 9; **пришьлить**[1] **лошакъ съ ѧковьцемь** № 69; **+въꙁеми оу тимоще одиноу на десѧтѣ грикъноу** № 78; **сочита**[2] **оу короман...** № 7; **да молоки емѹ** № 8; **а (вьꙁи три грикьнѣ)** № 8; **спиши список с купнои грамотѣ да пришли сѣмо кудъы грамота поведе** № 53; **і ѡнъ прислалъ къ федосьі кари тъі пивъ** № 3; **а тъі н... ...ндръ исправи госп... коꙁми. сапоꙁѣ.** № 4; **постои. ꙁа нашего сироту. молви дворѧнину павлу. петрову брату. дать. грамотѣ.** № 5; **како приде. сѧ. грамота. тако. пришли ми. целовѣкъ. на жерепцѣ** № 43; **да пришли. сороцицю. сороцицѣ ꙁавъіле.** № 43; **пришли осподине цавкъ. спроста.** № 17; **даите (намъ колно ходи---)** (очевидно, **ходити.** — *В. Б.*) № 41; ...**хоꙁцин(ку) къіткала и тъі ко мнѣ пришли** № 21; **и тъі у себѧ иꙁвѣли** № 21; ---**(цол)овѣком(ъ) грамотку пришли. таино** № 24; **и тъі ухо положи на судѣ а на мене се шли на томъ цто еси конь поꙁналъ у нѣмцина** № 25; **къшли ꙁа...** № 27.

Особое место занимают примеры с употреблением в роли сказуемого причастия действительного залога (без вспомогательного глагола), которое является в этих случаях второстепенным сказуемым, тяготеющим к главному сказуемому, выраженному глаголом, и не равносильным глагольному сказуемому.

Берестяные грамоты, как и исследованные нами грамоты на пергамене, дают мало материала для выяснения значения причастия как второстепенного сказуемого.

В роли сказуемого причастие действительного залога (в поздней грамоте — деепричастие) встретилось только два раза (учитываем наиболее достоверные, с нашей точки зрения, случаи): **еже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли а то ꙁа нимь а нынѣ водѧ новоую женоу а мънѣ не къдасть ничьто же** № 9; **прислакъ онаньꙗ. мол(вилъ) ...иꙁъ кму ѿвѣчалъ...** № 3[3].

В первом из приведенных выше примеров устойчивое словосочетание **водѧ женоу** близко по значению к словосочетанию, в которое входит глагол, —

[1] Возможно: **пришьли ть лошакъ**. См. главы: «Фонетика», стр. 82, «Морфология», стр. 133.

[2] О возможности другого толкования этой формы см. в главе «Морфология», стр. 133 и в «Указателе», стр. 207.

[3] П. С. Кузнецов (см. главу «Морфология», стр. 108) считает, что **онаньꙗ** — форма род.-вин. п. мягкой разновидности основ на *-а*. Мы полагаем, что **онаньꙗ** — им. п. мягкой разновидности основ на *-а* и что, следовательно, это слово является в предложении подлежащим, а не дополнением.

имеет жену. Что **вода** является второстепенным сказуемым, а не определением и тем более не обстоятельством, видно из постановки союза **а** между сказуемым, выраженным причастием **кода**, и глагольным сказуемым **не въдасть** (удельный вес формы **не въдасть** в предложении более значителен, чем **вода**).

Второй пример употребления причастия в роли второстепенного сказуемого представлен в более поздней грамоте — XIV в. В этом примере причастие **приславъ** относится не к глаголу **мол(вилъ)**, а непосредственно к подлежащему **онаньı**, стоящему между второстепенным сказуемым **приславъ** и глагольным сказуемым **мол(вилъ)**.

Поэтому чтение М. Н. Тихомирова: «**Прислав Онань, молв(и)** . . .»[1] (постановка запятой после причастия) представляется нам правильным.

Случаев с составным сказуемым в берестяных грамотах немного (семь примеров).

Имя прилагательное в составе сказуемого имеет именную форму. Таковы два случая без глагола-связки: **ꙁемла готова надобь сѣмана** № 17; **есть градъ межу. нобомъ и ꙁемлею а к ному еде посолъ беꙁъ пути. самъ нимъ веꙁе грамоту неисану** № 10.

Здесь же отметим случай, где прилагательные в именной форме употреблены без глагола, обозначающего пребывание в состоянии (*живу*): **а на ярославли добръ ꙁдоровъ и с григоремь**. № 69.

В связи с этим примером из грамоты XIII в. (по предположению А. В. Арциховского — XII в.) следует вспомнить сходный случай из более поздней грамоты — грамоты бояр и мещан полоцких в Ригу 1476 г: **А ваша милость живѣте добри зъдорови и същастьни**[2].

Одним случаем представлено употребление местоимения в роли именной части сказуемого (при местоимении имеется связка): **осьмнѹн** (дальше стоит написанный в обратную сторону **ь**. — *В. Б.*) **скръи гѹчькѹ чья . . . (е)сть корова** № 8.

Наречие в составе сказуемого встретилось дважды.

В одном случае наречие, входящее в состав сказуемого и относящееся к словам категории состояния (**надобь**), стоит в личном предложении; в другом наречие (**ньмного**) употреблено в безличном предложении: **ꙁемла готова надобь сѣмана** № 17; **ньмного ѡсподинь. ржи. на твою. цасть. два ѡвина. цьтвьрти**. № 23.

Особо отметим случай, когда в безличном предложении сказуемым является устойчивое словосочетание из глагола *есть* с отрицанием (в форме *нѣтъ*) и управляемого им слова: **оу мене бориса в животѣ нѣтъ** № 49.

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 28.

[2] См. грамоту № CCLXIV в издании: К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. СПб., 1868, стр. 232.

Сказуемое в простом полном личном предложении, как правило, следует за подлежащим (в том числе и в предложении перед прямой речью): **оуглицане ꙁамерьꙁьли на ꙗрославли** № 69; **ꙗзъ кѥму ѿвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити переваръı ни на кого** № 3; **і ѡнъ прислалъ къ федосы вари тъı пивъ** № 3; **а мъı не смиѥмъ імать ржи беꙁъ твоѥго слова** № 17; **а пантьлиѥ видьль самь** № 23.

Приведенные примеры представляют особенный интерес потому, что в двух из них подлежащим является личное местоимение 1-го лица, не имеющее при себе приложения.

Как известно, такие случаи в грамотах, написанных на пергамене, встречаются крайне редко: в 219 исследованных нами грамотах только восемь примеров с подлежащим — личным местоимением 1-го лица (с местоимением 2-го лица, как и в берестяных грамотах, примеров нет) без приложения при нем (с приложением — 37 случаев без инверсии и 3 случая с постпозицией подлежащего — личного местоимения).

Случаев с инверсией четыре: **поедуть дружина савина чадь** № 69; **ꙗꙁъ кѥму ѿвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити переварꙑ ни на кого** № 3; **і ѡнъ прислалъ къ федосы вари тъı пивъ** № 3; **послал/. ꙗꙁо к тоби. беросто** № 27.

Выдвижение на первое место сказуемого в приведенных выше двух примерах с прямой речью вызвано стремлением обратить на него внимание, подчеркнуть его в речи. Сказанному не противоречит то, что местоимение **тъı** в третьем примере, несомненно, имеет на себе логическое ударение: в памятнике XIV в. личные местоимения 1-го и 2-го лица, как правило, были носителями логического ударения, где бы они ни стояли в предложении.

Определение, согласующееся со своим определяемым словом в роде, числе и падеже, особых замечаний не вызывает.

Определение в грамотах выражено именем прилагательным, причастием страдательного залога (в грамоте № 10 — адъективировавшимся) и местоимением: **а нынѣ водѧ новоую женоу** № 9; **а иноую** (опущено: **женоу**. — *В. Б.*) **поѧлъ** № 9; **поедуть дружина савина чадь** № 69; **+ въземи ... на конѣ псанин хомоут(ь) и коже и оголове и попоноу.** № 78; **спиши списокъ с купнои грамотѣ** № 53; **постои. ꙁа нашего сироту. молви. двораниноу павлу. петрову брату. дать. грамотѣ.** № 5; **поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моѥи къ братьи.** № 49; **(а)ѣкꙋѥвь бѣла росомꙋха**[1] № 2; **воликомо островѣ кꙋница** № 2;

---

[1] О слове **бѣла** см. в отделе «Морфология», стр. 119, где П. С. Кузнецов предлагает ряд толкований этой формы. Мы полагаем, что **бѣла** — именная форма прилагательного, сохранившаяся (в роли определения) в связи с обычным употреблением в одном словосочетании-наименовании: **бѣла росомꙋха**. Сходной причиной объясняется и употребление именной формы причастия в словосочетании: **грамоту непсану**.

П. С. Кузнецов (см. стр. 134) правильно указывает, что именная форма, возможно, объясняется тем, что употреблено причастие в стабилизировавшемся традиционном тексте.

поклонъ ѿ михаілі. к осподину скокму тимофию. № 17; а мы не смиємъ імать ржи безъ твокго слова. № 17; с менова села № 1; а с васильева с(ела) № 1; с ошкина села № 1 (см. еще сходные случаи в той же грамоте); есть градъ межу нобомъ и землею а к нему еде посолъ безъ пути самъ нимъ везе грамоту непсану № 10; поклоно ѿ карпа. к осподину. мокму. фоми. № 23; ньмного ѡсподинь. ржи. на твою. цасть. два ѡвина. цьтвьрти. № 23; а пѧнтьликь видьль самь. № 23.

Определения-прилагательные последовательно употребляются в препозиции к определяемому слову.

Адъективировавшееся причастие с отрицанием при нем (непсану) стоит в постпозиции к определяемому слову (грамоту), при этом на конце предложения; оба эти обстоятельства способствуют его выделению в тексте (ср. пример из грамоты № 78, где имеет место препозиция причастия, вследствие чего на нем нет логического ударения).

Притяжательные местоимения, как правило, предшествуют определяемому слову, однако в словосочетании осподинъ свои (или осподинъ мои) определение-местоимение находится в постпозиции к определяемому слову.

Повидимому, в данном словосочетании такая постпозиция была обязательной, как обязательной была постпозиция определения-местоимения *нашь* при слове *государь* (или *господарь*) в грамотах, написанных на пергамене[1].

Определение-местоимение самъ, употребление которого вызвано стремлением автора письма подчеркнуть действующее лицо-подлежащее, обозначенное именем существительным, стоит в обоих случаях (в грамоте № 10 и в грамоте № 23) в постпозиции к определяемому слову.

Благодаря тому обстоятельству, что в примере из грамоты № 10 местоимение самъ, стоящее между двумя сказуемыми (одно выражено глаголом, другое — прилагательным), вместе со вторым сказуемым обособляется, функции местоимения самъ оказываются близкими к функциям подлежащего.

Отметим повторение предлога, вызванное необходимостью подчеркнуть слова, при которых стоит предлог (определение или приложение, определяемое слово): поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моки къ бъратьи. № 49; рожь ксмь роздилило. с олькснои. съ гафанкомо. № 23; ухо к тобѣ с василькмъ со желутковъімъ № 25.

Дополнение в берестяных грамотах выражено именем существительным, местоимением и именем числительным количественным (в сочетании с именем существительным) и замечаний не вызывает.

Следует отметить только случай, когда в роли дополнения выступает субстантированное прилагательное (в местоименной форме): (а ре)клъ. кси железного. п(ол)... рубль. взѧвъ. № 4.

---

[1] См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 300.

Представляет интерес употребление отдельных падежей. В приведенном ниже примере дополнение, зависящее от инфинитива, стоит в род. п., хотя отрицание относится не к инфинитиву, а к глаголу: **а мы не смиемъ імать ржи безъ твоего слова.** № 17.

Повидимому, здесь род. п. «части» (**ржи**) при глаголе *имати* употреблен так же, как в следующем примере из новгородской договорной грамоты с великим князем Ярославом Ярославичем (второй) 1265 или 1264 г.: **а ѿ новгородьцѧ. и ѿ новоторжьцѧ. оумыта имати. ѿ воза. по. в҃. векши**[1].

В следующем примере предлог **на** с вин. п. употреблен в значении «для»: **не реклъ ми есифъ карити перекары ни на кого** № 3.

В грамотах встретилась только форма вин. п., причем как от наименований животных, так и от наименований лиц: **пришьлить лошакъ съ жоковьцемь** № 69; **пришли осподине цалкъ. спроста.** № 17; **а на мене се шли на томъ. что еси конь позналъ у нѣмцина...** № 25.

Пример из грамоты № 17 свидетельствует о том, что еще в XIV—XV вв. в живой разговорной речи употреблялась форма вин. п. ед. ч. от слов, обозначающих лицо (грамоты этого периода, написанные на пергамене, говорят о господстве в вин. п. ед. ч. формы род.-вин. п. у существительных данной категории).

С местоимением встретилось в вин. п. только три случая (как без предлога, так и с предлогом), причем все с личным местоимением 1-го лица в форме родительного падежа. Один из примеров представлен в грамоте XIV в., остальные — в грамоте XV в.: **а мене въıдалъ** № 4; **а на мене се шли на томъ...** № 25; **и ухо еси за мене дале...** № 25.

Формы род. п. от личных местоимений 1-го лица в грамотах XIV в., написанных на пергамене, как известно, полностью преобладают, хотя еще и в грамотах этого периода формы вин. п. держатся устойчиво, в грамотах же XV в. формы вин. п. встречаются редко (находим их преимущественно в установившейся формуле: *чимъ мя (ны, тя) благословилъ...*).

Таким образом, материал берестяных грамот подтверждает имеющиеся данные об употреблении в деловой письменности форм род. п. личных местоимений вместо форм вин. п.

Для грамоты XIV—XV вв. представляется неожиданным употребление местного падежа без предлога для обозначения места (наиболее поздний, при этом единственный случай в грамотах, написанных на пергамене, — в новгородской грамоте 1269 г.): **коликомо острокѣ куница** № 2; в той же грамоте имеется предложная конструкция: **гурморо на волоки куница** № 2.

В берестяных грамотах XV в., как и в более ранних — XIII и XIV вв.,

[1] См. грамоту под № 2 в труде А. А. Шахматова «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века». «Исследования по русскому языку», т. I. Изв. АН ОРЯС, СПб., 1885—1895 (строки 47—49 грамоты).

находим только случаи с предлогом (на или къ): ѧ на ѧрославли добръ ꙁдорокъ и с григоремь № 69; цто кєсмь. руцилъ. оу петра. на городищѣ. № 4; а стоѧть во потклѣтѣ № 40; было кєсми ѡсподин(ь). на пустопьржи. № 23.

Сказанное выше позволяет предположить или пропуск на в грамоте № 2 (воликомо острокѣ кꙋница), или написание одного в вместо двух.

Представляет интерес употребление предлога на с местным падежом в значении «за»: + въꙁеми оу тимоѳе одиноу на десѧтѣ гривьноу оу вьцина шоурина на конѣ исании хомоуть и коже и оголоке и попоноу. № 78.

Предлог на при обозначении замены, цены встречается в летописях и особенно часто — в грамотах (в новгородской грамоте не позднее 1147 г. — в Духовной Антония Римлянина и в более поздних грамотах — новгородских, псковских, двинских и др.)

В отношении места дополнения следует отметить характерную для памятников делового письма постановку дополнения перед управляющим словом (при норме — после управляющего слова), часто — в самом начале предложения в связи с логическим ударением на этом дополнении (примеры на дополнение как в простом, так и в сложном предложении): а нынѣ водѧ новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же... № 9; цто кєсмь. руцилъ. оу петра на городищѣ. н(о) юрги. былъ. выдалъ. со двора. н(амъ) не оувѣдалсѧ. а мене. выдалъ. № 4; ꙁемлю вамъ оцистимъ. а вамъ кланаємсѧ. № 41; да пришли. сороцицю. сороцицѣ ꙁабыле. № 43; а не угодице с кымъ прислать и ты у себѧ иꙁвѣли № 21; рожь кєсмь роꙁданило. с олькcои съ гафанкомо. № 23; ... цоловѣком(ъ) грамотку пришли. таино № 24; и ты ухо положи на судѣ. а на мене се шли на томъ... № 25.

Выше говорилось о полном личном предложении, затрагивался и вопрос о предложениях, в которых нет особого слова для выражения подлежащего, но сама форма сказуемого заключает в себе указание на определенное действующее лицо, — об определенно-личных предложениях.

Следует остановиться и еще на некоторых видах простого предложения, встретившихся в берестяных грамотах, именно — на безличных номинативных и неполных предложениях.

Безличные предложения представлены лишь тремя случаями.

В одном из примеров сказуемым является инфинитив, управляющий дательным падежом лица, обязанного или имеющего право что-либо делать: дать ми роꙁумно № 53.

Сравнивая показания берестяных грамот с показаниями грамот на пергамене, мы должны отметить исключительно широкое распространение в последних безличных инфинитивных предложений и сравнительно ограниченное употребление определенно-личных предложений с повелительным наклонением

(7,8$^0/_0$ по отношению к безличным инфинитивным предложениям). В берестяных грамотах употребляются преимущественно определенно-личные предложения со сказуемым в форме повелительного наклонения. Отсутствие инфинитивных предложений, если не считать приведенного выше одного примера, объясняется тем, что берестяные грамоты — частные письма, в которых не указываются общие для всех права и обязательства, в связи с чем и не было необходимости в безличных инфинитивных предложениях.

Для выражения просьбы, приказания, обращенных к адресату, использовано повелительное наклонение (см. выше, стр. 150).

В следующем примере безличное предложение (придаточное сложноподчиненного предложения) содержит глагол в возвратной форме (**угодице** из **угодить се=угодить сѧ**): **а не угодице с къımъ прислать и ты у себѧ изъвѣли** № 21.

Несомненный интерес представляет случай со сказуемым — устойчивым словосочетанием, состоящим из глагола *есть* с отрицанием (в форме **нѣтъ**) и управляемого им слова: **оу мене борисѧ в животѣ нѣтъ** № 49.

Для берестяных грамот, как и для грамот, написанных на пергамене, характерно трафаретное начало. Это трафаретное начало имеет один из следующих двух типов: 1) от такого-то к такому-то; 2) поклон от такого-то к такому-то как выражение приветствия.

Первый тип по своему синтаксическому построению — номинативное назывное предложение с неназванным именем существительным — **грамота**[1], благодаря чему утрачен самый характерный признак номинативного предложения — наличие имени существительного в им. п.: **+ѿ гостѧты къ васильви** № 9; **ѿ тереньтеѧ къ михалю** № 69; **ѿ микитѣ. ко цертоу.** № 4; **ѿ бориса. ко ностасии.** № 43.

Шире представлен второй тип, по своему синтаксическому построению — номинативное предложение: **поклонъ ѿ потра к марьѣ** № 53; **поклоно ѿ филипа ко г...** № 6; **поклонъ ѿ грикши къ есифу** № 3; (**поклонъ ѿ**) **дав(ыда. и ѿ е)сифа. къ матфѣю.** № 5[2]; **поклонъ ѿ ностасьи къ гну къ моки къ бъратьи** № 49; **поклонъ ѿ михаіла. к осподину своему тимофию.** № 17; **поклоно ѿ карпа. к осподину. моему. фоми.** № 23.

Во всех встретившихся случаях с неполными предложениями нет неполноты высказывания — неполноты смысловой; в некоторых случаях нельзя указать соответствующее полное предложение, поскольку в живой разговорной речи,

---

1 Предложения без слова **грамота** являются типичными не только для грамот, написанных на бересте, но и для грамот, написанных на пергамене. См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 111—113.

2 Слова и части слов: **поклонъ** (или **поклоно**), **ѿ**, **ыда.** и **ѿ** — восстановлены нами предположительно на основании других грамот и числа утерянных в данной грамоте букв.

откуда данное неполное предложение перенесено в грамоту, встречается только неполное предложение.

Вот почему следует подчеркнуть, что термин неполное предложение употребляется в настоящей работе условно, без того содержания, которое в него вкладывает традиционная грамматика.

Вопрос о том, какие предложения считать полными и какие неполными, не выяснен не только в отношении древнерусского языка, но даже и в отношении современного русского языка.

В своем исследовании «Неполные предложения в современном русском языке» И. А. Попова в главе «Заключение» пишет: «Подводя итоги и возвращаясь к поставленному в начале работы вопросу о том, что́ такое неполное предложение, мы вынуждены констатировать невозможность дать удовлетворительное, построенное на грамматической основе определение неполных предложений и выдвинуть единый четкий критерий деления предложений на полные и неполные, по крайней мере при настоящем уровне разработки учения о предложении»[1].

Переходим к рассмотрению неполных предложений.

В следующем предложении не названо подлежащее: **а стоять во потклѣтѣ** № 40. Этому предложению предшествуют слова: **к неи гвоздү**. Начало грамоты оборвано. Можно только предполагать, что в предшествующем предложении было подлежащим то слово, которое автор грамоты не счел необходимым повторить в данном предложении (**а стоять во потклѣтѣ**).

Следует отметить, что в пергаменных грамотах, как уже говорилось, встречается большое количество примеров с пропуском подлежащего, которое могло быть выражено именем существительным, употребленным в предыдущем предложении в роли подлежащего.

Составитель грамоты чаще опускает подлежащее — имя существительное, чем ставит вместо него местоимение *онъ*. Это, несомненно, одна из характерных особенностей языка древнерусской деловой письменности. В современном научно-деловом языке совершенно другая картина: «В научно-деловом книжном языке опускание подлежащего, как правило, не допускается. Даже когда предмет речи остается все тем же и совершенно ясен из контекста, требования грамматической полноты и законченности каждого предложения приводят к тому, что, избегая из стилистических соображений повторения одного и того же слова, заменяют его местоимениями, синонимами, перифразами и т. п.»[2]

Несомненный интерес представляет пример из грамоты XII в. со сложносочиненным предложением, в первой части которого не названы сказуемое (глагол в повелительном наклонении *шли*) и дополнение, управляемое глаго-

---

[1] И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Института языкознания», т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 131.

[2] Там же, стр. 47.

лом-сказуемым (*лошакъ*), а во второй части — сказуемое (*есть* в значении «находится»): **і тъı до углеца и ту плкъ дружина** № 69.

Это предложение, характерное по своему построению для разговорной речи, неясно по смыслу лишь вне остального контекста. За три предложения (характерно, что не в одном из ближайших предложений) от данного сказано: **пришьлить лошакъ съ жковьцемь.** Благодаря этому тексту легко понять и первую часть разбираемого предложения. Что касается второй части, то для ее понимания не требуется предыдущего текста. На значение опущенного *есть* («находится») указывает, в частности, наречие **ту** (=«там»).

Следует подчеркнуть, что для древнерусских грамот на пергамене нормальными, типичными были предложения без глагольных форм *есть*, *суть*, а употреблялись эти формы для нарочитого подчеркивания лица (лиц), предмета (предметов).

При исследовании древнерусских грамот нам приходилось объяснять не причины отсутствия форм *есть*, *суть*, а причины, вызвавшие их употребление[1].

Таким образом, во второй части сложносочиненного предложения (**и ту плкъ дружина**) нет основания усматривать не только смысловую, но и формальную неполноту.

Не названо сказуемое *есть* в значении «находится» в главном предложении следующего сложноподчиненного предложения: **еже ми отьць далъ и роди съдали а то ȥа нимь** № 9.

К этому примеру можно присоединить и пример из грамоты XIII — начала XIV в.: **а (у) микулици сокол** № 54.

Здесь же следует указать и многочисленные однотипные случаи в грамоте-записи о мехах № 2: **ꙋ фомѣ .г҃. кꙋници** № 2; **ꙋ мики .в҃. кꙋници** № 2; **ꙋ матеши .в҃. кꙋници.** № 2; **ꙋ вѣльютовъıхо .в҃. кꙋници** № 2; **ꙋ коȥемꙋта .в҃. кꙋници.** № 2; **ꙋ филипа .в҃. кꙋници** № 2; **ꙋ намѣста .в҃. вѣли.** № 2; **ꙋ жидили кꙋница.** № 2; **воликомо островѣ кꙋница** № 2; **ꙋ вихтимаса .в҃. вѣлоки.** № 2; **ꙋ гостили .в҃. кꙋници** № 2; **ꙋ вѣльюта .г҃. кꙋници.** № 2; **ꙋ лопинкова .ѕ҃. вѣло.** № 2.

Следует отметить, что, в зависимости от толкования грамоты — или как записи должников или как записи лиц, у которых могут быть приобретены те или иные предметы, — разное значение может быть вложено и в неназванное сказуемое. В первом случае сказуемое будет иметь значение «находится», во втором — «имеется».

Хотя в предложении **воликомо островѣ кꙋница** (см. выше) нет указания на лицо, — это предложение по своей структуре не имеет заметных отличий от других предложений.

К приведенным выше примерам с неназванным сказуемым *есть* в значении «находится» можно присоединить пример из грамоты более поздней — XV в.:

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 113—119.

нѣмного шсподинь. ржи. на твою. цасть. два шкина. цьтверти № 23. Здесь также отсутствует сказуемое *есть* (как в главном, так и в придаточном предложении бессоюзного сложноподчиненного предложения) со значением «имеется», а не «находится».

Употребление глагола *есть* в тексте вызвало бы подчеркивание факта наличия данного предмета, а не его количества, как это требуется в данном предложении. Следует отметить, что в придаточном предложении не повторены дополнения: **ржи, на твою цасть.**

В приведенном ниже примере, как уже говорилось, не названо сказуемое *живу:* **а на ѩрославли добръ ꙁдоровъ и с григоремь** № 69.

Прилагательные **добръ, ꙁдоровъ,** повидимому, указывают не на признаки, которые просто характеризуют предмет в данный момент, а на признаки, сопутствующие действию глагола. Вот почему представляется более правильным считать, что не названо слово *живу*, а не слово *есмь*.

Следующее предложение, поскольку в нем слово **ухо** не может иметь при себе управляемых слов в дат. п., кроме дательного принадлежности без предлога, относится не к номинативным предложениям, а к неполным, в которых не названо сказуемое — знаменательное слово: **ухо к тобѣ с васильемъ со желутковъımъ** № 25.

Это предложение переводим: «Свидетельское показание[1] к тебе с Василием Желудковым» [в смысле: «Свидетельское показание направлено (обращено) к тебе с Василием Желудковым = указывает на тебя с Василием Желудковым как на свидетелей»].

Рассматривая способы выражения отдельных членов предложения, мы приводили примеры и с однородными членами предложения, но не останавливались на вопросе о том, как соединены однородные члены предложения.

Бесспорный интерес представляют случаи, когда однородные члены соединены без помощи союзов, т. е. без внешних признаков сочинительной связи. Эти случаи (не только в грамотах, но и в других древнерусских памятниках) оказались вне специального изучения, хотя иногда и отмечались в отдельных исследованиях.

Берестяные грамоты содержат сравнительно небольшое количество примеров без союзов при однородных членах.

В грамотах, написанных на пергамене и являющихся официальными документами, а не частными письмами, как берестяные грамоты, весьма часто встречаются однородные члены без союзов в формуле приветствия и в формуле, указывающей «кем» и «кому» посылается грамота.

В берестяных грамотах в этих формулах нет однородных членов, так как, в отличие от официальных грамот, каждую из них посылает одно лицо, а не

---

[1] Перевод слова **ухо** как «свидетельское показание» не дает оснований видеть в слове **ухо** отглагольное имя существительное.

несколько[1], и направляется она одному лицу, а не нескольким. Поэтому однородные члены без союзов находим в берестяных грамотах лишь в самом тексте грамот (однородные члены подчеркнуты): + въземи оу тимоще одиноу на десяте гривъноу оу въицина шоурина на коне псанни хомоут(ь) и коже и оголове и попоноу. № 78; прислав онанья мол(вилъ)... № 3; і шнъ прислалъ къ федосы вари ты пивъ сѣдишь на безатьщине не варишь жито № 3; постои. за нашего сироту. молви. двораниноу павлу. петрову брату. дать. грамоте. № 5; есть градъ. межу. нобомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути. самъ нимъ везе грамоту непсану. № 10.

Во всех примерах (кроме второго — из грамоты № 78) однородными членами являются сказуемые (в грамоте № 78 однородные члены — дополнения).

В примерах из грамот № 3 (во втором примере из этой грамоты), 5 и 10 сказуемые — глаголы (в грамотах № 3 и 10 — в форме настоящего времени, в грамоте № 5 — в форме повелительного наклонения); в первом примере из грамоты № 3 сказуемыми являются причастие (второстепенное сказуемое) и глагол (форма причастия на *-лъ*)[2]. Таким образом, в примере из грамоты № 3 (в первом примере) однородные члены не имеют одинаковой грамматической формы.

Поскольку при однородных членах нет союза, конструкция не является замкнутой.

Отметим случаи с однородными членами, соединенными союзами и: а на ярославли добръ здоровъ и с григоремь № 69; + въземи оу тимоще одиноу на десяте гривъноу оу въицина шоурина на коне псанни хомоут(ь) и коже и оголове и попоноу. № 78; (поклонъ ѿ) дав(ыда. и ѿ е)сифа къ матеѣю. № 5; какъ се гд҃о мною попецалуете и моими детми № 49.

В первом примере одно из подлежащих стоит в им. п., а другое — в тв. п. с предлогом *с*. Выше уже отмечалось, что постановка слов с григоремь не рядом с местоимением а, а на конце предложения, присоединение этого сочетания к законченному тексту способствуют известной самостоятельности слов и с григоремь.

Л. А. Булаховский приводит случаи с союзом *и* и с предлогом *с* из памятников XVI в. и более поздних (даже из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») и считает такое употребление контаминацией двух средств присоединения[3].

---

[1] Исключение составляет только грамота № 5, авторами которой являются два лица. Имена этих лиц соединены союзом и (см. сноску 2-ю на стр. 156).

[2] В грамоте № 27 употреблен сначала глагол, а потом причастие.

[3] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, Изд-во «Радянська школа», 1953, стр. 324.

К этому совершенно справедливому выводу Л. А. Булаховского следует добавить, что плеонастическое *и* в случае **и с григоремь** и подобных имеет не только соединительное значение, но и значение усилительное.

В примерах из грамоты № 78, где имеется четыре однородных члена предложения, союз *и* стоит перед всеми однородными членами, кроме первого. Таким образом, предложение с рядом однородных членов не отличается в отношении употребления союзов от предложения с двумя однородными членами. Третий и четвертый члены присоединены соответственно ко второму и третьему членам, как второй к первому. Конструкция не имеет замкнутого характера, так как нанизывание однородных членов при помощи союза *и* может продолжаться.

В приведенном ниже примере частица **же** выполняет функцию союза *и*: **изби въ роукы поустилъ же мя** № 9.

В качестве соединительного союза употреблен в грамоте № 53 союз *да* (в том же значении, что и союз *и*): **спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо кудъі грамота поведе** № 53.

П. С. Кузнецов считает (глава «Морфология», стр. 132), что в данном примере, как в примере из берестяной грамоты № 8 (**да молови емѹ**), **да** является частицей долженствования.

Не возражая против такого толкования значения слова **да** в примере из грамоты № 8 (текст этой грамоты недостаточно ясен), полагаем, что в грамоте № 53 служебное слово **да** является союзом, соединяющим глаголы-сказуемые, которые имеют одинаковое логическое ударение.

Отметим, что употребление слова **да** в значении союза «и» широко (хотя и реже, чем употребление союза *и*) представлено в грамотах на пергамене (не только в купчих, но и в договорных, духовных), в частности — в новгородских и двинских.

Таким образом, в живой разговорной речи союз **да** в значении «и» был весьма распространен и употреблялся в памятниках, отразивших эту речь (как свидетельствуют грамоты на пергамене), без какой-либо специфической стилистической окраски.

Союз *а* в следующем примере имеет с о е д и н и т е л ь н о е значение[1]: **и ты ухо положи на судѣ. а на мене се шли на томъ ...** № 25.

В приведенном примере с о е д и н и т е л ь н о е значение является основным, главным; союзом **а** соединены члены предложения как однородные. В то же время союз **а** вносит в это соединение и некоторый оттенок добавления, присоединения.

В двух примерах союз **а** соединяет однородные члены-сказуемые как п р о т и в о п о с т а в л я е м ы е один другому: **а нынѣ водя новоую женоу а мънѣ**

[1] Возможно, с о п о с т а в и т е л ь н о е значение.

не въдасть ничьто же № 9; н(о) юрги. былъ. въдалъ. со двора. н(амъ) не оувѣдалсѧ. а мене. выдалъ № 4.

В первом из приведенных примеров соединены как однородные члены второстепенное сказуемое и глагольное сказуемое. Во втором примере все три сказуемых — глагольные, причем первые два соединены без помощи союза.

* * *

Сложносочиненные предложения представлены в берестяных грамотах только пятью примерами; из них лишь одно предложение без союза: невѣжа писа недума каза № 46.

Вторая часть этого сложносочиненного предложения сопоставляется с первой; вместо бессоюзного соединения частей предложения могло быть союзное с союзом а, как в следующем предложении: есть градъ межу новомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути. самъ нимъ везе грамоту непсану № 10.

В трех случаях находим сложносочиненное предложение с сочинительным союзом и (в первом примере сложносочиненное предложение в качестве придаточного подлежащего входит в состав сложноподчиненного предложения): иже ми отьць далъ и роди съдали. а то за нимь № 9; і ты до углеца и ту пакъ дружина № 69; покосиле есмь пожню и озерици. оу мене сѣно ѿяли № 53.

В первом из названных предложений союз и соединяет части сложносочиненного предложения, в которых сообщается о действиях, происшедших в прошлом одновременно. В третьем предложении, хотя глаголы стоят тоже в прошедшем времени, во второй части говорится о действии, последовавшем после действия, названного в первой части. Второй пример рассмотрен выше, где говорится о неполных предложениях (стр. 157—158). Действие в первой части предложения должно произойти в будущем (не названо сказуемое — форма повелительного наклонения *шли*) по отношению к факту, имеющему место в настоящее время (то, о чем сообщается во второй части сложносочиненного предложения).

Число случаев со сложноподчиненным предложением (15) в три раза превышает число случаев со сложносочиненным предложением.

Таким образом, и в частной переписке широко пользовались сложными конструкциями с подчинением, что свидетельствует о распространении этих конструкций и в живой разговорной речи. При этом важно отметить, во-первых, что сложноподчиненное предложение находим в прямой речи и, во-вторых, что части сложноподчиненного предложения, в свою очередь, могут быть сложными по своему составу (см. выше примеры из древнейшей грамоты № 9, относящейся к XII в.).

Значительное место занимают сложноподчиненные предложения без союзов и относительных слов. Связь между частями бессоюзных сложноподчиненных

предложений выражается соотношением форм сказуемого. Но основным признаком для отнесения данных предложений к сложноподчиненным является определенная смысловая связь.

Следует указать, что именно в бессоюзных сложноподчиненных предложениях, в их построении особенно заметно влияние живой разговорной речи: **і ѡнъ прислалъ къ федосы кари ты пивъ сѣдишь на беꙁатьщинѣ не варишь жито** № 3; **постои. ꙁа нашего сиротꙋ. молви дворѧнинꙋ павлꙋ. петровꙋ братꙋ. дать. грамотѣ. не дасть. на него.** № 5; **да пришли. сороцицю. сороцицѣ ꙁабъıле.** № 43; **ꙁемлѧ готова надобь сѣмѧна** № 17; **ньмного ѡсподинь. ржи. на твою. цасть. два ѡвина. цьтвьрти.** № 23.

В первом примере сложноподчиненным предложением передана прямая речь. Отметим попутно, что прямую речь вводят слова автора без «глагола говорения». Для древнерусских памятников характерна препозиция авторского текста[1], как и в приведенном выше примере, но для этих памятников, повидимому, необычным являлось отсутствие «глагола говорения». Отсюда напрашивается вывод, что в грамоте № 3 употреблена конструкция, распространенная в живой разговорной речи. Следует отметить, что рядом, в той же грамоте, представлено два случая с «глаголом говорения» в авторском тексте, предшествующем прямой речи. Опущению «глагола говорения» могло содействовать в приведенном выше примере то обстоятельство, что местоимение **ѡнъ** указывает на того же Ананью, о котором уже говорилось раньше как о лице, приславшем кого-то (скорее всего — человека, но, возможно, и грамоту) к Григорию: **прислалъ онаньꙗ мол(вилъ)**...

Таким образом, один раз относительно Ананьи уже было сказано, что он через человека или в грамоте **мол(вилъ)**.

В примере из грамоты № 3 вторая часть (**сѣдишь на беꙁатьщинѣ не варишь жито**) указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части (**кари ты пивъ**).

В примерах из грамоты № 5 (**не дасть**[2]. **на него**) и второй части грамоты № 43 (**сороцицѣ ꙁабъıле**) тоже говорится о причине действия, названного в первой части.

Для всех трех приведенных примеров, содержащих во второй части сложноподчиненного предложения указание на причину, характерно, что сказуемое в этой части предложения выражено глаголом в изъявительном наклонении, а в первой части — глаголом в повелительном наклонении.

В сложноподчиненном предложении в грамоте № 23 вторая часть (**два ѡвина. цьтвьрти.**) поясняет первую часть.

---

[1] См. А. И. Молотков. Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий (грамматический анализ). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1952, стр. 14.

[2] По нашему мнению, как уже отмечалось, дасть — 3-е лицо ед. ч. аориста.

В другом примере из грамоты № 17 вторая часть предложения (**надобь сѣмяна**) указывает на *следствие*, вытекающее из того, что сказано в первой части (**ꙁемля готова**).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие подчинительных союзов, смысловые отношения между частями бессоюзного сложноподчиненного предложения во всех приведенных примерах выражены с предельной ясностью.

К приведенным бессоюзным сложноподчиненным предложениям мы присоединяем еще два следующих сложноподчиненных предложения: **а едеши по корову а въꙁи (три гривьнѣ)** № 8; **а не угодице с кымъ прислать и ты у себя иꙁвѣли** № 21.

Эти предложения следует рассматривать как бессоюзные, поскольку союз **а** в начале придаточного предложения условия не несет функции *условного* союза. Союз **а** лишь начинает данное сложноподчиненное предложение, присоединяя его к предыдущему, как начинает часто этот союз и простое предложение.

Как и в простом предложении, союз **а** начинает предложение (сложноподчиненное), в известной степени противополагаемое по своему содержанию предыдущему предложению. Особенно заметно это противопоставление во втором примере, где приведенному предложению предшествует следующее: ---(**уоꙁцинку**) **выткала и ты ко мнѣ пришли** № 21.

Несколько неожиданным является переход от данного предложения к рассматриваемому предложению: **а не угодице с кымъ прислать и ты у себя иꙁвѣли.**

Отметим, кстати, что и предложение, которое мы привели выше (со словом **уоꙁцинку**), повидимому, является сложноподчиненным с придаточным условия. Так как сохранился только конец грамоты, начинающийся указанным словом **уоꙁцинка**, то нет оснований относить данное предложение ни к бессоюзным, ни к союзным.

В первом примере (из грамоты № 8) союз **а**, а во втором (из грамоты № 21) союз **и** между частями сложного предложения служат целям более четкой связи этих частей.

Союзы **а** и **и** присоединяют вторую часть к первой как выражающую следствие из сказанного в первой части, причем наиболее ярко значение следствия в примере с союзом **и**.

В обоих примерах в придаточном предложении глагол стоит в изъявительном наклонении, а в главном — в повелительном наклонении (см. также пример со словом **уоꙁцинка**).

Переходим к сложноподчиненным предложениям с союзами и с относительными словами, которые представлены следующими примерами: **еже ми отьць далъ и роди съдали а то ꙁа нимь** № 9; **спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо кудъı грамота поведе** № 53; **цто есмь. руцилъ. оу**

петра. на городищѣ. и(о) юрги. былъ. выдалъ. со двора. н(амъ) не оувѣдалсѧ. а ме.не. выдалъ. № 4; **кьто придеть ꙁ беростомъ** № 40; **а хто се цита** № 46.

В первом примере в придаточном предложении (подлежащем), являющемся по своему составу сложносочиненным предложением с союзом **и**, имеется относительное слово **ѥже**, которому в главном, соединенном с придаточным союзом **а**, соответствует местоимение **то**.

Следует отметить, что относительное местоимение **иже—ꙗже—ѥже** не встретилось ни в новгородских грамотах, написанных на пергамене[1], ни в двинских грамотах XV в.[2]; в ограниченном количестве мы находим это относительное местоимение в Русской Правде (только формы косвенных падежей)[3]. В Синодальном списке 1-й Новгородской летописи местоимение **иже—ꙗже—ѥже**, как отмечает Е. С. Истрина[4], встречается в примерах с церковнославянской окраской (в религиозных отступлениях) или во вставных повестях.

Тем более мы ожидали бы в берестяной грамоте — частном письме постановку в данном примере местоимения **чьто**, а не **ѥже**. Употребление **ѥже** следует, повидимому, объяснить влиянием книжной речи на живую разговорную речь. Отметим, что придаточное предложение со словом **ѥже** стоит не на втором месте, как это обычно (но не всегда) бывает при употреблении данного местоимения, а на первом, как при употреблении относительного местоимения **чьто**, характерного для памятников деловой письменности (см., в частности, третий пример из приведенных выше)[5].

Во втором примере придаточное предложение места стоит после главного. Относительному слову **куды** соответствует в главном наречие **сѣмо**.

О третьем примере уже говорилось выше. Укажем только, что местоимение **чьто** при именительном падеже подлежащего, при винительном падеже существительного, а также при родительном падеже имени со значением количественным было широко распространено не только в древнерусских памятниках, но, как отмечает Н. А. Широкова[6], и в памятниках делового письма

---

[1] См. В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV в. «Ученые записки Ярославского пединститута», вып. IV. Русское языкознание, 1944, стр. 50.

[2] См. А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. Изв. АН ОРЯС, СПб., 1903, стр. 135.

[3] С. П. Обнорский. Русская Правда как памятник русского литературного языка. «Известия Академии Наук СССР». VII серия. Отд. общественных наук, № 10, М.—Л., 1934, стр. 767.

[4] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 192.

[5] См. Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 321; см. также: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 61—62.

[6] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. «Ученые записки Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина», т. 112, кн. 6. Сборник работ кафедры русского языка. Казань, 1952, стр. 75.

XVII в., причем придаточное предложение с относительным словом **чьто** находилось в препозиции.

В приведенном нами примере **цто** (см. пример из грамоты № 4) относится к подлежащему, на которое указывает форма 1-го лица ед. ч. глагола-сказуемого **ксмь. руцилъ.**

В четвертом и в пятом примерах в придаточном предложении, предшествующем главному, употреблено относительное слово **къто.** Конца сложного предложения в грамотах № 40 и 46 нет.

Два примера с союзами различны по значению придаточного предложения, входящего в состав сложноподчиненного предложения: **како приде. сѧ. грамота. тако. пришли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ ꙁане ми. ꙁдѣсе. дѣлъ. много.** № 43; **и ты ухо положи на судѣ. а на мене се шли на томъ. цто еси конь поꙁналъ у нѣмцина и ухо ксн ꙁа мене дале и нѣмцине с себе покодъ сложи(л)** № 25.

В первом примере—из грамоты № 43—два придаточных предложения. Первое — придаточное времени с союзом **како**, широко распространенным (со значением союза времени) и в древнерусских памятниках[1] и в более поздних—XVII в.[2]

В главном относительному наречию **како** соответствует наречие **тако.**

В той части сложноподчиненного предложения, которое имеет в своем составе **како**, устанавливается предел действия, после которого должно произойти действие, названное в главном предложении.

Л. А. Булаховский отмечает употребление **како** со значением времени еще у А. С. Пушкина[3].

В нашем примере в сложноподчиненном предложении имеется еще придаточное предложение причины с союзом **ꙁане**, стоящее в постпозиции к главному предложению.

Во втором примере союз **цто** стоит только в первом дополнительном придаточном предложении (**еси конь поꙁналъ**) и опущен во втором (**ухо ксн ꙁа мене дале**) и третьем (**нѣмцине с себе поводъ сложил**) дополнительных предложениях, каждое из которых присоединено к предыдущему при помощи союза **и.**

Анализ синтаксических явлений новгородских берестяных грамот позволяет сделать вывод, что в языке грамот широко отразились факты живой разговорной речи. Для этой разговорной речи характерны не только простые предложения, но и сложные, с четко выраженной смысловой связью составляющих их частей.

---

[1] См. В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV в. «Ученые записки Ярославского пединститута», стр. 51—52.

[2] См. Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия (Из истории образования сложного предложения в национальном русском литературном языке). Автореферат докторской диссертации. Л., 1951, стр. 23—24; ее же. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия. «Вестник Ленинградского государственного университета», 1952, № 8, стр. 98.

[3] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II, стр. 359.

Н. Б. БАХИЛИНА

ЛЕКСИКА

Изучение лексики новгородских берестяных грамот представляет для истории русского языка большой интерес, определяющийся особым характером этих памятников.

К сожалению, небольшое количество грамот, которыми мы располагали при начале работы, а также незначительный объем их[1] не позволяют сделать какие-либо окончательные выводы о лексическом составе и лексических особенностях новгородских грамот на бересте, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями о составе лексики и комментарием к отдельным словам.

Как уже отмечалось в предыдущих статьях, в применении к памятникам, найденным А. В. Арциховским, название «грамоты» в известной степени условно, во всяком случае сравнительно с общепринятым, привычным представлением о грамотах как чисто деловых документах. Это в основном частные письма, деловые или семейные.

Большая часть этих документов содержит различного рода просьбы или поручения (грамоты № 4, 5, 8, 17, 21, 24, 25, 27, 41, 43, 53, 69, 78), сообщения о семейных делах (№ 9, 49); грамоты № 1, 2, 7 представляют собой памятные записи или, может быть, деловые документы и, наконец, грамоты № 10 и 46 следует, видимо, считать произведениями фольклора.

Самое содержание грамот обусловливает и состав их лексики, которая в общем ограничена кругом обыденных житейских понятий, терминов сельского хозяйства и домашнего производства, терминов родства, слов, выражающих общественные и семейные отношения. Например:

1) слова, служащие для обозначения населенных пунктов: **град** № 10 I, **село** № 1 II, **станъ** № 1 X[2].

---

[1] Самая большая из грамот — № 1 — имеет всего 13 строк, остальные — менее 10.

[2] В примерах приводим имена существительные и прилагательные в форме именительного падежа, глаголы — в форме инфинитива (в тех случаях, когда эти формы отсутствуют

2) слова, связанные со структурой общества и общественными отношениями, а также военные термины: **плкъ** № 69 VI, **дружина** № 69 III, **чадь** (**Савина чадь** № 69 III), **дворянинъ** № 5 IV, **осподинъ** № 17 III и др., **безатьщина** № 3 III;

3) наименования видов пошлин и поборов: **поземъ** № 1 III, **даръ** № 2 III, **железно(е)** № 4 V, **соха** № 2 II — податная единица, с которой платится дань (значение не вполне ясно, — указывается предположительно, на основании контекста);

4) меновые единицы, в которых брались пошлины и поборы: **бѣла** № 1 III или **бѣлка** № 1 XIII, **куна** № 41 II, **кѹница** № 2 IV, **гривьна** № 8 III, № 78 I, **рубль** № 4 VI — или пошлины натурой в соответствующих мерах: **полоть** № 1 III, **.д.вѣци** № 1 XI; здесь же отметим термин, обозначающий обязательство заплатить всевозможные пошлины, — **очистит(и)** (**землю вамъ оцистимъ** № 41 II);

5) деловая и судебная терминология: **судъ** (**ухо положи на судѣ** № 25 I—II), **выдат(и)** № 4 III, **купна(ꙗ) грамота** № 53 IV—V, **списат(и) списокъ** № 53 IV, **сложит(и) поводъ** № 25 IV и др.;

6) наименования родства и слова, обозначающие родственные и семейные отношения: **отьць** № 9 I, **братъ** № 5 V, **поят(и) жену** № 9 V, **водит(и) новую жену** № 9 II, **поустит(и) жену** № 9 IV, **роди** № 9 II, **дѣти** № 49 III, **сирота** № 5 III;

7) сельскохозяйственная терминология: **сѣно** № 53 III, **покосит(и)** № 53 II, **сѣмяна** № 17 II, **рожь** № 17 IV, **жито** № 3 III, **пожн(ꙗ)** № 53 II, **земля** № 17 II, к этому же разряду примыкают:

а) названия сельскохозяйственных и домашних построек: **овинъ** № 23 VI, **потклѣть** № 40 II;

б) названия домашних животных: **корова** № 8 II, **конь** № 25 II, **жеребец(ъ)** № 43 III, **лошакъ** № 69 II;

в) названия сбруи: **воже** № 78 II, **оголове** № 78 III, **хомоуть** № 78 II, **попона** № 78 III;

г) слова, связанные с сельскохозяйственным или домашним производством: **пивъ** № 3 III, **солод(ъ)** № 1 XI, **перевара** № 3 II, **выткат(и)** № 21 II, **избѣлит(и)** № 21 IV, **варит(и)** № 3 II;

8) названия одежды и обуви: **сороциц(а)** № 43 V, **сапог(ъ)** № 4 VIII;

9) названия животных и птиц: **лисица** № 7 II, **бьберокъ** № 7 III, **соколъ** № 54 II и др.

Следует кстати сказать, что грамоты позволяют сделать вывод о широком распространении грамотности у древних новгородцев. Об этом, в частности, свидетельствует соответствующая лексика и фразеология: **читат(и)** (**цита** № 46),

---

в грамотах, восстанавливаем их условно). Для слов, повторяющихся в грамотах, указываем номер грамоты и строки только один раз.

грамота (**с купнои грамотѣ** № 53 IV), **грамотку пришли. таино** № 24 I, **беросто** [**(п)ослал жзо к тоби. беросто** № 27 II, где **беросто** обозначает «письмо»] и др.

Таким образом, бо́льшую часть лексики новгородских берестяных грамот составляют слова общенародные, общерусские, вошедшие в язык с древнейших времен и употребляемые в русском языке и в настоящее время. Из общего состава лексики можно выделить лишь сравнительно небольшое количество слов, которые требуют исторического комментария. Последние мы рассматриваем в сопоставлении с современным русским языком, отмечая наличие и употребительность их в древности и теперь, сохранение или изменение значения слова. В зависимости от этого здесь следует выделить следующие три группы слов:

1) слова, не засвидетельствованные в других памятниках древнерусского языка и не употребляющиеся в современном русском языке; 2) слова, известные другим памятникам древнерусского языка, но исчезнувшие со временем и не употребляющиеся в современном русском языке или сохранившиеся только в отдельных говорах; 3) слова, встречающиеся в памятниках древнерусского языка и сохранившиеся в современном русском языке, но утратившие теперь ряд значений, которые они имели в древнерусском языке.

К первой группе относится только одно слово **(в)аци** в словосочетании **.д. (в)аци солоду** 1 XI. Этого слова нет ни в словарях древнерусского языка, ни в картотеке древнерусского словаря Института языкознания АН СССР, ни в областных словарях. Возможно, прав М. Н. Тихомиров, сближая его со словом **вать**[1]. Слово **вать** известно как мера жидкостей, его указывает И. В. Ягич: **вать** — греческое заимствование (βάτος) встречается в евангелиях или без перевода или переводится как «мера»[2].

Во второй группе можно выделить две подгруппы: а) слова, которые в связи с изменением общественно-экономическмх условий совершенно исчезли из языка, и б) слова, сохранившиеся еще в отдельных говорах.

К первой подгруппе относятся следующие слова:

1. **безатыщина: вари ты пивъ сѣдишь на безатыщинѣ** № 3.

В словаре И. И. Срезневского дается только одно значение этого слова — «выморочное именье»[3]. В этом значении, видимо, и употребляется слово **безатыщина** в грамоте № 3. В таком значении оно употребляется и в других памятниках, например: **а коли розмирье Князю Великому съ Новымгородомъ, а тогды ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время** (ПИК)[4].

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. 1953, стр. 19.

[2] Jagic. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 304.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 47.

[4] Здесь и дальше ссылки даются в сокращениях, список которых см. в Приложении.

Между тем и словарь Срезневского и примеры из картотеки древнерусского словаря (ДРС) Института языкознания АН СССР, несмотря на небольшое количество их, позволяют установить и другое значение, именно — «доход с выморочного имения»: **А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а то вѣдають ихъ епискупли волостели а безадьщина ихъ епископу идеть** (Церк. уст. Яросл.); **А что оудѣю монастырьскыя люди, да не вступаетсѧ в нихъ князь, никакіи суда, а безатщина иде митрополицимъ заказникѡмъ** (Переясл. лет.); **Язъ князь... придалъ есмь... савицкой островъ... съ бортными ухожьи ...и съ рѣзанкою, и шестдесятъ, съ виною и съ поличнымъ и съ безатшинами** (АИ).

В материалах для терминологического словаря древней России это слово упоминается в тематическом указателе наряду с другими в числе феодальных повинностей, денежных оброков[1].

2. **чадь: поедуть дружина савина чадь** № 69.

Срезневский указывает следующие значения этого слова: «дети», «люди», «народ», «свои кому-либо», «товарищи», «дружина». В значении «дружина» и употреблено слово **чадь** в грамоте. Судя по словарю И. И. Срезневского и материалам картотеки ДРС, слово *чадь* (=*чѧдь*) представлено в разных памятниках и в разное время с XI по XVIII в. (Русская Правда, Изборник Святослава 1076 г., Великие Минеи-Четьи, Лаврентьевская, Ипатьевская, Псковская, Никоновская летописи, Пролог 1643 г и др.). В значении «дружина» слово употребляется в летописях (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская, Никоновская), например: **и рече седаю вы шюринъ свой Гюргя... и ведоша и поимше Пльскову, а Борисове чади показаша путь... Въ лѣто 6741 изгониша Изборьскъ Борисова чадь съ князьмь Ярославомь Володимирьцемь и съ нѣмци** (Новг. 1 лет.); **тое же осени пріидоша Новгородцы лучшіе люди Мирошкина чядь, къ великому князю Всеволоду... глаголюще: отчина твоя и дѣдина Новъгородъ Великій просить у тебе сына княжить Новугороду** (Ник. лет.).

В словаре В. И. Даля слово **чадь** дается с пометой *собр.* (собирательное), *стар.* (старинное) «челядь, дружина, ополченье, воины»[2].

3. **купна(ы) грамота: спиши списокъ с купнои грамотѣ** № 53.

Термин *купная грамота* употребляется в памятниках русского языка не ранее XIV в.: **чимъ володѣлъ Ортемеи по отца своего и по братьи своеи по купнымъ грамотамъ, по дернымъ и по роздѣлной грамоти съ братомъ своимъ съ Семеномъ... тимъ володѣти Мелентю Чеваки** (Новг. купч.)[3]; **Се купи Пиминъ Матвѣевъ сынъ... у Матвѣя у Потапьева сына дворъ в Шуі рѣки**

---

[1] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 459.

[2] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., Гос. изд-во худож. лит., 1935, стр. 597.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1373.

на низу... Дастъ ему на дворѣ три коробы ръжи. А у сеі купноі грамоте сидѣли мужи добрые: Яковъ Семеновъ сынъ... да Кирюха Ѳедоровъ сынъ. А купчюю писалъ Онисимецъ диякъ (Сев. гр.).

В более поздних памятниках термин *купная грамота* уже не употребляется, но слово *купный* встречается в значении «покупной, применяемый при покупке»: **А будетъ мнѣ, Дмитрѣю, тое своей клѣти очистить не мочно, и мнѣ, Дмитрѣю, по сей купчеи ево, Афонас(ь)евы, купные денги назадъ отдать и с проторми** (Кн. Поганкина).

С тем же значением употреблено слово *купный* в сочетании со словом *вещи* (*купные вещи*); **отправилъ сіе... съ покорнѣйшимъ прошеніемъ, чтобъ купныя желаемыя вещи получити благовременно...** (Док. в сенате).

Слово *купной* в значении «покупной» употребляется и в наших северных говорах: «*купной* — покупной, купленный — и жито, и сѣно, все у насъ с копейки, все купное»[1].

4. **ручит(и): цто кємь.руцилъ. оу петра. на городищѣ** № 4.

Слово *ручити*, судя по картотеке ДРС, сравнительно мало употребительно. Срезневский указывает значение «поручиться»: **Ручили мы и поручили есьмо у великого короля у Володислава... за его брата за кнѧзѧ за Корибута, иже быти ему вѣрну** (Поручная запись кн. Олега Рязанского, 1393)[2].

Видимо, это значение мы имеем и в грамоте № 4. В картотеке ДРС всего три примера на употребление этого слова. Первый пример из челобитной: **...будет тот Василей по нем, Иване Фуфае, поручен... и по тому велено указ учинить. И... приказной ево, Василья, допрашивал, и он, Василей... сказалъ: я де по нем... Фуфае, не ручивался и за промыслом... не посылывал** (Хоз. Мор.).

В двух других примерах значение неясное или не вполне ясное: **А для государева службы во 137-м году не ручивати То моя и сказка** (Холоп.); **Ужъ кабы, братецъ, это да моя была жена, — Увъ однихъ рукахъ была, Одним рукамъ ручена; Я бъ не билъ бы, не журилъ** (ВНП).

В последнем примере возможно двоякое толкование: «одним рукам поручена» и «к одним рукам привыкла, приручена».

В говорах слово *ручить* употребляется, но с особыми значениями: 1) о невесте: «сговаривать» — *Ручи ладом, пусть живут складом*[3], 2) «счастливить, удаваться» — *Ему все ручит*[4].

5. **увѣдатисѧ: юрги. былъ. выдалъ. со двора не оувѣдалсѧ. а мене. выдал(ъ)** № 4.

В словаре Срезневского указаны следующие значения *увѣдатисѧ*:

---

[1] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 97.

[2] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стр. 200.

[3] Опыт областного великорусского словаря, стр. 194.

[4] Там же.

1) «сговориться»: прид кнзь Ярославъ в Новъгородъ с полкы Низовьскыми, хотѧ ити на Пльсковъ... Новгородци же възбраниша кмоу, глще: оли, кнже, тобѣ с нами оувѣдавъшесѧ, то ѣхати въ Пльсковъ (Новг. 1 лет.).

2) «заключить условие»: Оувидаются Гошкуи и Яково и Борисъ сами съ своимъ племенемъ (Купчая 1359 г.);

3) «разделаться с кем-либо»: оувѣдаисѧ с нимь, великъ бо соромъ возложилъ на тѧ, а сложи с себе соромъ свои (Ипат. лет.).

Кроме этих значений, по материалам картотеки ДРС, как нам кажется, можно отметить и значение «узнать, быть осведомленным»: а будетъ увѣдаетца тебѣ о такой челобитной и кто тое челобитную выслалъ, и тебѣ бъ о томъ къ намъ писать на весь соборъ, не опасаяся ничего (Отп. арх. Варф. — картотека ДРС); изволь попросить у князь Ѳедора писма себѣ, которое я къ нему писалъ... и извольево прочесть и по тому писму увѣдатца о ево поведенiи, какъ онъ ко мнѣ поступаетъ (Птр.).

Таким образом, в грамоте № 4 слова нє оувѣдалсѧ можно читать «с нами не сговорился», но, на наш взгляд, более верно — «нас не уведомил, не дал нам знать».

6. куна: дантє намъ волно ходи(ти)... кунахъ ȥємлю вамъ оцистимъ... № 41.

Это слово в древности имело ряд значений:

1) *куна* — «небольшой хищный зверек с ценным мехом»: Тако же и скотовъ различныхъ безчисленныя множества, и корыстей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣрей, въ тои [Казанской] земли бывающихъ; бо тамо родятся куны дорогiе и бѣлки и протчiе звѣри (Ист. о в. кн. Моск.);

2) *куна* — «шкурка, мех куницы»: ...а за мѣлкой доходъ за бораны и за куры и за сыры... 20 рублевъ и пол — 14 гривны... а за тiуне мясо за полотное и за рыбу пол — 2 рубля; а черны куны пол — 17 рубля; Новг. писц. кн.); А тогда бяше хлѣбъ дешевъ, по 3 мѣрѣ за полтину, а соли по осми мордокъ и по гривнѣ пудъ, а кунъ на полтину по 15 гривенъ (Псковск. 1 лет.);

3) *куна* — «меновая или денежная единица»: Томь же лѣтѣ стоя всѣ лѣто ведромь и пригорѣ всѣ жито... и купляхомъ кадку малую по 7 кунъ (Новг. 1 лет.); Того же лѣта Ноугородци оставиша торговати кунами мордьками куньими; а начаша торговати бѣлками (Лет. Воскр.); Тоя же зимѣ въ Псковѣ отложиша кунами торговати, и начаша пѣнязми торговати (Псковск. II лет.);

4) *куны* — «деньги вообще»: Се я Обросимъ и Лаврентѣи Васильевы... взяли есмя собѣ у Федора у Макарова дѣсять сороковъ бѣл на дѣсять лѣтъ да на три года, а в тѣхъ кунахъ заложили есмя отцину свою (АЮБ); ...ино взяти Евсею и его дѣтемъ свои куны у Василья у Филимонова и у его дѣтей, полъпята сорока бѣлъки, а земля Василью Филимонову и его дѣтемъ одѣрень и въ вѣки (Арх. Стр.).

Кроме этих значений, указанных и у Срезневского, можно отметить еще следующие:

1) значение «пошлины, подати, сбора»: **А свободъ ти, ни мытъ на Новгородьской волости не ставити; а на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ** (СГГД); **А сторгуетъ Ноугородецъ съ Немчиномъ на Ругодиве, а будетъ таваръ... тотъ... у Немчина добровольно взяти изъ бусы черезъ край въ лодью; а отъ того Ругодивцемъ кунъ неимати** (СГГД);

2) значение «платы по обязательству»: **...се поручись Макарья... по Корѣнянине Семену Кузнецу в треи сорокахъ бѣлки; а срокъ тымъ кунамъ заговенье** (Сев. гр.);

3) значение «срока», вероятно, «срока платежа»: **...володѣти Ивану и Денесьи и Максиму... тою землею, тымъ олексиевымъ участькомъ, до кунъ** (Сев. гр.); **Се купил игуменъ Со дреанъ... у Василя у григорьева сына у софонтиевича село земли... что взял софонтьевъ дѣд василеи у игумена... девят рублев серебра да полтретьятцат сороковъ бѣлки да девят пудовъ жита до кун** (Двин. гр.).

По системе значений этого слова интересно прослеживается его судьба в древнерусском языке. Первоначальное значение: зверь, мех зверя, затем шкурка, мех как единица обмена. Затем значение расширяется: куны — не только шкурки, но и денежные единицы и деньги вообще, затем особый вид побора, который взимался в этих меновых или денежных единицах (см. наши примеры, а также указания в «Материалах для терминологического словаря древней России»)[1]. Наконец — срок платежа, видимо, срок выплаты именно этого вида феодальной повинности.

Каково значение слова **куна** в грамоте № 41, определить трудно, так как текст оборван. Поскольку в грамоте имеется обязательство уплатить все платежи (**землю вамъ оцистимъ**), вернее всего предположить, что речь и здесь идет о деньгах; впрочем не исключены и другие значения, например, срок платежа или обязательство уплатить в этих именно меновых единицах.

В современном русском языке это слово не сохранилось. Но в словаре областного архангельского наречия приводится интересный пример использования его еще в XIX в. в северных говорах, а именно в игре: «Игра в парочки. Куна — обычная на посидках игра с танцами и песнями; в ней выбирающий себе невесту жених называется куна, а невеста — соболь. Ловить, догонять девушку в этой игре называется рабить»[2].

7. гривьна: едеши по коровѹ а (вьзи три гривьнѣ) № 8; въземи оу тимоще одиноу на десятѣ гривъноу № 78.

---

[1] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России, стр. 459.

[2] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 117.

Слово *гривьна* в древнерусском языке имело значения: «вес», «шейное украшение», «украшение на иконе» и особенно распространенное — «денежная единица». Это последнее значение мы видим в грамотах № 8 и 78.

В значении «денежной единицы» слово *гривьна* очень употребительно в различных русских памятниках, начиная с самых ранних: **А иже крадеть любо конь, любо волъ. . . то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужеви. . .** (Русск. Пр.); **В лѣто 6636 лютѣ бяше: осминъка ръжи по гривнѣ бяше** (Новг. 1 лет.).

Слово *гривьна* широко употребляется также в Софийской 1 летописи, (XV в.), в Псковской летописи (XV, XVI вв.), в кормчей Балашова (XVI в.), у Котошихина (XVII в.) и в других памятниках. В арифметике Магницкого (1703 г.) расшифровано значение слова *гривна:* «гривна — 10 копеек».

Слово *гривна* встречается в фольклорных произведениях: «Нате вам *гривну* на труды и на волокиту» (Ск. Аф.); «Соскопилась *гривна* перед злыми дни» (Онежск. был.).

В словаре В. И. Даля это слово дается с пометой *стар.* (старинное); «Крупная серебряная монета, вероятно также носимая на шее; ныне 10 копеек»[1].

В словаре областного олонецкого наречия имеется слово «гривенка»: «*гривенка* — гривенник, 10 копеек (Петрозаводский у.)»[2].

В современном русском языке это слово в значении самостоятельной денежной единицы не сохранилось, но в просторечии оно употребляется в сочетании с числительными: *семь гривен, восемь гривен.* (В словаре Д. Н. Ушакова указываются оба употребления: старое и современное.[3])

Вторая подгруппа, как уже указывалось, включает слова, сохранившиеся лишь в отдельных говорах. К таким словам принадлежат следующие:

1. **полоть: дару шестьдесят(ъ) в҃ъ і пололоть а харимнова се. . .** № 1 IX.

В словаре И. И. Срезневского дается только одно значение этого слова — «кусок, пласт, туша (?)».

Материалы картотеки ДРС позволяют выделить два значения:

1) «мера для мяса и некоторых мясных продуктов» (например, ветчины): **. . . дохода гривна и пол — 6 денги, пол — 2 коробьи ржы. пол — 2 коробьи овса. . . боранъ, полоть мяса, сыръ** (Новг. писц. кн.); **Дьяку Прокоѳью Возницыну Государева жалованья четверть муки ржаной, да, вмѣсто четверти муки пшеничной, двѣ четверти муки ржаные жъ, вмѣсто трехъ полотъ ветчины, дано три четверти солоду ржаного. . .** (Воронежск. а.). В этом значении слово употребляется и в довольно позднее время, правда, в фольклоре, например: **Мы сему дѣлу поможемъ: Мы каменъ-мостикъ положимъ, В подворотню стаканъ масла, А собакамъ полоть мяса, На семью-то сонъ напустимъ!** (ВНП).

---

[1] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, стр. 406.

[2] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 17.

[3] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I. М., ОГИЗ, 1935, стр. 622.

В словаре Даля слово *полоть* приводится с пометой *стар.* (старинное): «*Полоть* или *полть* — полстяга мяса, половина туши вдоль разрубленной. Оттого и полоток. *Полоток* — половина распластанной птицы соленой, вяленой, копченой, засушенной в печи и проч.»[1] В этом же значении слово представлено в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, также с пометой «устар(евшее) обл(астное)»: «*Полоть* — половина мясной туши, разрубленной вдоль»[2];

2) «название пошлины, которая бралась натурой, мясом»: **ни явленная куница з грамотою, ни полоть, ни иные никоторые пошлины, ничто по ряду** (Арх. Стр.). **От архіепископа Тихона Ростовскаго и Ярославскаго и Бѣлоозерскаго на Бѣлоозеро десятиннику моему Исаку Остафіеву и данщыку Федцу Телешову, или кто по нихъ будутъ иные мои десятинники и данщыки, чтобы есте съ монастырскихъ съ Кириловскихъ свещенниковъ: съ Покровского да съ Николского на Взвозѣ, да на Сѣзмѣ с Никоского, у моеѣ дани полотъ и пшеницъ не имали по сей моей грамотѣ и алтыновъ** (Арх. Стр.); . . . **и полотъ, и казенные алтыны и соборная куница** (Арх. Стр.).

В этом втором значении и употреблено слово **полоть** в грамоте № 1.

В «Материалах для терминологического словаря» слово *полоть* указывается только в первом значении: «полоть, полть — полоть мяса, стяг мяса; туша, разделенная вдоль хребта»[3].

Правда, в качестве натурального оброка в пользу тиуна упоминается «мясо полотное тиуне»[4].

2. **перевара: не реклъ ми есифъ варити переваръı ни на кого і ѡн(ъ) прислалъ къ Федосы вари тъı пивъ сѣдишь на безатьщинѣ не варишь жито** № 3.

В словаре Срезневского даются три значения этого слова: 1) «чан для варки меда и пива, как мера»; 2) «варница пива и меда, место, где варят пиво и мед»; 3) «пошлина за варку пива и меда».

В «Материалах для терминологического словаря», кроме того, указывается, что *перевара* имеет еще одно значение — «напиток».

Судя по материалам картотеки ДРС, это значение было самым употребительным: . . . **перемешаютъ землю ратаи и бороноволоки переборонятъ, кормятъ ихъ: хлѣбъ братцкой да рыбки одной да по чашѣ перевары а бороноволокамъ квасъ братцкъ** (Кн. расх. Кир. мон.); **на Өедоровѣ же недѣлѣ въ пятокъ ядь, лопша съ перьцемъ да перевара сычена, а надъ кутьею поютъ соборомъ** (ДАИ); **вина. . . меды и сыченая перевара и всякое лутчее пит(ь)е в оприженном погребѣ** [следует держать] **за замком** (Дом.); **(Дворовымъ людямъ)**

---

[1] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1935, стр. 262.

[2] Толковый словарь русского языка, под. ред. Д. Н. Ушакова, т. III. М., ОГИЗ, 1939, стр. 540.

[3] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России, стр. 257.

[4] Там же, стр. 199.

за первымъ обѣдомъ 2 чаши ячново, а за двемя по чашѣ квасу ячново, да по чашѣ перевары (Врем. И. Тим.).

В этом значении слово употребляется и в фольклорных произведениях: **Поди-тко, Дунаюш(к)о на поцесьенъ пиръ. Ко тому де ко князю да ко Владимеру. Хлеба-соли де исть да перевары пить** (Арханг. был.).

В значении напитка, крестьянского пива или браги упоминается в словаре Даля (с пометой *стар.*)[1]. В этом же значении слово сохранилось в отдельных говорах: «*Перевара* — род полпива, приготовляемого наливанием во второй раз кипятка на хлебный раствор, по спуске первого сусла»[2]. В значении напитка слово употреблено и в грамоте № 3.

3. **поzем.** Упоминается несколько раз в грамоте № 1: **шло поzема...**

По словарю Срезневского и материалам картотеки ДРС можно установить два значения: 1) «пахотная земля» или «участок земли» и 2) «поземельный налог». В обоих этих значениях слово, видимо, было очень употребительным. Первое значение: **на праве врага еремейцовсково и граней землѥ и ле Спасково манастырѥ. еремеицовские дрни позем а на леве врага...землѥ и ле Ивана Судмап това позем Черныповские дрни...** (ВА); **В нн҃ѣшнем гдрь во 132м году искал я Якимко на Тимоѳѣе Явшине гдря своего с позему свезо Тимоѳѣі гдря моего сѣна триста пятнатцат копет да десетсот нитц осва** (Нижегор. а.); **...и по сказкѣ понятыхъ сторонних людей на томь же де позмѣ построили міромь церковь.** (ДАИ).

В этом значении слово упоминается в словаре Даля[3].

Мы находим слово *позем* в значении земли, земельного участка и в областных словарях: «*Позем* — грунт земли. У нас худ позем — т. е. земля неплодородна. Владим.»[4]

«*Позем* — все строения вместе с владеемой землей, принадлежащие тому или иному лицу (Ряговская вол.)»[5].

В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова слово *позем* имеется только со значением «навоз».

Второе значение — «пошлина», «побор» или, по терминологическому словарю Г. Е. Кочина, «разновидность оброка, плата поземщиков хозяину двора»: **...пожаловалъ игумена Іосифа съ братьею въ Тифинскомъ рядку таможною и замытною и помѣрною пошлиною, и судъ, и дворовое, и поземъ, и полавочное и пятно и явку и роговую и привязную и помѣрную и вѣсчую и, всякую пошлину велѣлъ сбирати въ домъ Преч. Богородицы и вѣдати игумену съ братьею...** (АИ); **А дан гдрева црва і великого кнзя платит мнѣ Тимо-**

---

[1] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, стр. 34.
[2] Опыт областного великорусского словаря, стр. 155.
[3] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, стр. 37.
[4] Опыт областного великорусского словаря, стр. 166.
[5] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 86.

ѳѣю и с свои[м] с҃номъ за се[л] го[д] и розрубы всякие, а позему мнѣ Тимоѳѣю и с свои[м] с҃но[м] дава[ти] з дворно[го] мѣ[с]та і с новины ста[р]цамъ з го[ду] на го[д] потри а[л]тны (Кн. сп. Соловецк. мон.).

В этом втором значении мы находим слово **позем** в грамоте № 1, где оно употребляется наряду с другими, обозначающими феодальные повинности.

В заключение мы остановимся еще на двух словах, а именно — на глаголах со значением «брать», «взять»: **имати, пояти: а мы не смиемъ імать ржи безъ твоего слова** № 17; **изъбивъ роукы поустилъ же мя а иноую поялъ** № 9.

Слова эти в древнерусском языке чрезвычайно употребительны; поскольку значение их совершенно ясно, мы не считаем необходимым приводить соответствующие примеры из памятников.

В современном русском литературном языке слова *имать*, *поять* не сохранились, хотя глаголы с этим корнем *-им*, *-ем*, но с другими словообразовательными элементами, весьма употребительны, например: *взять—взимать*, *принять—принимать*, *отнять—отнимать* и пр.

4. **имати.** В словаре Даля слово *имать* приведено со значением «брать, взять, ловить, залучать, хватать»[1].

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова в примечании к слову *имать* сказано, что формы инфинитива и прошедшего времени вышли из употребления и что слово это «церковно-книжное, поэтическое, устаревшее, теперь употребляется только иронически»[2].

В русских народных говорах слово *имать*, видимо, распространено довольно широко, мы находим его в ряде областных словарей: «*имать* — ловить. Вят. Олон. Перм. (Ирбит), Псков (Тороп), Тобол. Яросл. *иматься* — брать на себя что-либо. Твер. (Бежец). Краснохолм[3] — *имать* — пробовать. Псков. Твер. (Осташ.) *иматься* — пробовать с кем-либо силы, бороться. Псков. Твер. (Осташ.)»[4].

«*имать* — ловить, брать, забирать; *имь* — ручное домашнее животное; *неимь* — дичащееся; *имки* — игра в жмурки; *иманье* — отвоз невесты в церковь к венцу (т. е. забирают ее из родительского дома). Шенк.»[5].

«*имушки* — игра в жмурки»[6]; «*имки* — игра в жмурки, *имкой* — легко поддающийся рукам, легко излавливаемый»[7].

---

[1] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, стр. 40.

[2] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1191.

[3] Опыт областного великорусского словаря, стр. 74.

[4] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 73.

[5] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Изд. 2, Акад. наук, СПб., 1885, стр. 59.

[6] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 31.

[7] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. Изд. Акад. наук, СПб., 1907, стр. 162.

5. Слово **поꙗти** в древнерусском языке имело ряд значений: «взять в собственность», «принять», «поймать, схватить», «повести», «взять с собой» и др.[1] Одним из очень употребительных было значение «взять в жены, сочетаться браком». В этом значении оно и употребляется в грамоте № 9.

Слова *поять* в областных словарях мы не обнаружили, но в словаре Даля есть примеры на слово *поимать* (*поять жену;* дается с пометой *стар.*) из новгородских говоров: «*поиматься* — обещаться или взяться за что, посулить (Нвг. Чрп.). *Поиманье* — обрядный поезд за невестой к венцу»[2].

Третью группу в берестяных грамотах представляют слова, которые употреблялись в древнерусском языке и сохранились в современном русском языке, но утратили ряд значений, обычных для языка древнерусского.

1. **даръ: шло і поземѧ і дару .л. вѣ** № 1; **ѹ фомѣ соху даль. дару кѹницю** № 2.

Слово *даръ* в древнерусском языке имело много значений, которые нет необходимости приводить. В грамоте № 1 оно употребляется как термин для обозначения одного из видов податей. В этом значении слово было, видимо, довольно употребительным: **А крюкъ великимъ княземъ по старинѣ на третей годъ; а отъ волостей даръ имати по старинѣ** (ААЭ); **Давали игумену со всее волости дару полтину Новогородцкую; а слугамъ шло дару со всее волости 2 гривны Новогородцкие** (Новг. писц. кн.); **А нового дохода 12 денегъ, а изъ хлѣба четверть... а за пиръ пол — 2 коробьи солоду, пол — коробьи хмѣлю; а за даръ гривна и 4 денги** (Там же); **Не надобѣ имъ платить... подъезды ни благословеная куница ни иные никоторые пошлины, также и десятинники мои корму и дару и всѣхъ своихъ пошлинъ съ нихъ не емлютъ** (АИ) и др.

В этом ли значении употреблено слово **даръ** в грамоте № 2, уверенно сказать нельзя. Эта грамота представляет, видимо, запись о мехах, которые числятся за разными лицами, смысл приведенной нами выдержки не ясен.

2. **соха: ѹ фомѣ соху даль. дару кѹницю** № 2.

Слово *соха* в древности имело следующие значения: «кол, дубина, палка, россошка, знак, составная часть самострела, колодка, орудие для обработки земли, податная единица» (Срезн. и ДРС). Особенно широко оно употреблялось в последнем значении, например: **По совѣту всей земли бояре и воеводы... приговорили собрати в городѣхъ ратнымъ людемъ, казакомъ и стрельцомъ, которые под Москвою въ полкѣхъ на одежу шюбы съ сохи по дватцати по семи шюбъ, а с трехъ вытей по шюбе...** (А. подмоск.); **и мои дѣти пошлютъ писцевъ, да удѣлы свои писци ихъ опишутъ по крестному целованью; да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людемъ...** (СГГД); **А какъ отойдутъ льготныя лѣта и архимандриту Андреяну съ братьею съ тѣхъ дере-**

---

[1] См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 1340.

[2] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, стр. 242.

вень оброкъ Государя царя и великого князя и съ сохъ дань, и ямскія и приметныя деньги, и всякіе Государевы доходы платить по книгамъ (А. Уст.).

Эта податная единица могла быть мерой земли, причем, в зависимости от качества, в «сохе» могло быть разное количество земли: **Аще хощеши верстати землю и ты клади: в сохѣ добрыя земли 800 четей, въ полсохи 400 четей, въ четь сохи 200 четей, въ полчети сохи 100 четей, въ пол-полчети сохи 50 четей** (Торг. кн.).

Эта податная единица могла измеряться и количеством людей, причем тоже с учетом их состояния: **А сошного писма в живущемъ соха с третью и пол — полчетверти сохи, а в пустѣ четверть сохи, а в соху положено лутчихъ людей по 80 дворовъ, а среднихъ людей по 100 дворовъ, а молотчихъ и убогихъ людей по 100 и по 20 дворовъ** (А. гр. распр.).

В разных местностях эта податная единица была разной по величине: **И князь великіи... велѣлъ их** [новгородцев] **вспросити, что ихъ соха, и они сказали: 3 обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одиной лошади ореть, а кто на трехъ лошадехъ и самъ третей ореть, ино то соха** (Симеон. лет.); **Книги Воцкие пятины... а в нихъ писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни... въ сохи по Новогородцкому** (Писц. кн.); **Положено... малыхъ устюжскихъ сошекъ въ большую Московскую соху по 8 сошекъ съ половиною** (Кн. п. Усолья Кам.).

Вероятно, слово *соха* употреблялось и в значении административной единицы: **...купилъ есмь... у Юрья... Перепечина его отчину деревню Быково, чимъ его благословилъ дѣдъ его... и отецъ его... своею отчиною въ Кореневскомъ углѣ, в Дроздовской сохѣ, въ Суздальскомъ уѣздѣ** (АЮБ).

В каком значении употреблено слово **соҳа** в грамоте № 2, сказать трудно. Мы уже отмечали, что грамота № 2 представляет перечень мехов, которые значатся за какими-то лицами. Может быть, следует читать, что за соху или с сохи полагалась подать (дар) — куница.

В современном русском литературном языке слово *соха* сохранилось, по существу, только как название сельскохозяйственного орудия. По говорам представлены и другие значения, например: «*соха* — бревно, один конец которого раздвоен наподобие вил; сохи становятся к колодцам и под навесные сараи, а на них уже кладутся слеги, стойки, столб, подпорка»[1].

«*Соха* — развиловатая подпорка огороды (Петрозав. уезд.)»[2].

3. **кѹница** — тот же пример из грамоты № 2: **ѹ фомѣ соѹѹ далъ. дарѹ кѹницю.**

Слово *куница* употреблялось в памятниках древнерусского языка в следующих значениях:

---

[1] Опыт областного великорусского словаря, стр. 212.

[2] Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, стр. 111.

1) «небольшой хищный зверек с ценным мехом»: ... **туры да олени за горы пошли заицы лисицы по чапцицамъ а волки медведи по елникамъ соболи куницы по островамъ** (Кирша Дан.);

2) «мех»: ... **всего за вышеписанные товары денегъ дано 5 руб. 13 алт. 2 д., а тѣ товары: куницы великому государю на шапку мурмонку** (Сб. Птр.); **Иде Олг на древляны, и на северы, и на козары, и наложи на них дань по черной куницѣ с человѣка на год, и оброки по всей земли Руской устави, и многи городы постави** (Арханг. лет.).

В значении шкурки меха, видимо, и употреблено слово в грамоте № 2;

3) «подать»: **Отъ Благовѣщенья съ Колища Климъ Ивановъ принесъ куницы гривну. Изъ Соболенокъ Лукьянъ принесъ убрусного алтынъ** (Кн. прих. Болд. Мон.); **Приве^{з} из Оста^{ш}кова довоч^{д}икъ Михаило Вышегородо^{к} збору своему памя^{т}, что о^{н}, живучи в Осташкове, собра^{л} на вѣре с велика^{г} посту по Покро^{в} ст҃ей бц^{д}ы вье^{з}жаго и цалова^{л}наго и куницъ и явокъ и с^{к}яки^{х} доходо^{к} по^{л} 5 рубля 5^{де}...** (Прих.-расх. кн. Волок. мон.).

Существовали разные виды этой подати: «куница выводная» (за женитьбу), «мировая куница», «благословенная куница», «явленая куница» и др.

Возможно, что существовали и податные единицы для взимания этой подати с таким же названием (этого значения в словаре Срезневского и в «Материалах для терминологического словаря» нет). Таково значение слова *куница*, как мы полагаем, в следующем примере: **А старого дохода шло съ тое волости великому князю послѣ монастыря съ 15 куницъ да съ четверти куницы 122 гроша** (Новг. писц. кн.);

4) «мера» или «вес»: ... **купилъ... куницу муки ржаиой** (Кн. расх. Хлын.); ... **взяла хлѣба сухово куницу овса да полкуницы ячмени да четверик ржи** (Столб. Шавк.).

Возможно, что в этом же значении употреблено слово и в следующем примере: **вятцкая куница смѣрена три четверти московскихъ** (Росп. воев.).

В современном русском литературном языке слово сохранилось только для названия зверя и меха[1]. В северных областных словарях этого слова нет.

4. **бѣль, бѣла, бѣлка** — эти слова употребляются в грамоте № 1 в значении денежных единиц, в которых платились разного рода повинности.

Слова *бѣль, бѣла, бѣлка*, в этом значении чрезвычайно употребительны в древнерусских памятниках различных жанров и разного времени. В дальнейшем это значение утрачивается, сохраняется лишь слово *бѣлка* в значении «пушной зверь».

5. **очистити: ꙁемлю вамъ оцистимъ** № 41.

Очистити в данном случае означает «заплатить по всем обязательствам, освободить от займов, недоимок». На это значение указывается в словаре

[1] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1548.

Срезневского и в «Материалах для терминологического словаря». В этом значении слово употреблялось в ряде деловых памятников русского языка, например: **...и та нынѣ вотчина очищена вся отъ Василья Шорина и отъ Якима Патокина и ни у кого въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ, и тою Яйвинскою вотчиною владѣти мнѣ Ивану... написано въ тѣхъ нашихъ въ уговорныхъ записяхъ** (ДАИ); **И князь Велики, выслушавъ докладъ княжь Даниловъ... старца Кирила велѣлъ обвинити, потому что Данило Блинъ тѣхъ земель передъ княземъ Даниломъ по грамотам не очистилъ** (Арх. Стр.); **...а гдѣ будетъ тое деревни, которой лоскутъ или пожни... въ закладѣ... ино мнѣ выкупить... да мнѣ очистить Ѳедору та деревня чиста совсѣмъ** (АХУ); **А хто будетъ на меня Ивашка выложитъ кабалу служивую или порядную крестьянскую запись или какову ни буди крѣпость, а мнѣ будетъ не мочно ихъ очистити, и мнѣ Ивашку ему Богдану тотъ крестьянки его животъ отдати назадъ...** (А. тяг.).

6. **положити: и ты ухо положи на судѣ...** № 25.

Слово *положити* в древнерусском языке было очень употребительно и имело много значений: «положить, дать, отдать, представить, предъявить, наложить (пошлину, налог), установить, поставить, избрать, положиться, похоронить» и др. Самым употребительным, судя по картотеке ДРС, были значения «предъявить, представить (что-либо)» и «наложить (пошлину, налог)». Мы не приводим всех значений, поскольку для грамоты № 25 мы можем предполагать только значение «представил что-либо»; в данном случае, «представил свидетеля» (хотя слово *ухо* в этом значении не употребляется). Подобное использование слова нам известно, например: **...и на ту де вотчину отецъ ихъ положилъ на судѣ крѣпости родителей своихъ духовные и изустные памяти за ихъ руками, а тѣ де старцы на ту вотчину крѣпостей никакихъ не положили, а сказали де они в тѣ поры, буттося у нихъ крѣпости пропали** (А. гр. распр.); **Отвѣтчикъ сказалъ, чтобъ в томъ ихъ неправомъ иску рознять по Уложенью, что такимъ писмомъ в большихъ дѣлехъ вѣрити не указано; потому что у того писма руки нѣтъ и рознять вѣрою; потому что онъ истецъ в томъ иску свидѣтеля никакова не положилъ. Да не сходя с суда...** (А. гр. распр.).

Но возможно и другое предположение. Дело в том, что в древнерусском языке глагол *положить* был очень употребителен в составе словосочетаний: *положитъ порядъ* «договориться», *положить намерение* «намереваться», *землю пусту положить* «опустошить», *положить жалобу* «пожаловаться», *положить обещание* «обещать», *положить зависть* «позавидовать» и прочее.

Приведем некоторые примеры: **...прислашаса ѡбои** [два отряда половцев] **къ Глѣбу** [Юрьевичу] **г҇люще: Б҇г҇ъ посадилъ тѧ и кн҇зь Андрѣи на Ѿчинѣ своеи и на дѣдинѣ в Кыевѣ, ино хоцемъ с тобою порѧдъ положити ѡ всемъ и оутвердишаса меж͛у собою...** (Переясл. лет.); [Ростовцы, суздальцы и переяславцы] **послаша ко князю Глѣбу в Рязань... и въ забвенiе положиша**

цѣлованіе честнаго креста еже ко князю Юрью Долгорукому и на меншихъ дѣтехъ его (Ник. лет.); **Пожалуй, прикажи мнѣ сначалу говорить, какъ я ему сперва сталъ сказывать про сіи дѣла, и на тѣ мои слова разсудъ положити** (Сл. и д.). ...**воры хотятъ ссоры положить межъ государствами...** (ДАИ); **Я положила намѣреніе завтрашней день вступить съ вами въ законное супружество** (Пов. о приключ. Георга).

Может быть, и «ухо положить» следует рассматривать как словосочетание или как какой-то термин судопроизводства.

В современном русском языке мы имеем такого рода словосочетания, например: *положить начало, положить предел, положить жизнь*, но нельзя говорить о широкой употребительности их.

7. **исправити: а мене. въıдал(ъ) (рек)лъ. юси железного... рубль. вꙁѧвъ. а ты ...исправи... воꙁми. сапоꙁѣ.** № 4.

Правый нижний край грамоты оборван, поэтому понимание смысла затрудняется.

Глагол *исправити* в древнерусском языке был весьма многозначным (см. словарь Срезневского). Приведем некоторые значения его, устанавливаемые на основании материалов картотеки.

Самым распространенным было значение «сделать, выполнить»: **А буде де шек[к]алъ в слове свое[м] не устои[т] і в че[м] де гд[с]рьского повелѣнья не ісправитъ, а о[н] де Казана[л]пъ во всемъ учини[т] на ево гд[с]рьской воле** (Астрах. а.); **И начат к нему тихо глаголати: «Савво, исправи обещание свое, яже обещался предо мною: да будеши здрав и к тому не согрешай»** (Савва Грудцын).

Встречаются также и некоторые другие значения:

1) «снабдить, обеспечить»: **О подводахъ, чтобъ салдаты оными были исправлены и чтобъ в будущемъ мѣсяцѣ, куды понадобитца, возможно восприять походъ** (Птр.); **Зѣло надобно въ Полоцку обрѣтающіяся драгунскіе полки Фастиановъ, Девежниковъ исправить лошадми, за чѣмъ посланъ къ вамъ порутчикъ Михайло Чириковъ** (Птр.);

2) «отдать, передать, доставить»: **А отпущаючи Арсения патриархъ говорилъ, чтобъ Арсений отъ него исправилъ государю царю поклонъ** (Арс. Сух.); **И как сей нашъ прежереченный рабъ наше посланіе къ тебѣ исправитъ и твое здоровье увидитъ, и ты бъ его къ намъ отпустилъ...** (Пам. дипл.).

В том же значении «доставить» или, может быть, «сохранить» употребляется слово *исправити* в следующем примере: **То де я у тебя принимаю оные деньги без проценту и благодарю за тое, что де ты их в целости исправил и подносил мне в тое пору вина чарку и я ее выпил** (В. арх. Б.);

3) «взять, отнять, достать»: **и того лѣта... иде князь Михаилъ къ Гюргю, поимя съ собою мужи Новгородьскыя, править товаровъ, что поималъ** [Юрий] **на Торжьку и по своей волости. Того же лѣта приде князь Михаилъ, исправивъ товары у Гюргя** (Новг. 1 лет.); ...**аже будете Роусиноу платити Латинескомоу, а не въсхъчеть платити, то ть Латинескомоу просити Дѣтьского**

оу Тиоуна; аже дасть на кмъ Дѣтьскомоу, а не исправить за и дн҃ии товара оу Роусина, то ть дати кмоу на събѣ пороука... (СГГД);

4) «выхлопотать, получить» (современное просторечное «выправить»): **Тое же зимы приде изъ Царяграда Діонисіе епископъ Суздалскій въ свою епископію, генваря 6, а исправи себѣ архіепископію у патріарха Нила и сущимъ по себѣ епископомъ въ томъ предѣлѣ...** (Лет. Воскр.);

5) «избавить, освободить»: **Даниль роди Ивана Калиту иже исправи Рускую землю отъ татей и отъ разбойникь** (Твер. лет.); **Тако ж семяни любистова варив порану ясти всякие немощи в животе исправить** (Леч.);

6) «поправить» **...также гдѣ есть в описяхъ приправки и то исправить, и исправя, вели такихъ напечатать книжекъ со сто...** (Птр.).

В каком значении употреблено это слово в грамоте № 4, решить трудно, так как текст оборван, можно полагать, что автор просит выполнить какое-то поручение или что-либо выхлопотать, достать.

В современном русском языке слово сохранилось только со значением «исправить, сделать лучшим, устранить недостатки»[1].

Наконец, мы остановимся еще на одном слове, которое в новгородских памятниках имеет особое значение:

8. **городище: что кемь. руцилъ. оу петра. на городищѣ.** № 4.

Городище — это пригород или предместье Новгорода, которое находится в нескольких километрах от него[2]. В новгородских и других памятниках имеются упоминания новгородского Городища: **отпустилъ воеводъ своихъ подъ Новъгородъ Городища и монастырей отъимати, чтобъ не пожгли** (Соф. врем.); **Отняли Городище и монастыри все подъ городомъ** (Там же); **Князь Василей Юрьевичь поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье и Заволочане задашеся за него и крестъ къ нему цѣловаша, а отъ Новагорода отъяшася.** (Псковск. 1 лет.); **Князь Василій Юрьевичь въ Новѣгородѣ на Городищи поживъ 8 недѣль, поѣха на Заволочье и оттолѣ взя миръ съ великымъ княземъ** (Псковск. 2 лет.); **...лав. Офоньки Володимерова з городища иконника по затвору $1\frac{1}{2}$ саж. длина $3\frac{1}{2}$ саж. оброку 20 ал.** (Новг. лав. кн.).

Любопытно, что есть и название для жителей Городища: **да городищеномъ дано 4 человѣкомъ 2 мѣста дворовыхъ пустыхъ тяглыхъ подъ дворы...** (Новг. писц. кн.).

На этом мы считаем возможным закончить обзор слов, которые, как мы полагаем, требуют исторического комментария.

Заканчивая нашу работу, приведем два примера, где, на наш взгляд, возможны разночтения.

---

[1] Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1245.

[2] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Указ. работа, стр. 30.

Первым словом, вызывающим разночтения, является глагольная форма **сочита** в грамоте № 7: **сочита оу короман... сороке лисичь...**

М. Н. Тихомиров полагает, что **сочита** — двойственное число от глагола **сочити** — «искать, взыскивать, вести тяжбу». Слово **сочити** в этом значении указано в словаре Срезневского и в «Материалах для терминологического словаря». Судя по материалам картотеки, слово это было малоупотребительным: **Ферарь бо братъ сочѧшеть на ню, ѩко ѡбручиласѧ ити за ѡвада, иже бысть воевода аравскаго цѣсарѧ врагъ же Иродовъ** (Иос. Флав.); **Дер. Савина... подлѣ острова Трестени... 7 дв ...у нихъ угодья мало; да они жъ въ великого князя острову лоси и медвѣди сочатъ** (ПКМГ); **Томь же лѣтѣ рече князь Михаилъ: се у васъ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безъ владыцѣ... а вы сочите таковаго мужа въ попѣхъ ли, в ыгуменѣхъ ли, въ череньцихъ ли** (Новг. 1 лет.); **По этой дорожкѣ колядовщицки ишли соцыли — искали господинова двора** (Псковск. песни); **Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ по хороводу, по народу, онъ по дѣвицѣ, Борисъ, по молодицѣ; сочилъ Борисъ, искалъ Борисъ ласковой тещи, привѣтливой нѣвесты** (Там же).

Едва ли следует говорить уверенно, что в грамоте № 7 глагол **сочити** употребляется в дв. ч. (отсутствие имени существительного-подлежащего не позволяет утверждать, что здесь дв. ч.). Хотя текст не сохранился целиком и смысл грамоты неясен, но все же, кажется, можно предполагать, что мы здесь имеем дело не с малоупотребительным глаголом *сочити*. К тому же следует заметить, что глагол *сочити* обычно употребляется или без предлога (*сочити* кого-либо) или с предлогом *на:* **сочити на ученика** (Пск. судн. гр.); **а на которомъ члкѣ имуть сочити долгу** (Пск. судн. гр.); **сочѧшеть на ню** (Иос. Флав.). В грамоте же № 7 **сочита** употребляется с предлогом **у**.

Нам кажется более вероятным, что в грамоте № 7 употреблен аорист от глагола **съчитати**: **сочита** с **о** на месте **ъ** (в грамоте имеются случаи такой замены).

Глагол *съчитати, съчитаю* — «пересчитывать, делать перепись»: **кде сѫть съвѣщаваѭщеи, кде е҇ съчитаѭи, съмѧтаѭщаѩ малы и великы люди**[1].

Примеров со значением «считать» можно было бы привести по картотеке ДРС много, но в этом нет необходимости. Таким образом, нам кажется, что начало грамоты № 7 следует читать: «сосчитал [или пересчитал] или переписал у Коромана...».

Вторым словом, вызывающим разночтения, является глагольная форма **каꙁа**: **невѣжа писа недума каꙁа а х(то се цита)** № 46.

В. И. Борковский читает **каꙁа** как «показал»[2], но нам кажется, что можно

---

[1] И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 866.

[2] В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот. «Вопросы языкознания», 1953, № 4.

читать «сказал». Глагол *казати* в древнерусском языке имел ряд значений: «сказать, приказывать, заказывать, указывать, показывать, учить, наставить» (см. словарь Срезневского).

Судя по материалам картотеки ДРС, одним из самых употребительных является значение «сказать, говорить». Приведем примеры: ... **Прежде пришествіа твоего посла, къ намъ здрава придя, намъ о животѣ твоего величества каза...** (СГГД); ... **все говоритъ, что и невместимо казати** (Дом.); **А послѣ того ходили въ Литву четыре же ста человѣкъ и тѣмъ съ Литвою и бой былъ, и Литва кажутъ ихъ побили, а они кажутъ Литву побили, а полону не чюти, а то уже, государь, при мнѣ съ того бою биты ранены пріѣхали** (Пам. дипл.); **а пришелъ со всѣми злыми нравы и не съ благочестивою нашею прежнею вѣрою христіянскою; а поставленъ, кажуть, отъ такова же злаго и богомерскаго человѣка, нѣкоего патріарха нарицаемого Григорія же** (АИ); **А все, Государь, то дѣлается отъ безстрашія и пьянства, и наказать бы, Государь, такихъ сторожей не грѣхъ, чтобъ впередъ трезвыми глазы глядѣли и правду казали** (Переп. Хов.); **Съ кѣмъ мнѣ будетъ леночекъ убирать? Свекоръ кажетъ: семъ я съ тобой! С тобой, съ старой головой...** (ВНП).

В значении «говорить, сказать» употребляется слово и в говорах: *казать* — говорить [1]; *казать* — «говорить, сказывать» [2].

Таким образом, предварительное исследование лексики новгородских берестяных грамот приводит к заключению, что грамоты написаны живым русским языком; основная часть лексики принадлежит общенародному русскому языку, известна с древности и употребляется до настоящего времени. Значение большинства слов понятно современному читателю и не требует особых пояснений.

Исходя из этого, мы не считаем необходимым комментировать все имеющиеся в грамотах слова. Поэтому ограничиваемся вышеприведенными замечаниями и в заключении приводим алфавитный указатель всех целых прочитанных слов (за исключением собственных имен) к 25 грамотам на бересте.

---

[1] Опыт областного великорусского словаря, стр. 62.

[2] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия..., стр 67

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТЫ ГРАМОТ И ПЕРЕВОДЫ С РАЗНОЧТЕНИЯМИ

(подготовлены Л. П. Жуковской)

Ниже приводятся с разделением на слова тексты грамот и переводы их.

Грамоты в большинстве не сохранились полностью и поэтому не позволяют судить о их содержании в целом. Но даже и в тех случаях, где возможно предположительное восстановление утраченного текста, мы не ставили перед собой цели восстанавливать текст не сохранившихся частей грамот, а считали необходимым лишь учесть имеющееся.

Указанными причинами объясняется отсутствие связного перевода ряда грамот. Следует подчеркнуть, что, в зависимости от прочтения того или иного знака, от членения текста на слова и толкования морфологических форм, возникает возможность двух или нескольких вариантов перевода.

Авторы стремились достичь полной договоренности по вопросам перевода и разделения грамот на слова. Однако в ряде случаев оказалось неизбежным дать варианты перевода.

В небольшом комментарии к тексту грамот указываются чтения, предложенные другими исследователями.

ГРАМОТА № 1

(ПИСЬМО О ПОЗЕМЕ И ДАРЕ)

Текст грамоты:

I. ---остер---ею і ѳомѣ шло і ---оꙁема. трицать і три ба

II. (а) с лут(и)---оꙁема і дару---кⷬѣ а с менова села шло

III. ---ꙁема і д---бⷪъ і полоть а с---ина села. шло і поꙁема

IV. і дару .м. бⷬъ і---(и) к---ина. села шло і---ма і дару .к. бⷬъ і шесть кⷬъ

V. а с васильева с---(ъ) а с---руньского села---(.к.) бⷬъ дару а с овсѣнва сел

VI. а шло .к. вⷣъ дару а шадрин(а) села шло .к. въ дар---ипова села ı
позема ı да

VII. ру шло .м. вⷣъ безъ дву с ошвина села шло---ару .к. вⷣъ вⷣъ у гаѳа-
нова села

VIII. шло ı поze (ма ı д)ару .л. вⷣъ без дво а z вабиниxъ---ла шло ı позема ı
дару .л. вⷣъ

IX. ---поⷥⷷма ı дару шестьдесѧт(ъ) вⷣъ ı пололоть а хариѧнова се

X. ---мохова села шло дару (.к.) бл҃ъ а с менова стан---кву

XI. ---ка ѳомѣ .д. (в)аци солоду а---каде (ць) .в.ка

XII. ---ци рж---(р)ужиного шло---

XIII. ---ка---по вѣкѣ

Перевод грамоты:

I. ---и фоме шло---позема тридцать три белки

II. ---позема и дару---белки, и с Менова села шло

III. (по)зема и д(ару)---белок и полоть, и с---села шло и позема

IV. и дару 40 белок---села шло и (позе)ма и дару 26 белок,

V. и с Васильева---и с---рунского села---(20) белок дару, и с Овсеева се-

VI. ла шло 20 белок дару, и с Шадрина села шло 20 белок дару,---ипова
села и позема и да-

VII. ру шло 38 белок, с Ошвина [возможно также: с Сошвина и со Швина]
села шло (д)ару 20 белок,(?) Гафанова села

VIII. шло и позе(ма и д)ару 28 белок, и с Вабиных села шло и позема и
дару 30 белок

IX. ---позема и дару шестьдесят белок и полоть, и (с) Харианова се-

X. (ла)---Мохова села шло дару (20) белок и с Менова стана---

XI. ---Фоме 4 ваци [кадки] солоду---2

XII. ---

XIII. по---белке

В грамоте содержится перечень феодальных доходов, которые поступали с указанных в тексте сел некоему Фоме.

А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров при прочтении грамоты ошибочно приняли за разделительный знак (крестик—!?) букву ı десятеричное перечеркнутое, которая употреблена в грамоте 20 раз в значении союза *и*. Во всех случаях, кроме одного, чтение А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова не искажает смысла грамоты, изменяя текст лишь в стилистическом отношении, но на строке IV такое чтение делает непонятным текст, приведенный М. Н. Тихомировым с разделением на слова: «...**ина села шло (позе)ма, дару 20 бел, шесть бел. А с Васильева с(ела-бе) л.**» (См. Арц. и Тих., стр. 20).

ГРАМОТА № 2

(ЗАПИСЬ О МЕХАХ)

Текст грамоты:

I. (а^м)ѣкѹ(є)вь бѣла росомѹха. ѹ фомѣ .г҃.
II. кѹници ѹ мики .в҃. кѹници ѹ фомѣ соχѹ
III. даль. дарѹ кѹницю. вѣльжаѕа. д҃. кѹн
IV. ицаи. гѹгморо на волоки кѹница. ѹ матєщи
V. в҃. кѹници ѹ вѣльютов'ыχо. к҃. кѹници ѹ воѕєм
VI. ѹта .в҃.кѹници. ѹ филипа. в҃. кѹници. ѹ намѣст
VII. а.в҃. бѣли. ѹ жидили. кѹница. воликомо ос
VIII. тро(в)ѣ кѹница

На оборотной стороне:

I. ѹ виχтимаса. в҃. бѣлоки. ѹ гостили. в҃. кѹници. ѹ в
II. ѣлькта. г҃. кѹници ѹ лопинкова. ѕ҃. бѣло.

Текст грамоты сохранился полностью, неясна лишь начальная буква грамоты.

М. Н. Тихомиров читает начало грамоты: **Аекуевь б ла росомуха.** — Арц. и Тих., стр. 25.; А. В. Арциховский читает: А Екуевь бела росомуха, . . . Арц. 51 ВАН, стр. 64; Арц. 51 ВИ, стр. 80; Арц. 53, т. XVIII, стр. 357.

Грамота содержит лишь перечень лиц и мехов, цель написания его не ясна. Толкование наименований приведено в разделе «Лексика».

ГРАМОТА № 3

(ПИСЬМО ОТ ГРИКШИ К ЕСИФУ)

Текст грамоты:

I. поклонъ ѿ грикши къ єсифу. приславъ онаньꙗ. мол---
II. ꙗзъ єму ѿвѣчалъ не реклъ ми єсифъ варити переварꙑ ни на кого і
ѡн(ъ) при
III. слалъ къ ѳєдосꙑ вари тꙑ пивъ сѣдишь на безатьщинѣ не варишь жито---
IV. т---

Перевод грамоты:

Поклон от Грикши к Есифу. Онанья, прислав [либо: «прислав Онанью»] сказал... Я ему отвечал: не говорил [в значении «не приказывал», «не предлагал»] мне Есиф варить перевары для кого бы то ни было. (Тогда) он прислал к Федосье (и приказал): вари ты пиво, (поскольку) владеешь безатьщиной, а пива не варишь...

Текст грамоты на этом не оканчивался (см. об этом в разделе «Палеография»). Далее, повидимому, следовало то основное, ради чего и было написано данное письмо. Сохранившаяся часть составляет, таким образом, как бы введение.

Значительная часть текста первой строки оторвана.

Нет основания рассматривать слова **не реклъ ми есифъ** (II) как запрет (ср. Арц. 53, т. XVIII, стр. 357: «Рассказ можно понять так: Онанья хочет чтобы ему сварили пиво, Грикша отказывает, ссылаясь на запрет Есифа...»), в них следует видеть лишь отсутствие указания (приказа, предложения) со стороны Есифа.

ГРАМОТА № 4

(ПИСЬМО ОТ МИКИТЫ К ЦЕРТУ)

Текст грамоты:

I. **ѿ микитѣ. ко цертоу. что кемь.**

II. **роуцилъ. оу петра. на городищѣ. н---**

III. **юрги. былъ. выдалъ. со двора---**

IV. **не оувѣдалса. а ме.не. выдал(ъ)---**

V. **(к)лъ. кси железного. п(о)---**

VI. **роубль. вꙁавъ. а ты н---**

VII. **ндръ исправи госп---**

VIII. **воꙁми. сапоꙁѣ.**

Правая часть грамоты оторвана. Нет уверенности даже в том, что первая строка грамоты сохранена полностью.

В этих условиях не может быть дан перевод грамоты, дается лишь разделение текста на слова.

ГРАМОТА № 5

(ПИСЬМО ОТ ЕСИФА К МАТФЕЮ)

Текст грамоты:

I. ---(ѵ)--- дав---(е)си

II. ѳа. къ матѳѣю. постои.

III. ꙁа нашего сиротѵ. мо

IV. лви. дворянинѵ павлѵ. пе

V. тровѵ братѵ. дать. грамо

VI. тѣ. не дасть. на него.

Перевод грамоты:

...Есифа к Матфею. Постои за нашего сироту. Скажи [в значении «вели», «прикажи»] дворянину Павлу, Петрову брату, дать документ (так как в противном случае он) не даст [либо «не дает» или «не дал»] на него.

Если дасть — аорист, то последняя строка должна быть переведена: (так как он) не дал на него.

Начальная строка грамоты сохранилась неполностью.

А. В. Арциховский предлагает делить текст в V строке: ...братѵ. да ть... Он пишет: «Трудно понять только выражение «не дасть». Впрочем «ть» перед словом «грамоте» может быть сокращением указательно-усилительной частицы «ти» (такое «ть» в летописи встречается); тогда перевод будет: «да грамоты не даст на него»». — Арц. 51 ВАН, стр. 65; Арц. 53, т. XVIII, стр. 359; ср. также Арц. и Тих., стр. 33.

Это толкование вызывает возражение, поскольку «указательно-усилительная частица» в данном контексте мало вероятна.

Слово дасть (VI) можно рассматривать как форму настоящего времени (может быть, употребленную в значении будущего времени) и как форму аориста, что менее вероятно (см. раздел «Морфология»). В зависимости от этого меняется и перевод грамоты.

ГРАМОТА № 6

(ПИСЬМО ОТ ФИЛИППА)

Текст грамоты:

I. поклоно ѿ ѳилипа к(о) г---

II. ---(м)ною про---

В сохранившейся части письма понятен лишь смысл начала I строки с традиционным начальным оборотом: «поклон от Филиппа к...»

ГРАМОТА № 7

(ПИСЬМО О КОРОМАНЕ)

Текст грамоты:

I. (с)очита оу коромαн---

II. (в)ьно сороке лисичь соро---

III. ко осмь шесть бьбороко---

(Либо: ко осмь шесть бьборо ко---)

IV. ---не п(д)---

Перевод грамоты:

Взыщите с Коромана--- [может быть: «сосчитал у Коромана»---] сорок лисиц [возможно: «сорок лисьих»---] ... восемь, шесть бобров...

Левый и правый края грамоты не сохранились, нет конца, а может быть, и начала грамоты. Все это препятствует пониманию текста.

ГРАМОТА № 8

(ПИСЬМО О КОРОВЕ)

Текст грамоты:

I. (г)осьмнѹн(ѹ) (с)к(р)ȣи гѹчькѹ чья (ти е)

II. сть корова да молови емѹ о жалочьши

III. коровь а едеши по коровѹ а (вьзи три гривьнѣ)

Перевод грамоты:

Смысл грамоты не вполне ясен:

(Г)осмьнуну. Скрой Гучьку, чья корова [т. е. Гучьку, которому принадлежит корова], и скажи ему [не переведено: ожалочьши коровь]. (Если) поедешь за коровой, вези три гривны.

М. Н. Тихомиров в III строке читает: «и гривьнь», т. е. 8 гривен (см. Арц. и Тих., стр. 39).

ГРАМОТА № 9

(ПИСЬМО ОТ ГОСТЯТЫ К ВАСИЛЮ)

Текст грамоты:

I. +Ѿ гостѧтъı къ васильви иже ми отьць даѧ

II. лъ и роди съдаѧли а то ӡа нимь а нъıнѣ во

III. дѧ новоую женоу а мънѣ не въдасть ничь

IV. то же иӡби въ роукъı поустилъ же мѧ а иноу

(Либо: то же иӡбивъ роукъı поустилъ же мѧ а иноу)

V. ю поѧлъ доиди добрѣ сътворѧ

Перевод грамоты:

От Гостяты к Василию. То, что мне отец дал и родственники дали, (находится) у него [либо: «осталось за ним»]. Теперь же, взяв новую жену, (он) не отдал [либо: «не отдаст»] мне ничего.

Далее перевод зависит от выделения словосочетаний IV строки и истолкования их (см. ниже). Членение текста иӡби въ роукъı поустилъ же мѧ а иноую поѧлъ заставляет либо предполагать употребление в живой речи словосочетания *въ руки поустить*, значение которого остается пока неясным, либо перевести так: «избил по рукам (?), развелся со мной, а другую взял».

Членение текста иӡбивъ роукъı поустилъ же мѧ, а иноую поѧлъ позволяет этот текст перевести так: «расторгнув брак, выгнал меня, а другую взял». Но при этом получается почти тавтология, так как слово «выгнал», которым в этом случае переведено слово поустилъ, также заключает в себе значение «расторгнул брак».

Заключительная фраза переводится так: «приезжай, сделав добро» (буквально: «сделающий добро»).

Текст грамоты № 9, наиболее древней из всех, до сего времени опубликованных, уже неоднократно подвергался толкованию различными исследователями: А. В. Арциховским (Арц. 51 ВАН, стр 66; Арц. 51 ВИ, стр. 83—84; Арц. 53, т. XVIII, стр. 359—361), М. Н. Тихомировым (Арц. и Тих., стр. 41—42), В. И. Борковским (Борк. 52, № 3, стр. 133—136), Ф. Ф. Кузьминым (Кузьм., стр. 137—140), Р. Якобсоном (Як., стр. 353—357).

Имеются расхождения даже в определении пола автора письма — Гостяты. Одни (А. В. Арциховский, В. И. Борковский, Р. Якобсон) считают автора письма Гостяту сыном, жалующимся на своего отца; другие (Ф. Ф. Кузьмин) — женой, сетующей на бросившего ее мужа. М. Н. Тихомиров, повидимому, считает правомерными оба предположения (ср. стр. 41 и 42 указ. работы М. Н. Тихомирова).

Вопрос об авторе письма очень важен, так как только в зависимости от разрешения его можно толковать смысл грамоты.

В соответствии с определением авторства письма — с тем, написано ли оно Гостятой-мужчиной или Гостятой-женщиной — различно толкуется текст IV строки грамоты: **изѕивъроукъıпоустилъжемѧ.**

А. В. Арциховский в публикациях 1951 г. делил этот текст следующим образом: «изби, въ роукы поустилъ же мя. А иную поял» (Арц. 51 ВАН, стр. 66; Арц. 51 ВИ, стр. 83) и толковал так: «Слова «въ рукы пустилъ» не совсем понятны (возможно, впрочем, чтение: «избивъ рукы, пустилъ же мя», т. е. «избив по рукам, прогнал меня»)». — Арц. 51 ВАН, стр. 66.

М. Н. Тихомиров читает: **«и зби въ рукы пустилъ же мя, а иную поял»** (Арц. и Тих., стр. 42), толкуя это место иначе: «Выражение **избивъ рукы** следует сопоставить со словом **събить** — согнать, прогнать» (Арц. и Тих., стр. 41).

Р. Якобсон считает, что «форма **роукы** не является винительным падежом мн. числа, а обычным родительным разделительным, зависящим от глагола **пустити**» (Як., стр. 355), и дает свободный перевод: «Очень сильно побив меня, он избавился от меня, женился в то же время на другой» (Як., стр. 355).

В. И. Борковский делит текст следующим образом: **изби въ роукы поустилъ же мя а иную поялъ**... (Борк. 52, № 3, стр. 133) и толкует: «Мы полагаем, что слова *въ роукы поустилъ* следует перевести на основании сопоставления со сходным словосочетанием *ходити въ руку* (словосочетание «*въ роукы поустилъ*» в других памятниках не встретилось), имеющим значение «действовать в подчинении», как «заставил подчиниться»» (Борк. 52, № 3, стр. 136).

Ф. Ф. Кузьмин, считающий Гостяту женщиной, толкует неясное место следующим образом: «*Пустить жену* значило «развестись с женой»... Следовательно, слова грамоты — *поустилъ же мя, а иную поялъ* означают: «развелся со мной, а на другой женился»» (Кузьм., стр. 139). «Думается, — пишет он далее, — что разделить слова в тексте грамоты надо не *изби, въ роукы*, а *избивъ роукы*, где *избивъ* является причастием прошедшего времени. Точного значения этого выражения у нас также нет, но здесь возможна догадка о том, что оно выступает в смысле противоположном *рукобитью:* совершить *рукобитье* — заключить свадебный договор, а *избить руки* — его нарушить» (Кузьм., стр. 140).

ГРАМОТА № 17

(ПИСЬМО К ТИМОФЕЮ)

Текст грамоты:

I. **поклон(ъ) ѿ ми--- л(ѣ) к осподину своıему**

II. **тимофию. ѕемлѧ готова надо.бь сѣмѧна**

III. пришли осподине цавкъ. спроста. а мы н

IV. е смиюмъ имать ржи безъ твоюго сло

V. ва<. .

Перевод грамоты:

Поклон от Михаила к его господину Тимофею. Земля готова — нужны семена. Пришли, господин, искренно [т. е. проявляя доверие к пославшему письмо] человека. А мы не смеем брать ржи без твоего разрешения.

А. В. Арциховский и В. И. Борковский читают в I строке слова «от михаили». — Арц. 52 ВАН, стр. 48; Арц. 53 ВИ, стр. 115; Борк. 53, № 4, стр. 122, 123.

ГРАМОТА № 21

(ПИСЬМО К ТКАЧИХЕ)

Текст грамоты:

I. - - - ци - - - узцин - - -

II. (н)въıткала и ты ко мнѣ при

III. шли а не угодице с кымъ п

IV. рислать и ты у себѧ избѣ

V. ли

Перевод грамоты:

- - - узчин - - - выткала, и ты ко мне пришли. Если не удастся с кем-либо прислать, то ты у себя выбели.

А. В. Арциховский не читает слово узцин - - - (I). В. И. Борковским оно прочитано: узцинку. — Борк. 53, № 4, стр. 124.

угодицескымъ (III) — А. В. Арциховский рассматривает этот отрезок как субстантивированное прилагательное он названия села Угодичи. — Арц. 52, № 12, стр. 48; Арц. 53, № 1, стр. 115.

В. И. Борковский выдвигает другую точку зрения: «Вернее предположить, что *угодице с кымъ* представляет собою словосочетание, а не одно слово, и передает живое произношение возвратной формы *угодить се* (се на месте сѧ), явившееся вследствие того, что конечное *т* в соединении с *с* после падения глухого дает *ц*». — Борк. 53, № 4, стр. 123.

ГРАМОТА № 23

(О РАЗДЕЛЕ РЖИ)

Текст грамоты:

I. поклоно ѿ карпа. к осподину.
II. моему. фоми. было кесми шспо
III. дин(ке). на пустопьржи. рожь кесмь
IV. роздилило. с олькеои. съ гафанко
V. мо. нкмного шсподинь. ржи.
VI. на твою. цасть. два шви
VII. на. цьтвьрти.
VIII. а пантьлиьк ви
IX. дьль самь

Перевод грамоты:

Поклон от Карпа к господину моему Фоме. Был, господин, в Пустопержи. Рожь разделил с Алексой Гафанком. Немного, господин, ржи на твою долю: два овина ржи [оброка?]. А Пантелей видел сам [был сам свидетелем].

А. В. Арциховский пишет: «Трудно понять только слово **четверти**; четвертями мерили рожь, но грамматическое согласование здесь непонятно: возможен смысл *два овина с четвертью*». — Арц. 53, № 1, стр. 116; см. также Арц. 52, № 12, стр. 49.

В. И. Борковский толкует это слово иначе: «Сочетание *два овина цьтвьрти* не представляется возможным перевести как «два овина с четвертью»: употребление род. падежа *цьтвьрти* не дает для этого основания; вернее, что в данном контексте слово *четверть* имеет общее значение «оброк», «налог»». — Борк. 53, № 4, стр. 124.

ГРАМОТА № 24

(О ПРИСЫЛКЕ ГРАМОТКИ)

Текст грамоты:

I. ---(цол)овѣком(ъ) грамотку при
II. шли. таино

Перевод грамоты:

С человеком письмо пришли тайно.

ГРАМОТА № 25

(О СВИДЕТЕЛЬСТВЕ НА СУДЕ)

Текст грамоты:

I. ухо к тобѣ с васил(ь)кмъ со желутковъымъ и тъı ухо поло
II. жи на судѣ. а на мене се шли[1] на томъ. цто еси конь позн
III. алъ у нѣмцина и ухо кси за мене дале и нѣмцине с себе
IV. поводъ сложи(л)---а и тъı г(ли)---

На обороте:

1. на передъ рубл(а) (н)а перед(ъ)---на мене се н(ен)---

Перевод грамоты:

Свидетельское показание [обращено] к тебе с Васильем Желудковым [в смысле: «свидетельское показание указывает на тебя с Василием Желудковым как на свидетелей»]. И ты свидетельствуй на суде и ссылайся на меня в том, что узнал коня у немца и свидетельское показание за меня дал, а немец не признал показания против него... и ты говори...

ГРАМОТА № 27

(ПИСЬМО ОТ ФАЛЕЯ К ЕСИФУ)

Текст грамоты:

I. поклоно ѿ фалеа ко кcифу (п)ослал-
II. азо к тоби. беросто написаво въı
III. шли за---

Перевод грамоты:

Поклон от Фалея к Есифу. Послал я к тебе письмо, написав: «вышли за...» [либо: «Поклон от Фалея к Есифу. Послал я к тебе, письмо, написанное. Вышли за...»].

А. В. Арциховский членит текст (а следовательно, и переводит) так: «Поклоно от Фалея ко Есифу. Послал язо к тоби беросто, написаво: вышли за...» — Арц. 52 ВАН, стр. 50; Арц. 53 ВИ, стр. 116.

---

[1] А. В. Арциховский читает: «...на мене сешли...». Арц. 52 ВАН, стр. 50.

ГРАМОТА № 40

(СТОЯТЬ В ПОДКЛЕТИ...)

Текст грамоты:

I. ---(ть) в
II. неи гвоздȣ.
III. а стоѧть во по
IV. тклѣтѣ кто п
V. ридеть з берестомъ
VI. ----------

Перевод грамоты:

---в ней гвоздю. А стоят в подклети. Кто придет с берестяной грамотой---.

Грамота не имеет ни начала ни конца.

Арциховский считает неигвоздȣ (II) одним словом: «В первой строчке стоит слово *неигвозду*. Смысл его непонятен». — Арц. 53, № 1, стр. 116. Иначе считает В. И. Борковский: «...есть все основания прочесть *в неи гвозду*, где *гвозду* — форма дат. падежа ед. числа или, возможно, род. падежа ед. числа». — Борк. 53, № 4, стр. 125.

А. В. Арциховский толкует содержание грамоты таким образом: «Люди, приходившие с берестяными грамотами, должны были ожидать кого-то в нижнем этаже». — Арц. 52 ВАН, стр. 50; Арц. 53 ВИ, стр. 116.

В. И. Борковский понимает это место иначе: «...вернее, что *стоѧть* относится к предметам, помещавшимся в подклети — нижнем ярусе дома, а последнее предложение с *кто* не закончено, следовательно, грамота не имеет конца». — Борк. 53, № 4, стр. 126.

ГРАМОТА № 41

(ДАЙТЕ НАМ ВОЛЬНО ХОДИТЬ...)

Текст грамоты:

I. те даите (намъ волно ходи---)
II. кȣнахъ землю вамъ оцистимъ. а вамъ кла
III. накмсѧ.

Перевод грамоты:

В грамоте содержится конец письма:

...Дайте нам вольно ходить ... Землю вам очистим, а вам кланяемся.

А. В. Арциховский толкует содержание грамоты следующим образом: «Вероятно адресатами этого письма были феодалы, авторами — вассалы, может быть, крестьяне. За ходатайством о каких-то вольностях следовало, повидимому, денежное обязательство, от которого уцелело слово *кунах*. Дальше авторы письма обещали очистить землю. Понимать это можно различно. Может быть, речь шла об освобождении земли от залогов или недоимок, может быть об очистке ее от камней или пней». — Арц. 53, № 1, стр. 116—117.

В. И. Борковский склоняется к первому из предположений Арциховского и переводит: «. . . землю вам обязуемся освободить от залогов (или недоимок)». — Борк. 53, № 4, стр. 126.

ГРАМОТА № 43

(ПИСЬМО ОТ БОРИСА К НАСТАСЬЕ)

Текст грамоты:

I. (ѿ) бориса. ко ностасии. како п

II. риде. сѧ. грамота. тако. приш

III. ли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ

IV. ꙁане ми. ꙁдѣсе. дѣлъ. много. да

V. пришли. сороцицю. сороцицѣ ꙁа

VI. быле.

Перевод грамоты:

От Бориса к Анастасии. Когда придет эта грамота, тогда пришли мне человека на жеребце, так как у меня здесь дел много. Да пришли рубашку: рубашки забыл.

ГРАМОТА № 46

(ШКОЛЬНАЯ ШУТКА)

Текст грамоты:

н в ж п с н д м к ꙁ а - - - -

е ѣ ѧ и а е у а а а х о е н а

Перевод грамоты:

Незнающий писал, недумающий сказал, а кто это прочитал. . .

Грамота не окончена.

Расшифровка грамоты дана А. В. Арциховским:

Невежѧ писа, недума каза, а хто се цита. . . — Арц. 53, № 1, стр. 117; Арц. 52, № 12, стр. 52.

ГРАМОТА № 49

(ПИСЬМО ОТ НАСТАСЬИ К БРАТЬЯМ)

Текст грамоты:

I. поклонъ. ѿ ностасьи къ гну къ моки къ бъратьи. оу мене

II. бориса в животѣ нѣтъ. какъ се г҇до мною попецалуюте

III. и моими дѣтми.

Перевод грамоты:

Поклон от Анастасии к господам братьям моим. У меня Бориса нет в живых. Как, господа, позаботитесь обо мне и моих детях?

А. В. Арциховский и В. И. Борковский считают автором письма ту же Настасью, которой была адресована грамота № 43. — Арц. 53 ВИ, стр. 117; Арц. 52 ВАН, стр. 52; Борк. 53, № 4, стр, 126.

ГРАМОТА № 53

(ПИСЬМО ОТ ПЕТРА К МАРЬЕ)

Текст грамоты:

I. поклонъ ѿ потра к марьѣ

II. покосиле есмь пожню и ѡ

III. ʒерици. оу мене сѣно ѿꙗли

IV. спиши списокъ с купнои

V. грамотѣ да пришли сѣмо

VI. куды грамота поведе дать

VII. ми роʒумно

Перевод грамоты:

Поклон от Петра к Марье. Я скосил покос, и озеричи [жители села Озеры] у меня сено отняли. Напиши [= сними] копию с купчей грамоты и пришли сюда, куда грамота [= письмо Петра] покажет путь. Мне нужно дать [= представить] разумно.

А. В. Арциховский считает слова *куды грамота поведет* (VI) началом фразы: «. . . Спиши список с купнои грамоте, да пришли семо. Куды грамота поведе, дать ми разумно». — Арц. 52 ВАН, стр. 52; Арц. 53 ВИ, стр. 117.

В. И. Борковский выдвигает иную точку зрения: «Кажется, что А. В. Арциховский допускает ошибку, полагая слова *куды грамота поведе* началом фразы:

Куды грамота поведе, дать ми розумно, считая при этом, что *розумно* означает «понятно». При такой разбивке текста, как у А. В. Арциховского, и при таком переводе слова *розумно* трудно доискаться смысла в приведенной фразе; вернее, что слова *куды грамота поведе* относятся к предыдущей фразе (точнее — к слову *сѣмо*) и являются образным выражением». — Борк. 53, № 4, стр. 127.

ГРАМОТА № 54

(О СОКОЛАХ)

Текст грамоты:

I. ---(т) а---микулици сокол---

II. ---стуѧ соколъ (ол) микифорцѧ

Перевод отрывка дать невозможно вследствие его фрагментарности.

А. В. Арциховский толкует текст грамоты следующим образом: «Перед нами, очевидно, отрывок из расписания соколиной охоты. Поименованы, повидимому, сокольники новгородского боярина». — Арц. 53, № 1, стр. 118.

ГРАМОТА № 69

(ПИСЬМО ОТ ТЕРЕНТИЯ К МИХАЛЮ)

Текст грамоты:

I. ѿ тереньтеѧ къ михалю при

II. шьлить лошакъ съ ѩковьцемь

III. поедуть дружина савина чадь

IV. а на ѩрославли добръ ʒдоровъ и с гри

V. горемь оуглицане ʒамерьʒьли на

VI. ѩрославли і ты доуглеца и ту пакъ

VII. дружина

Перевод грамоты:

От Терентия к Михаилу. Пришлите лошака с Яковом [можно перевести: «пришлите лошака» и «пришли того лошака» (*тъ лошакъ*)]. Поедет дружина, люди Саввы. Я в Ярославле в добром здоровье, с Григорием. Угличане (речь

идет об углических кораблях) замерзли в Ярославле. И ты к Угличу (шли лошака), там войско, дружина.

А. В. Арциховский и вслед за ним В. И. Борковский приняли букву і десятеричное (VI) за разделительный знак. — См. Арц. 52 ВАН, стр. 54; Арц. 53 ВИ, стр. 118; Борк. 53, № 4, стр. 127.

ГРАМОТА № 78

(ВОЗЬМИ У ТИМОЩЕ...)

Текст грамоты:

I. + въземи оу тимоіще одиноу на десѧтѣ гривъноу

II. оу воицина шоурина на конѣ псании хомоут(ь̆) и во

III. же и оголове и попоноу.

Перевод грамоты:

Возьми у Тимощи одиннадцать гривен, у Воицина шурина за коня записанные хомут, и вожжи, и узду, и попону.

Можно читать: хомуть и вожи (II), но так же и хомутни вожи и переводить: «хомутные вожжи», поскольку буква после слова хомут может быть прочитана и как ь и как н.

УКАЗАТЕЛЬ

В указателе приводится не исходная, а засвидетельствованная в грамоте форма (косвенные падежи существительных и прилагательных, если не имеется формы именительного падежа, различные формы глаголов так, как они даны в грамоте, если не имеется инфинитива), ибо восстанавливаемая исходная форма была бы всегда более или менее предположительной — во всяком случае, в смысле своего фонетического и орфографического оформления.

Таким образом, имена существительные, прилагательные и местоимения даются в той форме, какая имеется в грамоте, и вне зависимости от предлога помещаются по алфавиту (например, **на безатьцинѣ** — на букву **Б**, **на волоки** — на букву **В**, **на городищѣ** — на букву **Г**, **с купнои** — на букву **К** и т. д.).

Мы сочли возможным не соблюдать полностью принцип размещения по алфавиту и для удобства читателя поместили разные формы и орфографические разновидности одного и того же слова в одну статью (например: **взявъ**, **возми**, **въземи**).

В том случае, если орфографическая разновидность касается первой буквы слова, мы помещаем слово в указателе, исходя из этимологии этого слова. Так, например, на предлог **с** в словосочетании **з берестомъ** приводим в словоуказателе на букву **с**. При наличии супплетивных форм разные формы одного слова даются в одной статье (например, **азъ**, **у мене**, **ми** и т. д.).

В указателе слова размещаются в следующем порядке: сначала даются имена существительные, прилагательные, местоимения в именительном падеже; если эти формы отсутствуют, — в родительном или другом имеющемся падеже и далее по порядку падежей. Глаголы даются в форме инфинитива; если нет инфинитива, приводятся формы, образующиеся от основы инфинитива; если нет основы инфинитива, — то по алфавиту форм образующихся от основы настоящего времени.

В словоуказателе сохраняется орфография памятника. Мы считали необходимым указывать этимологические написания только в том случае, если затрудняется понимание формы. Грамматические пояснения даются лишь тогда, когда вне контекста неясна форма слова или возможны разночтения.

Цифры обозначают: первая — номер грамоты, вторая — номер строки.

А

а — союз — 9 II, 9 II, 9 III, 9 IV, 8 III, 4 IV, 4 VI, 40 III, 41 II, 46 I, 1 II, 1 V, 1 VI, 1 IX, 1 X, 10 I, 17 III, 21 III, 23 VIII, 25 II

Б

на безатьщинѣ — 3 III

безъ — предлог — 1 VII, 10 I, 17 IV; без — 1 VIII

бересто — 27 II; з берестомъ — 40 IV

брату — 5 V

бъратьи — 49 I

было ѥсми — 23 II; былъ выдалъ — 4 III; покосиле єсмь 53 II; єсмь роздилило — 23 III; єсмь руцилъ — 4 I; ѥси дале — 25 III; єси позналъ 25 II; єсть — 10 I

бьбороко — сущ. м. р. род. п. мн. ч.; на конце слова о на месте ъ — 7 III

бѣла — прилагат. ж. р. им. п. ед. ч. или сущ. ж. р. им. п. ед. ч. — 2 I

бѣли — сущ. ж. р. род. п. ед. ч. — 2 VII

бѣлоки — сущ. ж. р. род. п. ед. ч.; о на месте ъ — 2 I (на обороте грамоты); по бѣлкѣ — 1 XIII

бѣло — сущ. ж. р. род. п. мн. ч.; на конце слова о на месте ъ — 2 II (на обороте грамоты); блъ = бѣлъ — 1 III, 1 IV, 1 V, 1 VII, 1 VII, 1 VIII, 1 VIII, 1 X

В

в — предлог — 40 I, 49 II; во — 40 III

вамъ — местоимение — 41 II, 41 II

варити — 3 II; вари — повелит. накл. — 3 III; варишь — 3 III

(в)аци — сущ. р. п. ед. ч. (?); исходная форма слова не найдена — 1 XI

везе — наст. вр. 3-го л. ед. ч. — 10 II

взѧвъ — 4 VI; возми — 4 VIII; въземи — повелит. накл. е на месте ь — 78 I

видьль — перфект 3-го л. ед. ч.; после д — ь на месте ѣ, на конце слова ь на месте ъ или на месте е — 23 VIII

водѧ — 9 II—III

воже — сущ. ж. р. вин. п. мн. ч. е на месте ѣ — 78 II

воликомо — прилагат. м. р. местн. п. ед. ч.; на конце слова о на месте ъ — 2 VII

волно — 41 I

на волоки — сущ. м. р. местн. п. ед. ч.; на конце слова и на месте ѣ — 2 IV

въдасть — аорист 3-го л. ед. ч. или наст. вр. 3-го л. ед. ч. со значением будущего времени — 9 III

выдалъ — 4 IV; былъ выдалъ — 4 III

выткала — 21 II

вышли — повелит. накл. — 27 II

вьзи — вероятно, повелит. накл. от везти; ь на месте е — 8 III

Г

гвозду — слово вне контекста, форма неясна — дат. п., род. п. или местн. п. ед. ч. — 40 II

на городищѣ — 4 II

гну = господину — дат. п. ед. ч. — 49 I; г°до = господо — зв. п. ед. ч. собират. — 49 II

готова — 17 II

градъ — 10 I

грамота — 43 II, 53 VI; грамотѣ — род. п. ед. ч. — 5 V; с грамотѣ — 53 V; грамоту — 10 II

грамотку — 24 I

гривъну — 78 I: гривьнѣ (вне контекста форма неясна) — 8 III

Д

да — союз — 8 II, 43 IV, 53 V

дать 5 V, 53 VI; ѥси дале — перфект 2-го л. ед. ч; в слове дале на конце слова е на месте ъ — 25 III; даль — перфект, по контексту лицо установить нельзя — 2 III; дасть — 5 VI; дате — 41 I

дарꙋ — 2 III, 1 II, 1 IV, 1 V, 1 VI, 1 VIII, 1 VIII, 1 IX, 1 X

даѧлъ — 9 I

два — 23 VI

со двора — 4 III

дворѧнину — 5 IV

до — предлог — 69 VI

добрѣ — 9 V

Є

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

ѡнъ — местоим. — 3 II; **к ному** — 10 I; **на него** — 5 IV; **за нимь** — 9 II
осмь — числит. — 7 III
осподину — 17 I, 23 I; **осподине** — зват. форма — 17 III; **ѡсподинъ** — **ь** на месте **е** — 23 II; **ѡсподинь** — 23 V
островѣ — местн. п. ед. ч. — 2 VII
ѿ (= от) — предлог — 9 I, 69 I, 6 I, 3 I, 4 I, 43 I, 49 I, 53 I, 17 I, 23 I, 27 I
ѿвѣчалъ — 3 II
отьць — 9 I
ѿняли — 53 III
оцистимъ — **ц** на месте **ч** — 41 II

П

переварьі — 3 II
пивъ — вин. п. ед. ч.; на конце слова **ъ** на месте **о** — 3 III
писа — аорист 3-го л. ед. ч. — 46
по — предлог — 8 III, 1 XIII
поведе — буд. вр. 3-го л. ед. ч. — 53 VI
поводъ — 25 IV
поедуть — 69 III
пожню — 53 II
поземл — сущ. м. р. род. п. ед. ч. — 1 III, I VI, I VIII, 1 VIII, 1 IX
еси познаалъ — 25 II
поклоно — им. п. ед. ч.; на конце слова **о** на месте **ъ** — 6 I, 23 I, 27 I; **поклонъ** — 3 I, 49 I, 53 I, 17 I
покоснле есмь — перфект 1-го л. ед. ч.; в слове **покоснле** **е** на месте **ъ** — 53 II
положи — повелит. накл. — 25 I
полоть — сущ. им. п. ед. ч. — 1 III, **по(ло)лоть** 1 IX
попецалуете — **ц** на месте **ч** — 49 II
попоноу — 78 III
(п)ослалъ — 27 I
посолъ 10 I
постои — повелит. накл. — 5 II
во потклѣтѣ — 40 III
пошлъ — 9 V
придеть — 40 IV; **приде** — буд. вр. 3-го л. ед. ч. — 43 I
прислать — 21 VI, 3 I; **прислалъ** — 3 II; **приславъ** — 3 I; **пришли** — повелит. накл. — 43 II, 43 V, 53 V, 17 III, 21 II, 24 I; **пришьлить**—69 I—II
псанни — прилагат. м. р. вин. п. ед. ч. или им. п. мн. ч. — 78 II
поустилъ — 9 IV
безъ пути — 10 I
пякъ — им. п. ед. ч. — 69 VI

Р

реклъ — 3 II
рожь — 23 III; ржи — 17 IV, 23 V
роди — сущ. им. п. мн. ч. — 9 II
есмь розднило — перфект 1-го л. ед. ч.; в слове **розднило** на конце слова **о** на месте **ъ**, после **д** — **и** на месте **ѣ** — 23 III
розумно — 53 VII
рссомѹха — 2 I
рукли — род. п. ед. ч. (?): форма неясна — 25 I (на обороте); **рукль** — вин. п. ед. ч. — 4 VI
роукы — вин. п. мн. ч. — 9 IV
есмь руцилъ — **ц** на месте **ч** — 4 I

С

с — предлог — 53 IV, 69 IV, 1 II, 1 V, 1 V, 1 VII, 1 X, 21 III, 23 IV, 25 I, 25 III; **з** — 1 VIII, 40 V; **со** — 4 III, 25 I; **съ** — 69 II, 23 IV
самъ — местоим. — 10 II; **самь** — на конце слова **ь** на месте **ъ** — 23 IX
сапозѣ — 4 VIII
своему — 17 I
се — указат. местоим. — 46
се — возвр. частица — 25 II, 49 II
у себя — род. п. ед. ч. — 21 IV; **с себе** — род. п. ед. ч. — 25 III
села — род п. ед. ч. — 1 II, 1 III, 1 III, 1 V, 1 VI, 1 VI, 1 VII, 1 VII, 1 X
сироту — 5 III
слева — род. п. ед. ч. — 17 IV
сложи(л) — перфект 3-го л. ед. ч. — 25 IV
смиемъ — наст. вр. 1-го л. мн. ч.; **и** на месте **ъ** — 17 IV
соколъ — 54 II
солоду — род. п. ед. ч. — 1 XI
сороке — числит.; на конце слова **е** на месте **ъ** — 7 II
сороцицю = **сорочицю** — **ц** на месте **ч** — 43 V; **сороцицѣ** — вин. п. мн. ч. — 43 V
сохѹ — 2 II
сочита — аорист. 2-го или 3-го л. ед. ч. от глагола **съчитати** или дв. ч. от глагола **сочити** — 7 I
списокъ — 53 IV
спиши — 53 IV
спроста — 17 III
стана — сущ. м. р. род. п. ед. ч. — 1 X
стоять — 40 III
на судѣ — 25 II

Т

Ꙋ

Х

Ц

Ч

Ш

Ꙗ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I—IV. СПб., 1836.
А. гр. распр.	— Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I—II. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860—1863.
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией, т. I. СПб., 1841.
А. подмоск.	— Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Собрал и ред. С. Б. Веселовский. Смутное время Московского государства, вып. 5. Чтения ОИДР, кн. 4, 1911.
Арс. Сух.	— Статейный список Арсения Суханова. СПб., 1889.
Арханг. был.	— Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. III. Мезень, изд. АН. СПб., 1910.
Арханг. лет.	— Устюжский летописный свод (Архангельский летописец). Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.
Арх. Стр.	— Архив П. М. Строева, т. I. РИБ, т. 32, изд. 3, Пг., 1925.
Арц. 51 ВАН	— А. В. Арциховский. Археологические открытия в Новгороде. «Вестник АН СССР», М., 1951, № 12, стр. 60—69.
Арц. 51 ВИ	— А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», М., 1951, № 12, стр. 77—87.
Арц. 52 ВАН	— А. В. Арциховский. Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 45—57.
Арц. 53 ВИ	— А. В. Арциховский. Раскопки 1952 года в Новгороде. «Вопросы истории», М., 1953, № 1, стр. 113—124.
Арц. 53, т. XVIII	— А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. «Советская археология», М., 1953, т. XVIII, стр. 342—371.
Арц. и Тих.	— А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 1—68 + 15 вкладных таблиц.
Астрах. а.	— Акты астраханской воеводской избы XVII в. (хранятся в ЛОИИ).
А. тяг.	— М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I—II. Юрьев, 1895—1897.

А. Уст.	— В. П. Шлепин. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. I—II. Великий Устюг, 1912—1913.
АХУ	— Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. II. 1500—1706. РИБ, т. 14, изд. 3, Пг., 1925.
АЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I—III. Под. ред. Н. Калачова. СПб., изд. Археограф. комиссии, 1857—1884.
Борк. 52, № 3	— В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 131—136.
Борк. 53, № 4	— В. И. Борковский. Новые находки берестяных грамот (о статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г. в Новгороде). «Вопросы языкознания», М., 1953, № 4, стр. 122—133.
В. А.	— Великорусские акты XIV—XV вв. (хранятся в ГПБ).
В. арх. Б.	— Вотчинный архив Бутурлиных, Палех (хранится в Ивановск. обл. архиве), 1708—1795 гг.
ВНП	— Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским, т. I—VII. СПб., 1893—1902.
Воронежск. а.	— Воронежские акты. Материалы для истории Воронежской и соседних губ., т. I. Воронеж, 1887.
Врем. И. Тим.	— Временник дьяка Ивана Тимофеева. РИБ, т. 13, изд. 3, Пг., 1925.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комиссией, т. I—XII. СПб., 1846—1872.
Двин. гр.	— А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., изд. ОРЯС АН, СПб., 1903.
Дом.	— Домострой по списку ОИДР. Предисл. И. Е. Забелина. Чтения ОИДР, кн. 2, 1881.
ДРС	— Картотека древнерусского словаря в Институте языкознания АН СССР.
Иос. Флав.	— Иосиф Флавий о полонении Иерусалима, кн. 4—7. Копия с рукописи Волоколамского монастыря XII в. в списке XVI в.
Ипат. лет.	— Ипатьевская летопись. ПСРЛ, изд. 3, т. II, вып. 1, Пг., 1923.
Ист. о в. кн. Моск.	— Сочинения кн. Курбского, т. I. РИБ, т. 31, изд. 3, Пг., 1925
Кирша Дан.	— Сборник Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера. СПб., изд. Публ. библ., 1901, сп. XVIII в.
Кн. Поганкина	— Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Список с подлинника К. Г. Евлентьева. Псков, 1870.
Кн. прих. Болд. мон.	— Болдин-Дорогобужский монастырь. Книги приходные. РИБ, изд. 3, т. 37, Пг., 1924.
Кн. п. Усолья Кам.	— Писцовая книга Яхонтова 1579 года по городу Усолью Камскому и Усольскому уезду. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. III. Пермь, 1891.
Кн. расх. Кир. мон.	— Книга расходная Кириллова Белозерского монастыря (рукопись ЛОИИ).
Кн. расх. Хлын.	— Расходная книга города Хлынова земского старосты Ивашки Репина 1679—1680 (рукопись ГПБ. Скоропись XVII в.).
Кн. сп. Соловецк. мон.	— Книги списков с вотчинных и других крепостей Соловецкого монастыря 1544—1626 гг. (рукопись ЛОИИ, опись Б. Д. Грекова № 146).

Кузьм. — Ф. Ф. Кузьмин. Новгородская берестяная грамота № 9. «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 137—140.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I, вып. 1, 2, 3. Л., 1926—1928.

Лет. Воскр. — Летопись по Воскресенскому списку XVI в. ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856.

Леч. — Лечебник. Рукопись в 336 главах из собр. В. Н. Перетца, № 76, конец XVII — начало XVIII в.

МДИР — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина, т. I—VIII, М., 1875—1877.

Нижегор. а. — Нижегородские акты XVII в. (хранятся в ЛОИИ).

Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ, т. X. СПб., 1885.

Новг. лав. кн. — Лавочные книги Новгорода-Великого 1583. Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., РАНИОН, 1930.

Новг. 1 лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., изд. Археограф. комиссии, 1888.

Новг. писц. кн. — Новгородские писцовые книги, т. I—II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, ок. 1495 г. СПб., 1859—1862.

Онежск. был. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.

Пам. дипл. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, т. III. 1574. Сб. Русск. истор. об-ва, т. 95, СПб., 1895.

Переп. Хов. — Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. Сообщена г. Лукьяновым. Старина и новизна, кн. 10. М., 1905.

Переясл. лет. — Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., изд. К. М. Оболенским, 1851.

ПИК — Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М., изд. Н. Н. Клочкова, 1918 (Пам. русск. ист.).

Писц. д. — Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, т. I, II. Собрал и ред. С. В. Веселовский. Чтения ОИДР, 1913, 1916.

Писц. кн. — Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. Сб. Моск. арх. Мин. юст. М., т. V, 1913.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства, ч. I. Писцовые книги XVI века. Под ред. Н. В. Калачова. СПб., изд. РГО, 1877.

Пов. о приключ. Георга — Повесть о приключении английского милорда Георга и о Бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, изд. М. Комаровым. СПб., 1782.

Прих.-расх. кн. Волок. мон. — Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря № 7. 7097—7098 (1588—1589). Рукопись Моск. гос. архива феодально-крепостнической эпохи.

Псковск. 1 лет. — Псковская первая летопись. ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.

Псковск. 2 лет. — Псковская вторая летопись. ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.

Псковск. песни — Народные песни, собранные и записанные в Псковской губ. И. К. Копаневичем. Псков, 1907.

Пск. судн. гр. — Псковская судная грамота. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1914.

Птр. — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I—IX. СПб., М. — Л., 1887—1950.

Росп. воев. — Росписной список стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского. Тр. Вятск. уч. арх. ком. Вятка, 1905.

✓ Русск. Пр. — Правда Русская, т. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940 (Институт истории АН СССР).

Савва Грудцын — М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (тексты). Тр. Отд. древнерусской лит-ры Института литературы АН СССР. М.—Л., 1947.

Сб. Птр. — Сборник выписок и архивных бумаг о Петре Великом, т. I. М., 1872.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. коллегии иностр. дел, ч. I. М., 1813—1894.

Сев. гр. — Северные грамоты XV в. Сообщил Н. С. Чаев. Лет. занятий Археограф. комиссии за 1927—1928 гг., вып. 35, Л., 1929.

Симеон. лет. — Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913.

Ск. Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. I. Л., 1936.

Сл. и д. — Новомбергский Н. Слово и дело государево (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649), т. I. Записки Московского археологического института, т. XI, М., 1911.

Соф. врем. — Софийский временник. Софийская I летопись. ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893, 1902, 1912.

Столб. Шавк. — Столбы из деревни Шавкунской. Тр. Вятск. уч. арх. ком., вып. I, 1914.

Твер. лет. — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Торг. кн. — Торговая книга с предисл. И. П. Сахарова. Зап. Отдел. русск. и слав. археологии Археол. об-ва, т. I, 1851.

Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (хозяйство боярина Морозова), ч. II. Мат. по ист. феод.-креп. хоз., вып. 1—2. М.—Л., 1933—1936.

Холоп. — А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XV в., т. I. М.—Л., 1943.

Як. R. Jakobson. Nestiges of the earliest Russian vernacular. «Word», New York, vol. 8, № 4, 1952, p. 353. «Slavic word», № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

•

Редактор издательства *Ф. Ф. Кузьмин*
Технический редактор *Н. И. Москвичева*
Корректор *Р. Ф. Астафьева.*

•

РИСО АН СССР № 19-66В. Сдано в набор 30/VI 1954 г. Подписано к печ. 9/V 1955 г. Формат бум. 84 × 108[1]/[16]. Печ. л. 13,50=22,14 + 8 вклеек. Уч.-издат. л. 15,2+1,7 вкл. Тираж 3000. Т-02490. Изд. № 626. Тип. заказ № 1242.

Цена 13 руб.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Подсосенский пер., д. 21

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
130	9 св.	за нмь,	за нимь,
191	13 сн.	**б ла росомуха.—**	**бѣла росомуха.—**
196	2 сн.	мн———л(ѣ)	і мн———л(ѣ)

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот

* ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ *